

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

БЕЛЯЕВА Виктория Михайловна

**СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ
В УСЛОВИЯХ УЧЕБНОГО БИЛИНГВИЗМА**

10.02.19 – теория языка

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук
Золотова Наталия Октябревна

Тверь 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. ФЕНОМЕН НЕОДНОЗНАЧНОСТИ: ПРИРОДА И ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ	
1.1. Неоднозначность: виды и подходы к изучению.....	12
1.2. Лексическая неоднозначность в контексте развития компьютерной лингвистики и проблема создания искусственного интеллекта.....	34
1.3. Лексическая неоднозначность: «ложные друзья» переводчика как межъязыковой феномен.....	41
Выводы по главе 1.....	48
Глава 2. НЕОДНОЗНАЧНОЕ СЛОВО В МЕНТАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ ЧЕЛОВЕКА	
2.1. Модели хранения и доступа к неоднозначному слову.....	50
2.2. Контекст и проблема неоднозначности.....	58
2.3. Частотность слова и его значения как фактор, влияющий на преодоление неоднозначности.....	65
Выводы по главе 2.....	71
Глава 3. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ НОСИТЕЛЯМИ УЧЕБНОГО БИЛИНГВИЗМА	
3.1. Вопросы организации эксперимента.....	73
3.1.1. Цель, задачи и методика экспериментального исследования...	73
3.1.2. Процедура проведения эксперимента. Характеристика испытуемых.....	75
3.1.3. Источники и мотивированность выбора стимульного материала	77
3.2. Результаты экспериментального исследования.....	86
3.2.1. Анализ результатов эксперимента №1. Выбор значения неоднозначного слова при отсутствии вербального контекста и в однознач-	86

НОМ КОНТЕКСТЕ.....	
3.2.2. Анализ результатов эксперимента №2. Ассоциативный эксперимент и заканчивание предложения, содержащего неоднозначное слово.....	98
Выводы по главе 3.....	106
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	109
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	113
ПРИЛОЖЕНИЕ 1.....	131
ПРИЛОЖЕНИЕ 2.....	132
ПРИЛОЖЕНИЕ 3.....	133
ПРИЛОЖЕНИЕ 4.....	137
ПРИЛОЖЕНИЕ 5.....	139
ПРИЛОЖЕНИЕ 6.....	141

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационная работа посвящена изучению стратегий, которыми пользуются носители учебного билингвизма при встрече с неоднозначным словом. Неоднозначность как свойство, присущее человеческому мышлению, а также одна из главных особенностей восприятия человеком окружающего мира, отмечалась учёными с древних времён. Проблеме неоднозначности посвящены многочисленные труды, рассматривающие это понятие с различных точек зрения и на разнообразном материале. Авторы высказывают свои предположения о возможностях классификации видов неоднозначности [Апресян 1971; Виноградов 1977; Драгой 2006; Зализняк 2004; Лицзюнь, Ичжи [http](#)], рассматривают неоднозначность как средство создания юмористического эффекта и рекламный приём [Бревдо 1999; Буряков [http](#); Зализняк [http](#); Крылова [http](#)]. Для некоторых исследователей актуальным оказывается «автоматическое разрешение» неоднозначности в процессе машинного перевода [Будагов 1983; Lesk 1986], в то время как другие авторы сосредоточены на восприятии неоднозначного слова «обычным» человеком [Иомдин 2014; Пумпянский 1983; Caramazza, Grober 1976; Сума [http](#); Nunberg 1979; Schvaneveldt 1976; Simpson 1981; Simpson, Burgess 1985; Van Petten [http](#)].

В работе фигурируют два ключевых понятия – «неоднозначность» и «многозначность». Понятие неоднозначности является более широким и анализируется на разных уровнях языка: морфем, слов, предложений и текста. Соотношение понятий неоднозначности и многозначности может рассматриваться с точки зрения «принципа причинно-следственной связи»: неоднозначность предшествует оценке языковой единицы, а многозначность является конкретным результатом понимания. Видами лексической неоднозначности являются многозначность и омонимия. В свою очередь термины «многозначность» и «полисемия» в контексте настоящего исследования выступают в качестве синонимов.

В центре внимания предпринятого исследования – неоднозначное слово, под которым понимается лексема, имеющая более чем одно значение. Необходимо уточнить, что речь идет о неоднозначном слове иностранного языка (далее – ИЯ), при работе с которым у носителя учебного билингвизма возникает проблема выбора «нужного» значения, способствующего адекватному пониманию текста.

Сделана попытка не только выявить особенности восприятия неоднозначного слова ИЯ, но и выяснить, каким образом наличие неоднозначного слова влияет на понимание текста, а также какими стратегиями пользуются испытуемые (далее – Ии.), носители учебного билингвизма, для преодоления лексической неоднозначности. Рассматриваются примеры как лексической многозначности (полисемии), так и омонимии. Разграничивая эти два понятия, мы придерживаемся точки зрения Д. Н. Шмелева и А. И. Смирницкого, представленной в обзоре [Лицзюнь, Ичжи <http>], согласно которой полисемия и омонимия противопоставляются по семантическому признаку. Иными словами, если между значениями слова присутствует семантическая связь, мы говорим о лексико-семантических вариантах (ЛСВ) одного и того же слова, если же её нет – рассматривается случай омонимии.

Актуальность исследования обусловлена: 1) востребованностью научных изысканий в области учебного билингвизма, связанных с совершенствованием методов обучения иностранным языкам, нацеленных на формирование базы для полноценного понимания иноязычных текстов, 2) важностью для решения задач, связанных с совершенствованием программ машинного перевода. Предлагаемый в диссертации ракурс проблемы являются малоизученным, полученные результаты дают возможность моделировать процессы, происходящие в ходе идентификации человеком неоднозначного иноязычного слова.

Объектом исследования выступает процесс идентификации неоднозначного слова, **предметом** – то, каким образом осуществляется доступ к

значениям неоднозначного слова, т.е. стратегии и опоры, используемые Ии. в процессе доступа к значениям неоднозначного слова.

Целью диссертационного исследования является разработка модели процесса идентификации неоднозначного англоязычного слова с учётом особенностей его восприятия учебными билингвами, с фокусированием на стратегиях и опорах, используемых в процессе доступа к значениям неоднозначного слова.

В соответствии с общей целью работы в исследовании решаются следующие конкретные **задачи**:

- обобщить опыт исследований по проблеме неоднозначности в разных сферах гуманитарного знания;
- описать природу неоднозначности и различные ее проявления как феномена восприятия окружающего мира;
- рассмотреть модели хранения неоднозначного слова и доступа к нему в ментальном лексиконе;
- обозначить роль контекста в процессе опознания неоднозначного слова человеком;
- обсудить факторы, влияющие на преодоление неоднозначности носителем учебного билингвизма при встрече с иноязычным словом;
- организовать и провести экспериментальное исследование процесса идентификации неоднозначного иноязычного слова изолированно и в контексте;
- осуществить сопоставительный анализ результатов, полученных в различных группах Ии. на разных этапах исследования, с последующим выделением системы приоритетов в зависимости от характера заданий и условий эксперимента;
- выявить стратегии и опоры, которыми пользовались Ии. при идентификации неоднозначного иноязычного слова;

- провести вертикальный и горизонтальный анализ бланков ответов, полученных от Ии., сделать выводы об особенностях восприятия неоднозначных иноязычных слов;

- связать выявленные особенности с фактором влияния контекста;

- смоделировать стратегическую природу преодоления неоднозначности носителем учебного билингвизма.

Теоретической базой диссертационного исследования послужили труды отечественных и зарубежных исследователей, занимающихся проблемой неоднозначности как свойства человеческого мышления и основы жизнедеятельности (Е.С. Вентцель, А.В. Карпов, Е.А. Сергиенко, Е.С. Давиташвили, А.П. Чернявская, Е.Л. Боярская, А. Caramazza, E. Grober, R. Schvaneveldt, D. Meyer, C. Becker, D. Sperber, D. Wilson и др.) и как языкового феномена (Ю.Д. Апресян, С.Д. Кацнельсон, Л.В. Щерба, А.А. Потебня, А.Л. Пумпянский, А.А. Зализняк, В.В. Акуленко, К.Г. Готлиб, Б.Л. Иомдин, J. Aitchinson, A. Schwartz, L. Yeh, M. Shaw, V. Cyma, N. Ide, J. Veronis, C.C. Lin, K. Ahrens, G. Nunberg, G. Oden, J. Spira, G. Simpson, C. Burgess и др.).

Проведённое исследование базируется на основных положениях психолингвистической теории слова как достояния человека и концепции внутреннего контекста, разработанных А.А. Залевской [2005]. Вслед за А.А. Залевской под *идентификацией* понимается весь набор психических процессов, продуктом которых является субъективное переживание знания (понимания) того, о чём идет речь, готовность оперировать этим знанием с учётом разностороннего предшествующего опыта и эмоционально-оценочных нюансов, при постоянном взаимодействии осознаваемого и неосознаваемого, вербализуемого и не поддающегося вербализации [Залевская 1990, 1992, 1999].

В работе используются результаты исследований представителей Тверской психолингвистической школы и их последователей, посвященные изучению механизмов идентификации слова, включая неоднозначное, на различном материале, в том числе с привлечением двуязычных индивидов (Т.Ю. Сазонова, И.Л. Медведева, Т.М. Рогожникова, С.И. Тогоева, И.В. Новикова,

Ю.В. Федурко, Ткаченко Н.М., И.Ф. Бревдо, И.В. Воскресенский, С.И. Корниевская) и данные экспериментов, целью которых было установление особенностей доступа к значениям неоднозначных слов [Cuma [http](http://); Ferreira, Christianson, Hollingsworth 2001; Grainger, Jacobs, Segui 1989; Schvaneveldt, Meyer, Becker 1976; Swinney 1979; Ungerer, Schmid 1996; Van Petten [http](http://); Zwaan, Madden 2006] и эксперименты зарубежных авторов [Caramazza, Grober 1976; Hank 2013; Ide, Veronis 1998; Johnson 1987; Lin, Ahrens 2005].

На становление позиции автора также оказали влияние работы Н.О. Золотовой, связанные с изучением специфики единиц ядра ментального лексикона [Золотова 2005 и др.] и междисциплинарное исследование ментального лексикона В.Г. Арутюняна [2014].

Гипотеза исследования строится на предположении о том, что на выбор значения неоднозначного слова ИЯ влияют такие факторы, как субъективная частотность значения неоднозначного слова, переживаемая индивидом как «знакомость» («word familiarity» [Toglia, Battig 1978], «functional identifiability» [Schwartz, Yeh [http](http://)]), а также наличие или отсутствие контекста. Контекст может как облегчать, так и затруднять процесс выбора значения неоднозначного слова в зависимости от взаимодействия внешних и внутренних факторов. Другими словами, роль контекста можно охарактеризовать как двойственную: способствуя выбору «нужного» значения неоднозначного слова ИЯ, контекст обеспечивает понимание, в то же время в ряде случаев он может оказаться дезориентирующим и препятствовать адекватному пониманию. Для верификации сформулированной гипотезы был организован и проведен двухэтапный психолингвистический эксперимент.

В качестве **методов** исследования использовались: методы наблюдения, сравнения, анализа и синтеза, психолингвистический эксперимент с привлечением методик свободного ассоциирования, субъективного дефинирования и методики заканчивания предложений (sentence completion), перевод на родной язык, количественная и качественная обработка экспериментальных данных с последующим сопоставительным анализом результатов

всех этапов экспериментов и обобщение теоретических и экспериментальных данных, метод моделирования.

Материал исследования составил корпус из 6450 ответов Ии. на предъявленные в эксперименте стимулы – английские существительные, имеющие больше одного значения. В исследуемый корпус вошли: 1850 субъективных дефиниций, 1200 переводов предложений, содержащих неоднозначное слово, 2400 свободных ассоциаций, 1000 продолжений предложений. Бланки с инструкциями для Ии., принявших участие в двухэтапном эксперименте (далее – Э1 и Э2) представлены в Приложениях 1 и 2 диссертации.

В результате проведенного исследования сформулированы и выносятся на защиту следующие **положения**.

1. На процесс идентификации неоднозначного слова ИЯ влияет не только текущая информация (в частности наличие или отсутствие контекста), но и представления и ассоциации, связанные с данным словом, хранящиеся в памяти индивида.

2. Роль контекста при выборе того или иного значения неоднозначного слова ИЯ является амбивалентной. Контекст облегчает доступ к «нужному» значению слова только в том случае, когда он является однозначным и не предполагает множественности интерпретаций. В ряде случаев возможно пренебрежение контекстом в пользу значения слова, которое является субъективно наиболее частотным для Ии. Иногда И. может полностью пренебречь графической формой слова и, поддавшись влиянию контекста, перевести исследуемое неоднозначное слово с помощью значений другого слова, которое, в силу его субъективной оценки, в большей степени соотносится с описываемой в предложении ситуацией. Таким образом, И. «подстраивает» свое понимание под то значение, которое, по его мнению, является наиболее подходящим, даже если контекст однозначен.

3. В тех случаях, когда контекст отсутствует или не является однозначным, ведущими факторами являются субъективная частотность значения слова, связанная с его «знакомостью» для И., который находится под влияни-

ем учебной языковой среды, в частности отбора и поэтапного предъявления иноязычной лексики, предназначенной для усвоения.

4. Актуальным для И. является графическая форма слова и возможность её соотнесения со знаниями, имеющимися в ментальном лексиконе. В случае сбоя в понимании осуществляется доступ к значениям слова, визуально напоминающего слово-стимул, с последующим построением семантического поля и системы связей и ассоциаций.

5. Стратегическая природа процессов идентификации неоднозначных слов в ситуации учебного двуязычия в условиях отсутствия контекста или при предъявлении слова в неоднозначном контексте проявляется в следующих видах стратегий: 1) стратегия с опорой на перевод слова; 2) стратегия с опорой на форму или графический образ слова; 3) стратегия с опорой на ситуацию, соотнесение значений слов с внутренним контекстом Ии.; 4) стратегия с опорой на визуализацию стимула, выделение общего признака предмета (формы, размера и т.д.), путь обработки информации «сверху-вниз», от общего к частному; 5) стратегия обобщения значения слова-стимула, путь «снизу-вверх», от частного к общему; 6) эмоционально-оценочная стратегия; 7) стратегия с опорой на знания из других дисциплин; 8) стратегия опоры на идиоматические выражения и устойчивые словосочетания.

Научная новизна исследования определяется тем, что: 1) проблема неоднозначного слова ИЯ впервые изучается на основе языковых фактов, полученных от самих субъектов обучения в ситуации учебного билингвизма; 2) выявлен амбивалентный характер контекста как фактора, влияющего на опознание неоднозначного иноязычного слова; 3) полученные экспериментальные данные позволяют по-новому взглянуть на существующие модели восприятия и распознавания слова.

Теоретическая значимость диссертационного исследования обусловлена определённым вкладом в психолингвистическую концепцию ментального лексикона, углубляя представления об устройстве ментального лексикона двуязычного индивида благодаря установлению амбивалентной (ориен-

тирующей и дезориентирующей) роли контекста процессе опознания неоднозначного слова; выявлению набора стратегий и опор, которыми пользуется И. при поиске значения неоднозначного слова в ментальном лексиконе; выявлению значимости субъективной частотности значения неоднозначного слова как фактора, влияющего на доступ к нему.

Практическая значимость результатов проведённого исследования обусловлена возможностью их применения для решения ряда психолингвистических и психолингводидактических задач, а также для разработки наиболее эффективных методов обучения иноязычной лексике. Основные выводы и результаты могут быть использованы в спецкурсах и курсах лекций по проблемам психолингвистики, методике преподавания иностранных языков, на практических занятиях по культуре речевого общения и перевода. Полученные данные об особенностях восприятия неоднозначных слов и хранения их значений в ментальном лексиконе имеют определённую ценность для современной лексикографии, а также являются актуальными в связи с проблемой автоматического разрешения лексической неоднозначности и совершенствования машинного перевода.

Апробация результатов исследования осуществлена в рамках Международных научно-практических конференций «Языковой дискурс в социальной практике» (г. Тверь, 5–6 апреля 2013 г. и 3–4 апреля 2015 г.) с последующей публикацией материалов, а также на заседаниях кафедры английского языка Тверского государственного университета. По теме диссертационного исследования опубликовано 9 статей общим объёмом 3.1. п.л., 4 из которых – в изданиях, включённых в перечень рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК МОН РФ.

Цели и задачи определили **структуру работы**: помимо введения, текст диссертации состоит из трёх глав, заключения и списка литературы.

Глава 1. ФЕНОМЕН НЕОДНОЗНАЧНОСТИ: ПРИРОДА И ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

1.1. Неоднозначность: виды и подходы к изучению

Неоднозначность как общенаучная проблема присутствует в различных областях знания. Так, в юридическом дискурсе неоднозначность означает ‘сомнительность’, ‘неопределённость’, ‘неясность’, ‘двусмысленность’, например, документа: *ambiguity upon the factum* – ‘неясность в отношении существа документа’; *latent ambiguity* – ‘латентная (скрытая, обусловленная лежащими вне документа обстоятельствами) неясность’.

В экономике неоднозначность трактуется в терминах неопределённости – *uncertainty*, а также сомнительности и недостоверности в таких выражениях, как *uncertainty of exchange rates* ‘неустойчивость обменных курсов, валютные колебания’, *exogenous uncertainties* ‘внешнеэкономические факторы неопределённости’, *statistical uncertainty* ‘статистическая неопределённость’ [Collins [http](#)]. Понятие неопределённости, неясности и неточности, т.е. открытости к более чем одной возможности интерпретации связывается с толкованием неоднозначности по данным ряда англоязычных словарей. Неоднозначность связывают с неопределённостью, двусмысленностью, недоразумением, неясностью (*ambiguity, uncertainty, vagueness, inexactness*) [Collins [http](#); Oxford English Dictionary [http](#); Oxford American Dictionary [http](#)]. В некоторых случаях отмечается определённое противоречие, столкновение значений неоднозначного слова (*contradiction of meanings*) Так в Оксфордском американском словаре неоднозначность трактуется следующим образом: ‘*uncertainty or inexactness of meaning in language*’ т.е. ‘неясность, неопределённость или неточность значения в языке’ [Oxford American Dictionary [http](#)].

Проанализировав словарные статьи англоязычных источников, можно сделать вывод о том, что термин «неоднозначность» (*ambiguity*) в основном своем значении выступает как способность быть открытым к множественным

интерпретациям, это свойство неоднозначности является общим для всех проанализированных нами словарных статей. Таким образом, неоднозначность подразумевает под собой:

- 'the quality of being open to more than one interpretation; inexactness' [Oxford English dictionary [http](#)];

- 'state of being unclear, confusing, or not certain, or things that produce this effect' [Webster's 1828 Dictionary [http](#)];

- 'when something has more than one possible meaning' [Cambridge Dictionaries Online [http](#)]

- 'something that is not clear because it has more than one possible meaning or a situation with a lack of clear and exact use of words, so that more than one meaning is possible' [MacMillan Dictionary [http](#)];

- 'doubtfulness or uncertainty of signification, from a word's being susceptible of different meanings; double meaning; something liable to more than one interpretation, explanation or meaning, if that meaning etc. cannot be determined from its context' [Multi-Lingual Dictionary [http](#)];

- 'the phenomenon that an expression has more than one meaning. Two different types of ambiguity can be distinguished on the basis of what is causing it: lexical ambiguity (more than one word meaning) and structural ambiguity (more than one syntactic structure). Ambiguity has to be distinguished from vagueness and context dependence' [Lexicon of Linguistics [http](#)];

- 'the presence of two or more distinct meanings for a single word or expression. In itself, ambiguity is a common, harmless, and often amusing feature of ordinary language. When unnoticed in the context of otherwise careful reasoning, however, it can lead to one of several informal fallacies' [Dictionary of Philosophical Terms and Names [http](#)].

Исходя из описания термина *ambiguity*, можно сделать вывод о том, что «неоднозначность» – широкое понятие, применимое к разным сферам, подразумевающее двойственность, неопределённость, двусмысленность интерпретаций. Большинство этих терминов имеют общий признак значения – 'что-то

сложное для понимания, неопределённое, неясное’ – ‘something being difficult to understand, uncertain and obscure’ [OneLook [http](http://)]. В этом отношении неоднозначность связывают с понятием «неопределённость» [Вентцель 1988; Давиташвили, Чернявская 2009; Карпов 2000].

Термины *puzzle* и *enigma*, обозначающие ‘a person or thing that is difficult to understand or explain’ [OneLook [http](http://)] также подчеркивают завуалированность значения, смысл лексической единицы при этом не лежит на поверхности, а скрыт, может быть интерпретирован только при более тщательном анализе контекста ситуации. К более частному случаю использования неоднозначного лексиса относится и термин *equivocation* – ‘the use of ambiguous language to conceal the truth or to avoid committing oneself; prevarication’ [Там же], подразумевающий неоднозначность и возможность двойного толкования в определённых целях; таким образом, понятие получает отрицательную коннотацию.

Феномен неоднозначности привлекал внимание учёных с давних времён и рассматривался в тесной связи с многозначностью, свойственной человеческому языку и мышлению. Рассматривая неоднозначность как неотъемлемое свойство человеческого сознания, можно усмотреть психологические корни этого феномена в становлении научного сознания. По мнению Е.А. Сергиенко, «именно рост и распространение научных знаний рождает сомнения и полифоничность, неоднозначность картины мира, тогда как житейское сознание тяготеет к бинарной системе представлений: верно – неверно, правильно – неправильно, хорошо – плохо» [Сергиенко [http](http://)].

Большинство реальных жизненных задач содержат неоднозначность в том или ином виде, многовариантность развития и невозможность однозначного выбора, т.е. некоторую неопределённость. Проблема смысла – в психологических постановках вопроса о свободе выбора – стала рассматриваться в многообразии его путей, что включало полагание многоуровневости и саморегуляции в анализе поступков и решений человека. Неопределённость стала одним из важнейших понятий в работах, в которых на первый план выдвину-

ты проблемы самодетерминации и саморегуляции человека [Давиташвили, Чернявская 2009]. Человек ежедневно встаёт перед проблемой разрешения неоднозначности той или иной ситуации, изначально не обладая достаточным количеством информации, опор, необходимых для принятия решения. Разумеется, какое-то решение будет принято в любом случае, но будет ли оно верно или принесет ли пользу, неизвестно. Качество состояния неопределённости может быть различным. Е.С. Вентцель различает три типа неопределённостей [1988]: 1) неопределённость целей (отражается при постановке задачи, выборе отдельных критериев или всего полезного эффекта); 2) неопределённость наших знаний об окружающей обстановке и действующих в данном явлении факторах (неопределённость среды); 3) неопределённость действий партнёра.

«Под неопределённостью, – отмечает А.В. Карпов, – понимается недостаточность релевантной информации для выбора управленческих альтернатив» [2000: 130]. Неопределённость обуславливает появление ситуаций, не имеющих однозначного исхода (решений) [Вентцель 1988: 26]. Отсюда следует, что «ситуация неопределённости ставит процесс самоопределения субъекта в условия бесконечного выбора путей, альтернатив и возможностей» [Давиташвили, Чернявская 2009].

В моделях классической логики неопределённость – это «ситуация, которая имеет место, когда один и тот же объект обладает взаимоисключающими свойствами, при этом, если они количественно равны в отношении, исключающем друг друга, неопределённость абсолютна» [Карпов 2000: 27]. Некоторые авторы отмечают, что с точки зрения семантики неопределённость можно охарактеризовать как недостаток, нехватку, размытость, скрытость смысла или же его отсутствие, точнее отсутствие определённости. Помимо лексической неоднозначности семантическая неопределённость присуща такому явлению, как широкозначность (эврисемичность) [Жуков, Жуков 2003]. Отмечается, что широкозначности также свойственен принцип диффузности (размытости, неясности) значений, присущий полисемии

[Апресян 1995; Жуков, Жуков 2003]. Диффузность значений слова предполагает неопределённое или двусмысленное употребление слова в речи, что мешает дискретному представлению значений слов в языке (в частности, в словаре) [Апресян 1995]. Однако «широкозначность» и «многозначность» не являются равнозначными. Как отмечает Н.Н. Амосова: «под широким значением слова мы разумеем значение, содержащее максимальную степень обобщения, проявляющееся в чистом виде лишь в условиях изоляции слова из речи и получающее известное сужение и конкретизацию при употреблении данного слова в речи» [Амосова 1963]. В качестве примера широкозначного слова А. и К. Жуковы [2003] приводят слово *thing*, которое в английском языке в изолированном состоянии означает «любую данность, служащую предметом мысли». Также отмечается, что в разных контекстах данное широкозначное слово может получать различные уточнения, не снимающие, однако, это широкое значение и потому выступающие лишь как «подзначения». Слово *thing* при этом может выступать в таких значениях как «‘нечто существующее’, ‘явление’, ‘действие’, ‘результат действия’, ‘существо’ и т. п.» [Там же].

Осознание языковой неоднозначности было присуще уже древним народам, в том числе и древним грекам. Постулат Аристотеля гласит: «поскольку количество слов – ограничено, а число вещей (предметов) – не ограничено, неизбежно, что одно и то же слово наделено многими значениями» [Аристотель 1976: 123]. В постулате Аристотеля содержится суть философского подхода к неоднозначности. Многие основные понятия философии также являются неоднозначными. К таковым критики причисляют, например, понятие «парадигма» в философии Томаса Куна, которое реализуется в его концепции более чем в десяти разных значениях: ‘наиболее общая картина рационального устройства природы, мировоззрение’; ‘дисциплинарная матрица, характеризующая совокупность убеждений, ценностей, технических средств и т.д., которые объединяют специалистов в данное научное сообщество’ и многие другие [Словарь Академик <http>].

В книге [Иванова http] представлен обзор точек зрения на содержание понятия «значение слова», среди которых наибольший интерес для нашего исследования представляют взгляды лингвистов и психологов, в круг научных интересов которых входили вопросы соотношения языка и мышления.

С.Д. Кацнельсон определяет лексическое значение слова как «минимум знаний, достаточный для опознания отображаемого объекта». Согласно А.Р. Лурия, значение – это объективно сложившаяся в процессе истории устойчивая система обобщений, стоящая за словом, одинаковая для всех людей. Отмечается, что эта система может иметь только разную глубину, разную обобщённость, разную широту охвата обозначаемых предметов, но она обязательно сохраняет неизменное ядро – определённый набор связей. Автор обзора, В.И. Иванова, отмечает, что понятие «лексическое значение слова» представляет собой:

1) «закреплённая в сознании говорящих соотнесённость звукового комплекса языковой единицы с тем или иным явлением действительности»;

2) «содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нем представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и т.д.»;

3) «продукт мыслительной деятельности человека». Также отмечается, что лексическое значение слова связано с редукцией информации человеческим сознанием, с такими видами мыслительной процессов, как сравнение, классификация, обобщение и отражает различные признаки, с помощью которых можно отличать предметы друг от друга» [Иванова http].

Согласно типологии лексических значений, предложенной В.В. Виноградовым, принято выделять прямое или номинативное значение слова, фразеологически связанное лексическое значение слова и синтаксически обусловленное лексическое значение. Прямыми или номинативными значениями обладают, прежде всего, слова, обозначающие «предметы реальной действительности», они свободно сочетаются с другими словами и имеют широкие словесные связи [Виноградов 1953: 12]. Фразеологически связанные лексические значения слов не соотносятся напрямую с предметами реальной

действительности, потому что не являются свободными в отличие от номинативных, а наоборот «тяготеют» друг к другу. Слова, имеющие подобные лексические значения входят в состав фразеологических оборотов – *семи пядей во лбу, Ахиллесова пята, зарубить на носу, наострить лыжи, сломя голову* и так далее. Синтаксически обусловленное лексическое значение реализуется в слове лишь тогда, когда оно выступает в предложении в определённой синтаксической функции. В качестве примеров, иллюстрирующих синтаксически обусловленные значения, в книге В.И. Ивановой приводятся следующие предложения:

Шляпа лежала на столе.

Мы взяли шляпу со стола.

Ну что же ты за шляпа!

В двух первых примерах слово *шляпа* имеет функцию подлежащего и дополнения. В третьем примере это слово выполняет функцию сказуемого, приобретая синтаксически обусловленное значение.

Безусловно, является возможным говорить о том, что в зависимости от контекста и сочетаемости с другими словами в одном слове могут присутствовать все три типа лексических значений, описанных в данной классификации. Например:

Голова – ‘это часть тела человека или животного, в которой находится мозг’ (номинативное значение).

Он бежал на свидание *очертя голову* (фразеологически связанное лексическое значение).

Он у нас – *голова* (синтаксически обусловленное значение).

Л.В. Щерба отмечал, что «неправильно думать, что слова имеют по несколько значений: это, в сущности говоря, формальная и даже просто типографская точка зрения. На самом деле мы имеет всегда столько слов, сколько данное фонетическое слово имеет значений... Это вытекает логически из признания единства формы и содержания, и мы должны были бы говорить не о словах просто, а о словах-понятиях» [Щерба <http>]. В этой же связи автор го-

ворит о том, что слова, имеющие схожую фонетическую форму, за исключением омонимов, образуют «сложную систему». В книге [Кацнельсон 2011] отмечается, что данное утверждение лежит в основе абстрактно-теоретического подхода к полисемии, приверженцы которого «исходили из примата формы и, соответственно, жертвовали богатством конкретных значений, конструируя единое “общее значение” для единой формы» [Кацнельсон 2011: 44]. Описанному подходу противопоставлен эмпирический подход к полисемии, предполагающий приоритет понятия и второстепенность единства слова.

Отмечается, что теория «общего значения» слова отстаивалась многими лингвистами [Аксаков 1875, Ахманова 2009, Виноградов 1957, Некрасов 2012, Касарес [http](http://), Baidinger 1957, Jakobson 1936]. В работе [Кацнельсон 2011, с. 45] говорится о том, что сторонники «общих значений» добиваются восстановления «правила симметрии» путём сведения всех значений слова к одному общему, в результате чего оно «принимает трудноопределимые, расплывчатые, фантастические черты» [Там же]. Иногда понятие «общее значение» заменяют термином «главное значение» слова, которое может быть выявлено с помощью изучения языковой практики, отражённой в словарях частотности, а также в толковых словарях.

А.А. Потёбня отмечает, что принцип полисемии, который заключается в том, что одной лексической единице соответствуют несколько значений, удобен, прежде всего, при составлении словарей, для «сбережения времени и места» [Потёбня 1941: 33]. Однако такой принцип, по мнению автора, не должен приводить исследователей к мысли о том, что слово может иметь несколько значений. В статье [Иомдин 2014] высказывается точка зрения о том, что совпадение лексической и звуковой формы слова является признаком того, что перед нами не разные значения одного слова, а разные слова, между которыми можно проследить определённые исторически сложившиеся связи. Полисемия и омонимия при таком принципе классификации фактически не различимы.

Принцип единства формы и содержания слова также трактуется как принцип «солидарности», «симметрии», «гармонии» и так далее [Кацнельсон 2011]. Возникновение полисемии, как отрицательного неестественного явления, одни относят к недостаточной оперативности человеческой памяти [Baidinger 1957], другие – к «ограниченности» языковых ресурсов [Виноградов 1957, Касарес <http>].

Теория «общего значения» подвергалась критике в силу нескольких причин. В книге [Кацнельсон 2011] на примере слова *свинья* показано, что значения данного слова, относящиеся к категории «человек» (в переносном смысле) и «животное» имеют только один общий признак – нечистоплотность. Как отмечает автор, два этих лексических значения могут быть взаимовыражены в следующем предложении: *Этот человек обладает качествами свиньи*. При этом не уточняется, обладает ли данный человек всеми качествами свиньи или только одним – отсутствием чистоплотности. Как отмечается в книге [Кацнельсон 2011], если бы человек, которого сравнивают со свиньей, обладал всеми качествами данного животного, он магическим образом перевоплотился бы в нечто парнокопытное, тупорылое, клыкастое, способное хрюкать и так далее. «Если же имеются в виду только некоторые качества свиньи, как, например, нечистоплотность, то понятия остаются разными и, настаивая на их объединении, мы получаем не менее нелепое утверждение, что разнородные понятия свиньи и неряшливого человека могут быть сплавлены в одно “сверхпонятие”, некое понятие-монстр, совмещающее в себе признаки свиньи и человека» [Там же: 49]. Нельзя сказать, что свойства и признаки этих двух значений, относящиеся к разным категориям, полностью совпадают, лишь частично. Слово *свинья* имеет следующие значения: 1) ‘животное’; 2) ‘человек (грязнуля)’; 3) ‘человек (подлец)’. Из трёх значений данного слова только первое, прямое значение имеет концептуальную значимость, в то время как два других являются элементами «экспрессивно-стилистических средств языка» [Курилович 1955: 55]. Они имеют разные сферы употребления, а появление второго и третьего значений обуслов-

лено не «концептуальными, а аффективными потребностями» [Там же]. Аналогичная точка зрения отражена в статье [Виноградов 1953: 10]

В работе [Jacobson 1936] выделяются общее и комбинаторные значения. Последние возникают только при наличии словесного окружения – контекста, который «уточняет» значение многозначного слова. При этом отмечается, что употребляя многозначное слово в речи, рядовой носитель языка не задумывается о разнообразии значений употребляемой лексической единицы. В момент построения высказывания для него актуальным является только то значение, которое реализовано в контексте. Таким образом, контекст влияет на выполнение двух последовательных действий – отбор (селекция) значения и его актуализация [Кацнельсон 2011].

Отмечается, что содержание многозначного слова обусловлено системой языка, а не речью, так как значения многозначного слова в разных языках зачастую не являются эквивалентами друг друга [Там же]. Данный факт легко подтвердить на примере слов, взятых в качестве материала для исследования в нашей работе. Русское слово *вилка* не может служить эквивалентом английского *fork* в значениях ‘распутье’, ‘язык пламени’, ‘карманный вор’, а слово *сундук* в отличие от английского *trunk* не является эквивалентом таких значений, как ‘ствол’, ‘туловище’, ‘хобот’.

Неоднозначность слов, развитие новых значений и утрата старых происходят в связи с развитием общества, изменением эпохи, ценностей и обычаев. Раскрывая исторический подход к проблеме неоднозначности слова, В.В. Виноградов обращает внимание на широкие возможности позднейших переосмыслений первоначальных значений и оттенков слов [Виноградов 1953]. В качестве примера автор приводит глагол *насолить*. Кроме прямого конкретного значения ‘заготовить соления, положить много соли во что-нибудь’, этот глагол в современном языке имеет переносное значение ‘повредить, причинить неприятность’. В.В. Виноградов отмечает, что вероятнее всего, это переносное значение глагола *насолить* возникло на основе некогда существовавших представлений о колдовстве, так как по суеверным пред-

ставлениям прошлого, болезнь и порчу могло вызывать разбрасывание с наговором различных предметов. Лица, переходящие через заколдованные предметы или прикасавшиеся к ним, подвергались «порче»; с целью нанести вред и употреблялась часто «наговорная» соль [Там же]. Современные исследования проблемы «развития» новых значений слов и «отмирания» старых, процесс «вечного движения и обновления лексики» русского языка описываются в статье [Полякова 2013]. Автор цитирует К.Чуковского, слова которого как нельзя лучше отражают изменчивую, постоянно развивающуюся природу языка: «Одни его слова отмирают, другие рождаются, третьи из областных и жаргонных становятся литературными, четвёртые из литературных уходят в просторечие, пятые произносятся совсем по-другому, чем произносились лет сорок назад, шестые требуют других падежей, чем это было, скажем, при Жуковском и Пушкине» [Там же]. Слова любого языка имеют тенденцию изменять свои значения с течением времени, что впоследствии может затруднить понимание текстов художественной литературы, написанных авторами, не являющимися нашими современниками. Данный факт был учтён в частности при составлении «Словаря редких и забытых слов» В. П. Сомова. В нём можно найти немало слов, значение которых поменялось в XX в. В статье Р.И. Поляковой [2013] приводятся следующие примеры: *аудитор* – ‘чиновник, исполнявший при военных судах должность следователя, прокурора и секретаря’; *буян* – ‘торговые амбары на пристани, а также сама пристань’; *абитуриент* – ‘выпускник средней школы’; *мизер* – ‘бедность, нужда’; *облом* – ‘грубый, неуклюжий или невоспитанный человек’. В утверждении о том, что «язык творит речь, и сам творится в речи» [Максимов 2001: 18], отражена природа языка как достояния общества и каждого человека в отдельности. Коммуникация, взаимодействие между людьми в полной мере невозможно без речевого сопровождения, а речь не существует отдельно от языка.

Неоднозначность является неотъемлемым свойством языкового знака. Согласно «Закону асимметрии языкового знака», сформулированному С.О.

Карцевским, знак и значение не покрывают друг друга полностью. Отмечая вслед за Соссюром, что «природа лингвистического знака должна быть неизменной и подвижной одновременно», автор указывает на то, что один и тот же знак может служить для передачи разных значимостей (например, морфема *a* в словах *стола*, *паруса*, *жена* служит средством выражения форм косвенного и именительного падежей слова и множественного числа), а одна и та же значимость может быть представлена разными знаками (например, множественное число в словах *столы*, *паруса*, *крестьяне*), что потенциально делает каждый знак омонимом и синонимом одновременно» [Карцевский [http](http://)].

Некоторые авторы отмечают деривационный характер лексической многозначности, которая характеризуется иерархией – все значения слова прямо или косвенно подчинены главному, основному значению [Кацнельсон 2011; Потебня 1941]. Рассмотрим деривационную структуру многозначного слова на примере слова *мягкий* (Рис. 1):

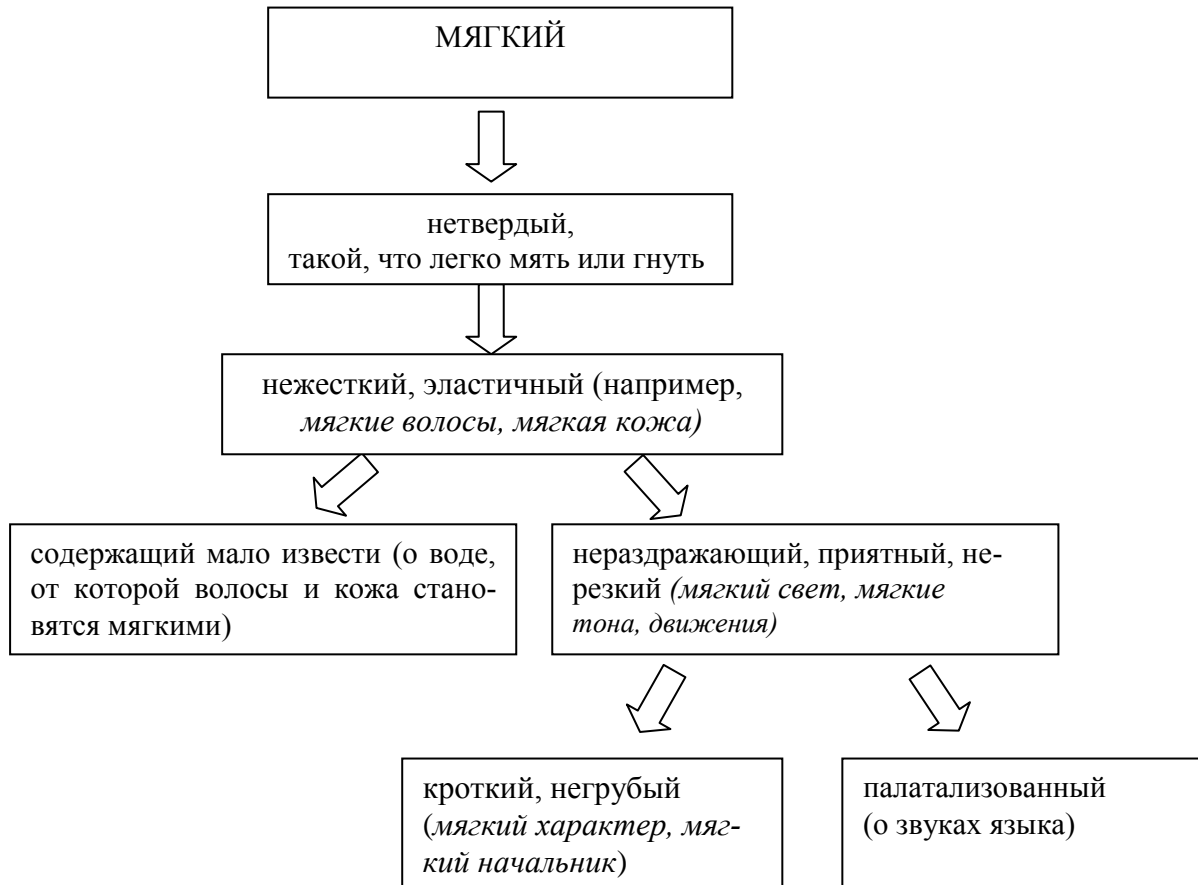

Рис. 1

В работе [Кацнельсон 2011: 59] отмечается, что в силу того, что связи между значениями не могут быть установлены раз и навсегда, а деривационная структура может претерпевать изменения с течением времени, необходимо «различать этимологические, то есть исторически снятые, и актуальные, действительно проявляющиеся в слове данной эпохи деривационные отношения».

Существует классификация видов многозначности, построенная на основе принадлежности слова к определённой части речи. Выделяются многозначность существительных, глаголов и прилагательных. В нашей работе интерес представляют неоднозначные существительные. В книге [Апресян 1971] приводится подробная классификация значений существительных, которые подразделены на 2 две группы: актантные значения и другие значения. К первой группе относятся существительные, значения которых соотносятся друг с другом следующим образом:

- Действие – субъект действия: *сенсация* (*произвести сенсацию – не хочу быть сенсацией*);
- Состояние – причина состояния: *обида* (*быть в обиде – Такая обида, что он не приехал*);
- Свойство – субъект свойства: *авторитет* (*авторитет ученых – мнение лучших авторитетов*);
- Действие – объект действия: *вышивание* (*заниматься вышиванием – её вышивание*);
- Действие – результат действия: *вывих* (*вывих голени – вправить вывих*) и т.д.

Ко второй группе относятся частные случаи многозначности: существительные, значения которых не описаны в первой группе: растение – плод/цветок этого растения (*абрикос, астра*); дерево – его древесина (*ель, кедр*); животное – его мех/мясо (*песец, гусь*); часть тела – ее выражение (*глаза, лицо*); орган тела – его заболевание (*У нее почки*); столица/название госу-

дарства – его правительство" (*Вашингтон, Россия*); животное, насекомое – похожий на него человек (*бегемот, паук*) и многие другие [Апресян 1971].

Основными видами лексической неоднозначности считаются полисемия и омонимия. Оба эти понятия встречаются часто, однако, в первом случае, различные значения одного слова имеют какой-либо общий признак (например, *игла для шитья* или *игла ежа*), а во втором совпадает лишь графическая и фонетическая форма слов, лексические значения которых никоим образом не перекликаются (*брак* в значении ‘дефект’ или ‘супружество’). Синтаксическая неоднозначность появляется тогда, «когда человек воспринимает (читает, слышит) некий текст, и ему нужно одновременно принимать множество решений относительно его интерпретации» [Драгой 2006: 44]. Исходя из этого утверждения, можно считать, что проблема неоднозначности в некоторых случаях не актуальна для говорящего или пишущего, того, кто создаёт высказывание, т.е. коммуникатора – в нормальной коммуникации люди не вкладывают в высказывание одновременно несколько смыслов. Такая ситуация зачастую складывается в текстах, в которых неоднозначность несёт определённую функцию – привлечь внимание читателя, запутать его, заставить вдуматься в прочитанное. В частности в качестве примера О. В. Драгой приводит предложения типа *Someone shot the maid of the actress who was on the balcony*. В этом случае, по структуре предложения непонятно, кого же всё-таки застрелили – служанку или актрису. Такие предложения нередко встречаются в художественных текстах, а также в анекдотах и шутках, основанных на языковой игре.

В лингвистике проблема неоднозначности рассматривалась многими исследователями. В истории науки известны попытки «борьбы» с неоднозначностью как отрицательным явлением. Сторонники классической логики, в основе которой лежит принцип двузначности, стремились подчинить язык и мышление этому принципу, в соответствии с которым соотношение между звучанием и значением, между написанием и звучанием должно носить симметричный характер. Наличие таких видов неоднозначности, как омофония и

омография, нарушают, по мнению «сторонников однозначности», природную гармонию мира.

Попытки отказаться от многозначности в сторону упрощения языка предпринимались неоднократно. Например, резкое изменение английского вокализма в XV—VI вв. привело к тому, что 5 гласных букв английского алфавита, символизирующих сейчас 22 гласных звука. Известно завещание Б. Шоу, согласно которому большая сумма денег предназначается тому, кто добьется ликвидации многозначности английской орфографии [Пумпянский 1983: 124].

Исследователи проблемы неоднозначности классифицируют трактовки данного явления на основе определённых критериев. Ю.Д. Апресян выделяет языковую и речевую многозначность. Синтаксическая и лексическая неоднозначность, по мнению автора, являются видами языковой многозначности. В качестве примеров, иллюстрирующих речевую многозначность, приводятся следующие: *Больной моргнул, Иван упал, Ребенок часто задышал, Он разбил окно локтем, Джон отрезал себе мочку уха* [Апресян 1971]. Отмечается, что данные предложения допускают два осмысления: «"намеренное" (некто это сделал) и "ненамеренное" (с кем-то это случилось)» [Там же]. Примечательно, что в работе используются термины «лексическая многозначность», которая подразумевает множественность значений слова, и «синтаксическая неоднозначность», подразумевающая «синтаксическую неоднозначность лежащих в их основе конструкций» [Там же]. Таким образом, получается, что термины «лексическая неоднозначность» и «лексическая многозначность» являются синонимами. Такое суждение вызывает сомнение.

Аналогичная точка зрения отражена в статье [Зализняк <http>]. Отмечается, что неоднозначность слова является синонимом термина «лексическая многозначность». Однако, согласно словарю Lingvo [<http>], термины «многозначность» и «полисемия» выступают синонимами, являясь при этом разновидностями лишь лексической неоднозначности, к которой также относится и омонимия, в то время как непосредственно термин «неоднозначность» мо-

жет относиться к разным уровням: морфем, форм слов, лексем, фразеологизмов, словосочетаний и предложений [Вентцель 1988]. Таким образом, можно говорить о том, что неоднозначность – более широкое понятие, чем многозначность, под которой в рассматриваемой работе понимается неоднозначность исключительно на уровне лексем, причём только случаи полисемии. Точки зрения авторов на проблему разграничения полисемии и омонимии, а также признаки данных явлений, на основе которых «разводятся» эти два понятия, будут рассмотрены далее. Мы считаем, что термины «полисемия» и «многозначность» являются синонимами. Соотношение неоднозначности, многозначности, омонимии и полисемии представлено на рис. 2.

Рис. 2

Лексическая неоднозначность, с точки зрения сталкивающегося с ней носителя языка, изучалась в русле психолингвистического подхода, разрабатываемого А.А. Залевской, ее учениками и последователями. Проблема неоднозначности на уровне слова как достояния человека изучалась в аспекте хранения значений полисемантического слова в ментальном лексиконе, их психологического статуса для носителя языка, с точки зрения влияния внутреннего (ментального) и внешнего (вербального) контекста на процессы кодирования, хранения и извлечения информации. Неоднозначность на уровне текста изучалась с привлечением понятий «эффект обманутого ожидания», «прайминг-эффект», «вероятностное прогнозирование».

В материалах широкомасштабных ассоциативных экспериментов, проведённых А.А. Залевской с носителями разных языков, были обнаружены факты воспроизведения и опознания только одного значения многозначного слова [Залевская 1971]. Изучение особенностей идентификации полисемантических слов были продолжены О.О. Кузнецовой [1978], которая установила, что неоднозначность полисемантического слова снимается, когда испытуемый опознает слово только в одном его значении в условиях актуализации некоторого семантического поля. Проведённые исследования позволили высказать обоснованное предположение о раздельном хранении полисемантических слов.

С целью выявить особенности функционирования иноязычного слова в контексте изучения ИЯ, было проведено исследование И.Л. Медведевой [1999]. Рассматривая иноязычное слово в лексиконе человека с позиций индивидуального знания вслед за А.А. Залевской, автор критикует западные модели усвоения иноязычной лексики, в большинстве которых слова ИЯ трактуются как «дискретные единицы, подлежащие “загрузке в память”» [Медведева [http](#)]. В этом контексте память человека сравнивается с контейнером, в который можно «положить» слово во всём многообразии его значений. И.Л. Медведева, напротив, рассматривает процесс усвоения иноязычного слова как поэтапное «вживление» слова в ментальный лексикон, включающего опознавание, изучение, усвоение и присвоение, рассматриваемое как «превращение слова в средство доступа к единой информационной базе человека» [Там же]. Таким образом, слово в исследовании И.Л. Медведевой рассматривается не как объект, которым можно манипулировать, а как «средство доступа к разнообразным знаниям и переживаниями, хранящимся в его информационном тезаурусе», а лексикон индивида характеризуется как «самоорганизующаяся система, которая перестраивается при включении в него новых единиц» [Там же]. И.Л. Медведева отмечает, что ментальный лексикон основан на принципе ассоциативных связей и в условиях нормы не встречаются индивиды, знающие много слов, которые между собой никак не

связаны. Аналогичная точка зрения отражена в исследовании С.И. Тогоевой [2000]. Автор рассматривает процессы, связанные с восприятием нового слова как единицы внутреннего лексикона, отмечая, что специфика нового слова определяется в первую очередь «взаимодействием неизвестной ранее индивиду единицы с уже сложившейся у него картиной мира и, соответственно, с другими единицами внутреннего лексикона человека» [Там же].

Изучая особенности развития полисемантического слова у детей и взрослых, Т.М. Рогожникова обращает внимание на степень актуальности того или иного значения полисемантического слова в определённый возрастной период. Предпочтение разных значений полисемантического слова прослеживается в экспериментах с разновозрастными Ии. и связывается автором с изменением удельного веса способов увязывания со словом информации об окружающем мире (наглядно-действенное, наглядно-образное и понятийное мышление) [Рогожникова 1986, [http](#)]. Этот вывод подтверждается изменением ассоциативных реакций на один и тот же изолированный стимул по мере взросления Ии., что свидетельствует о том, что всякий раз Ии. включают его в измененный внутренний контекст, обновляющийся за счет углубления и расширения своего языкового и неязыкового опыта. В этом смысле можно было бы говорить о ведущей роли внутреннего контекста в опознании того значения полисемантического слова, которое является приоритетным в рассматриваемом возрастном диапазоне.

Иная картина наблюдается в экспериментах с опознанием «контекстных» полисемантических слов-стимулов. Материалы таких экспериментов, проведенные Т.М. Рогожниковой, свидетельствуют в пользу точки зрения одновременного всплывания если не всех, то, по крайней мере, нескольких значений неоднозначного слова [Рогожникова [http](#)]. Автор приходит к противоречивым выводам относительно влияния заданного внешнего (вербального) контекста на процессы идентификации неоднозначного слова в тексте. Было выявлено влияние контекста на опознание слова. В то же время получены данные, свидетельствующие об отсутствии такого влияния. В

условиях жёсткого контекста настойчиво «проступают» чувственные опоры, которые, казалось бы, должны были уступить место контекстному варианту. Личное подавляет контекст, поднимается над ним («личное» значение становится доминантным) [Там же].

В исследовании Н.М. Ткаченко [2007] на материале русского языка рассматриваются процессы идентификации псевдослов. Проведённое исследование позволило автору выделить ряд опор и стратегий, к которым прибегают Ии., воспринимая псевдослово изолированно и при наличии контекста. Помимо влияния вербального контекста в своём исследовании Н.М. Ткаченко учитывает личностные особенности Ии. – возраст, гендерный признак и образование. Изначально автором высказывалось предположение о том, что данные факторы оказывают влияние на процессы идентификации псевдослов. Однако Н.М. Ткаченко пришла к выводу, что полученные в ходе проведённого психолингвистического эксперимента результаты свидетельствуют о том, что нет оснований утверждать, что юноши и девушки, техники и гуманитарии, используют кардинально разные идентификационные опоры [Ткаченко 2007].

В лингвистических исследованиях неоднозначность на уровне текста обычно обсуждается в связи с юмористическим эффектом, который создается за счет использования языковой игры, каламбура и т.п. в рекламе и СМИ. Гибкость и возможность к множественности интерпретаций обуславливает наличие множества примеров неоднозначности в текстах этих жанров [Буряков [http](#); Дземидок 1974; Крылова [http](#); Зализняк [http](#) и др.]. По наблюдениям А.А. Зализняк, каламбур – излюбленный приём рекламы, а достигаемый с его помощью эффект основан на удовольствии, получаемом от успешной игры: «успехом» адресата рекламы как партнера в этой игре является обнаружение им обоих смыслов, одновременно присутствующих в том или ином рекламном тексте. Автор обращает внимание читателей на то, что удовольствие это – чисто семиотической природы и «второй смысл» часто бывает в той или иной степени «неприличным», но в общем случае это совершенно необяза-

тельно; приводятся такие примеры: «Какая связь между Москвой и Подмосковьем? – Московская сотовая; С нашей обувью вы не расстанетесь никогда (надпись под изображением мужчины и женщины, связанных друг с другом шнурками их ботинок); Не оставляйте вещи без внимания. Новый большой каталог ИКЕА», и т.п. [Зализняк [http](#)].

Шутка, в основе которой лежит лексическая неоднозначность послужила тем материалом, на котором И.Ф. Бревдо изучала проблему преодоления текстовой неоднозначности с позиции психолингвистического подхода [Бревдо 1998, 1999].

По наблюдениям И.Ф. Бревдо, присутствие неоднозначности в художественных текстах, в отличие от научных, не только не затрудняет понимание, но и придаёт изюминку: «переплетение нитей смыслов и значений в художественном тексте, создающих основу для различных его интерпретаций, неизбежно, иначе произведение покажется слишком скучным и предсказуемым. Множественность интерпретаций текста заключается в особенностях его понимания, носящего стратегический, деятельностный, прогностический характер, который в свою очередь обусловлен неоднозначностью мира, окружающего воспринимающего субъекта» [Бревдо 1999]. В цитируемой работе показано, что первоначально многозначное слово воспринимается индивидом в контекстном значении, которое кажется ему единственным, и лишь развязка, активизирующая какое-либо иное значение слова, раскрывает его неоднозначность, обнаруживая возможности развития совершенно иного сценария. Внимание исследователя сосредоточено на том, каким образом происходит экстренный переход с неверно идентифицированного слова на нужное в определенной ситуации общения – анекдоте, шутке и т.п. Среди факторов, под влиянием которых происходит выбор нужного значения, И.Ф. Бревдо называет частотность употребления слова в конкретном значении и прайминг-эффект (эффект предшествования) [Там же].

Изучение природы комического тесно связано с эффектом «обманутого ожидания», рассматриваемого в работах [Бревдо 1999; Буряков [http](#); Воскре-

сенский 2002; Золотарёва [http](#); Рева [http](#)]. Под «обманутым ожиданием» в этом случае понимается ‘вариативность развития ситуации’, т.е. «возможность развития нескольких сценариев продолжения ситуации» [Воскресенский 2002: 133]. Обсуждаемое явление традиционно является объектом внимания авторов, изучающих заголовки газетных статей и причины их успешности у реципиентов [Колосов [http](#); Пирогова 2000; Тер-Минасова [http](#); Цзе, Шляхов [http](#)]. В то же время, как отмечают Т.Ю. Сазонова и А.В. Умеренкова [[http](#)] ситуация «обманутого ожидания» часто встречается в разных условиях общения, когда суть высказывания оказывается совершенно неожиданной и весьма далекой от прогнозируемого. Психолингвистическая сущность рассматриваемого эффекта связана с такими явлениями, как предсказуемость и непредсказуемость, лежащими в основе экспектации и антиципации относительно «правильного» развития дискурса [Там же].

Таким образом, процесс восприятия неоднозначности в устной или письменной речи носит «прогностический характер». Механизм прогнозирования развития ситуации у всех людей строится примерно одинаково. Процесс прогнозирования имеет место, как во время восприятия чужой речи, так и при осуществлении субъектом собственного высказывания. Слушая или читая, человек прогнозирует некоторые события, стоящие за устным или письменным текстом; предопределяет лексику как средство описания этого события, прогнозирует грамматические формы лексических единиц и целостные структуры. Для определения этого явления И.М. Фейгенберг ввел понятие «вероятностное прогнозирование – предвосхищение будущего, основанное на вероятностной структуре прошлого опыта и информации о наличной ситуации или иными словами – действия или операции при приеме информации, заключающиеся в предугадывании слов или словосочетаний» [Психологический словарь «Планея» [http](#)]. Прошлый опыт и наличная ситуация дают основание для создания гипотез о предстоящем будущем, причем каждой из гипотез приписывается определённая вероятность. В соответствии с вероятностным прогнозированием осуществляется преднастройка — под-

готовка к соответствующим действиям индивида. Во время коммуникативного акта человек непрерывно планирует (программирует) свою речь или свое восприятие, осуществляя необходимые регулировки, переключения и т.д. С этой точки зрения, каждая следующая единица должна быть каким-то образом «сверена» и согласована с тем, что уже произнесено (или воспринято) к текущему моменту. Описанный механизм включает постоянную сверку с контекстом: так, способность вероятностного прогнозирования предполагает наличие определенной интуиции в выборе из числа альтернативных сообщений наиболее подходящего для данного контекста [Сазонова [http](#)]. С психолингвистической точки зрения контекст «находится в голове слушающего», ведь акт интерпретации невозможен без соотнесения языковой информации текста со схемами наличных знаний и убеждений, образующих ряд ассоциирующихся внутренних контекстов [Сазонова, Умеренкова [http](#)].

Исследования Г.Г. Граник и А.Н. Самсоновой показали, что чтение текста сопровождается прогностической активностью читателя, которая, соединяясь с его личным опытом, приводит к созданию в воображении целостной картины, собственной фабулы произведения. Возникшая установка управляет дальнейшим восприятием текста. В случае выдвижения читателем всех вариантов прогнозов, которые позволяют завершить текст, возникает верная (гибкая) установка, которая предвосхищает содержание текста, направляет восприятие в нужное русло. Отсутствие вариантов прогнозов делает установку негибкой, что может привести к неприятию текста [Граник, Самсонова [http](#)].

Принцип вероятностного прогнозирования был учтен А.В. Умеренковой для построения моделей «ментальных пространств ожиданий» в ситуации обманутого ожидания при восприятии «неожиданных» сценариев реципиентом [Умеренкова 2009]. В исследовании «неожиданность» или, другими словами, неоднозначность сценариев, предложенных испытуемым в эксперименте, «снималась» за счет семантического типа прайминга, подразумевающего вовлеченность ассоциативного мышления, речемыслительных обра-

зов, установления ассоциативных связей в процессе построения проекции текста [Там же: 17]. То есть того, что входит в психолингвистическое понятие внутреннего контекста.

Изучению явлений неоднозначности в деловой переписке с точки зрения мотивов, стратегий и опор участника коммуникации по имплицированию и разрешению неоднозначности в коммуникативном взаимодействии посвящено исследование И.В. Воскресенского [2007]. В цитируемой работе установлено, что неоднозначность элемента преодолевается за счет использования комплекса разнообразных опор, «в ряду которых особое значение имеют своеобразные мета опоры как динамические продукты обработки текста, описываемых им ситуаций и всего предшествующего опыта деловой коммуникации [Там же: 6]. Автор дает оценку неоднозначности как инструмента, успешно применяемого в системе антикризисного управления теми субъектами экономической реальности, которые осознают его потенциал [Там же: 4].

Представленный обзор психолингвистических исследований особенностей идентификации неоднозначного слова – изолированного и в составе текста (высказывания) позволяет говорить об их вкладе в изучение механизмов преодоления неоднозначности на пути к пониманию, однако оставляет открытым вопрос об одновременном или последовательном выборе значений неоднозначных слов при восприятии их человеком. Гипотезы или модели, описывающие эти процессы, будут рассмотрены во второй главе настоящего исследования.

1.2. Лексическая неоднозначность в контексте развития компьютерной лингвистики и проблема создания искусственного интеллекта

Проблема языковой неоднозначности тесно связана с проблемой создания искусственного интеллекта (языка) и адекватного перевода, качество которого не уступало бы и даже (в лучшем случае) превышало бы уровень пе-

ревода, сделанный человеком. Ещё в 1983 году А.Л. Пумпянский высказался по поводу безуспешных попыток кибернетиков по преодолению языковой многозначности. Отмечается, что неоднозначность является фактором, неподвластным искусственному интеллекту [Пумпянский 1983: 125]. Следует добавить, что подобное положение вещей сохраняется до сих пор.

Проблему лингвистической неоднозначности и машинного перевода учёные неоднократно пытались решить с помощью создания искусственных языков. Например, эсперанто разрабатывался его автором как язык международного общения, главными целями которого были бы простота изучения и отсутствие исключений. Токипона — попытка построить максимально простой язык, тем не менее, пригодный для общения. В частности, искусственные языки логлан и ложбан были изначально предназначены для использования в общении между людьми в нейтральных повседневных ситуациях общения. Ложбан (как и его предшественник логлан) входит в семейство искусственных языков логического типа [Ложбан [http](http://)]. Ложбан свободен от неоднозначностей и исключений в орфографии и грамматике, вследствие этого структура ложбанского текста может быть легко проанализирована компьютером. Теоретически, данный способ может помочь избежать неадекватного машинного перевода. Ведь каждому слову в данном языке соответствует лишь одно значение, вследствие чего проблема лексической неоднозначности отпадает сама собой. Тем не менее, пока основными языками мирового общения являются те, в которых лексическая неоднозначность — явление нередкое, а носителей искусственных языков всё же не так много, проблема неоднозначности при машинном переводе остаётся неразрешимой.

Н.Д. Арутюнова справедливо отмечает, что «один и тот же предмет по-разному проецируется на диахронической координате своего бытия, а также по-разному выглядит в разном ситуативном антураже» [1999: 235]. Этот самый «ситуативный антураж» и является особенностью, анализом которой на данный момент не владеет среднестатистический онлайн переводчик. Удостовериться в истинности этого утверждения легко: набрав предложение, со-

держащее многозначное слово в любом онлайн переводчике, мы практически стопроцентно получим вариант, который будет выбран словарем по принципу частотности употребления слова, а значение, редко встречающееся и находящееся внизу словарной статьи, будет проигнорировано. Свидетельством тому являются примеры перевода некоторых высказываний с помощью современных интернет систем перевода: *Her aunt was made to tell them about it.* В переводе популярной онлайн системы Google translator предложение звучит следующим образом: *Ее тетья была сделана, чтобы сказать им об этом.*

Очевидно, что об адекватности перевода здесь говорить не приходится, ведь онлайн переводчик выдаёт только первое значение глагола *делать*, в то время как данное многозначное слово имеет более 40 различных значений в зависимости от предлога и контекста [Омонимы и многозначные слова в английском языке <http>]. Таким образом, очевидно, что компьютер не в состоянии подобрать нужное значение многозначного слова, даже при наличии контекста. Приведём ещё несколько примеров онлайн перевода английских предложений на русский язык:

She has done the washing up. Она сделала мытьё.

She makes her bed. Она делает её постели.

Фразовые глаголы *do* и *make* переведены в данном случае в их первом значении, т.е. – ‘делать’, в то время как правильный перевод предполагает выбор другого значения – ‘помыть’ посуду и ‘заправлять’ кровать. Грамматически правильная форма слов также отсутствует, так как падеж выбран неверно.

He hit the burglar with a club. Он ударил грабителя с клубом.

В данном случае слово *club* переводится как *дубинка*, а перевод предлога *with* должен опускаться, так как его невозможно перевести на русский язык в нужном значении.

Благодаря приведённым примерам, становится ясно, что для машинного перевода роль контекста при выборе значения неоднозначного слова не

так уж и важна, ведь контекст в данном случае совершенно не учитывается. В естественном человеческом языке становится очевидным, что принцип: одно слово – одно значение, одно значение – одно слово не будет соблюден. Он удобен и необходим для машины, в частности, в процессе автоматического перевода с одного языка на другой, но «если бы он оказался в основе национальных языков человечества, привел бы к их оскудению, лишил бы их огромных выразительных (в самом широком смысле) возможностей» [Будагов 1983: 24].

Отмечается, что лексическая многозначность становится ощутимой проблемой в связи с развитием компьютерной лингвистики [Иомдин 2014]. В этом обзоре приводятся многочисленные данные исследований, посвященных проблеме автоматического разрешения лексической многозначности (*word sense disambiguation – WSD*). Для компьютерной лингвистики различие между омонимией и полисемией нерелевантно, так как наличие или отсутствие семантической связи между значениями-кандидатами в процессе доступа к слову несущественно, вследствие чего оба понятия включены в термин «лексическая многозначность». В поисках средств разрешения лексической многозначности в процессе машинного перевода лингвисты обращались к проблеме *сочетаемости слов*, выделяя это понятие в качестве критерия, на основе которого явилось возможным составить некоторые программы, способные «сузить» количество значений неоднозначного слова в процессе доступа. На основе критерия сочетаемости слов ещё в 1986 г. была составлена программа М. Леска, основанная на электронной версии словаря *Oxford advanced learner's dictionary of Current English* [Lesk 1986]. С помощью данной программы можно было определить, что в слове *pinecone*, например, *pine* наиболее вероятно употреблено в значении ‘сосна’, а не ‘ананас, томиться, тосковать’, а слово *cone* – в значении ‘шишка’, а не ‘рожок, конус’. Данный вывод был произведён на основе анализа количества пересечений в словарных толкованиях этих двух лексем. Отмечается, что алгоритм Леска впоследствии совершенствовался некоторыми лингвистами, а критерий сочетаемости

лѐг в основу методов, использующих тезаурусы (чаще всего тезаурус Роже и сеть Wordnet) [Иомдин 2014]. Эффективным решением проблемы лексической многозначности является использование корпусов текстов, которые позволяют делать статистически важные наблюдения о совместной встречаемости слов в разных значениях. Однако создание таких корпусов сопряжено с огромными трудозатратами. В последнее время эффективными представляются разработки, совмещающие данные словарей и корпусов текстов, тем не менее, проблема автоматического разрешения лексической многозначности остается актуальной. По мнению некоторых авторов, это происходит в силу того, что существующим лексикографическим источникам недостаёт системности и единообразного описания значений слов [Апресян 1995; Иомдин 2014; Зализняк 2004; Lin, Ahrens 2005].

Проблема автоматического разрешения неоднозначности связана с таким языковым явлением, как «ложные друзья» переводчика. В нашем исследовании интерес представляют неоднозначные английские слова, в том числе те, которые в то же время являются «кальками». Данный термин был введён Ш. Балли для обозначения буквальных переводов иноязычных слов и выражений [Словарь Академик [http](http://)] и происходит от французского *calque* – «копия на прозрачном листе; подражание» [Шанский 1972: 31]. В обзоре Т.С. Графковой отмечается, что в современной лингвистике существует немало определений термина «калька», которые отражают «переводную» природу данного явления [Графкова [http](http://)]. В.В. Виноградов, например, считает кальку буквальным переводом морфологических элементов иноязычного слова, «точной съёмкой морфемы за морфемой», а О. С. Ахманова рассматривает кальку как «заимствование путем буквального перевода (обычно по частям) слова или оборота речи». В.А. Ткаченко причисляет кальку к заимствованиям, но не прямым, а «скрытым», т.е. переводным [Там же].

Н.М. Шанский и В.В. Иванов отмечают, что выделяются два вида слов-калек в русском языке: словообразовательные и семантические. Словообра-

зовательные кальки — это слова, которые возникли в результате перевода иноязычных слов по составляющим эти слова морфемам, на основе усвоения словообразовательной структуры чужих слов. В качестве примера словообразовательной кальки авторы приводят французское слово *subdivision* (рус. *подразделение*). Это слово появилось путем замены приставки *sub-* приставкой *под-*, корня *-divis-* основой *-раздел-* и суффикса *-ion* суффиксом *-ени*. «Иноязычность словообразовательных калек заключается, следовательно, в том, что они возникают по словообразовательному образу и подобию соответствующих по значению иноязычных слов, но этим их иноязычность и ограничивается: корни, аффиксы, т.е. строительный материал, их составляющий, не заимствованный, а свой, для русского языка исконный» [Шанский, Иванов 1987: 80]. В качестве примеров семантических калек авторы приводят следующие: *трогать* (от фр. *toucher*) в значении ‘вызывать сочувствие, приводить в умиление’ и *плоский* (от фр. *plat*) в значении ‘пошлый, банальный’ [Там же]. Обе эти кальки возникли в русском литературном языке в конце XVIII в. и обязаны своим появлением французским словам *toucher* и *plat*. Прямые, номинативные, значения французских слов *toucher* и *plat* и русских *трогать* и *плоский* совпадают: ‘прикасаться’ и ‘ровный, без возвышений и углублений’. Это единство прямого, номинативного, значения стало основой для заимствования русскими словами *трогать* и *плоский* других, переносных значений, которые имеются во французских словах *toucher* и *plat*. Совпадение прямых номинативных значений французских слов и их русских эквивалентов стало основой для заимствования русскими словами *трогать* и *плоский* других, переносных значений, которые имеются во французских словах *toucher* и *plat*. Отличие семантических калек от словообразовательных состоит в том, что иноязычным по происхождению элементом в них является лексическое значение, а не способ словообразования. Калькирование семантики чужих слов ведет к появлению омонимов и новых значений у существующих уже слов [Там же]. Наряду с семантическими и словообразовательными выделяют также фразеологические кальки [Курбанова

http; Шанский, Иванов 1987]. Они подразделяются на полукальки (например, англ. *top level* и фр. *top niveau* (рус. *высший уровень*), которые имеют только один общий элемент – *top*, второе слово в данном выражении зависит от языка воспроизведения), и полные кальки [Курбанова http]. Полные кальки подразделяются на точные и неточные кальки в зависимости от точности воспроизведения иностранной структуры. Так, английское выражение *to be in charge of* со значением ‘заведовать, руководить чем-л.; присматривать за кем-л.’ послужило основой для точной французской кальки *être en charge de* с тем же значением, а сочетание *soucoupe volante* является неточной калькой английского словосочетания *flying saucer* (т. е. буквально *летающий + блюдо*) со значением ‘летающая тарелка’ [Там же]. Следует отметить, что разделение на полные кальки и полукальки актуально не только для фразеологических, но и для остальных видов калек, актуальных не только в пределах словосочетания, но и одного слова.

Для нашего исследования существенным является членение калек на переводные и непереводные (оригинальные). Данный принцип классификации можно рассмотреть на примерах *to be in charge of* (англ.) и *être en charge de* (фр.). Можно сказать, что эти словосочетания являются оригинальными кальками по отношению друг к другу, так как словоформа *charge*, которая несёт основную смысловую нагрузку в обоих случаях, совпадает. Естественно, что разными являются формы глагола *быть*, а также предлог *в* (в английском – *in*, во французском – *en*) и предлог, обозначающий притяжательный падеж (в английском – *of*, во французском – *de*). Это происходит в силу того, что, несмотря на схожесть английского и французского языков, они не идентичны и имеют собственный корпус слов и правила грамматики, отличные друг от друга. Переводные кальки соотносятся с семантическими кальками, однако в данном случае для нас важна не семантика слова, а сам звукобуквенный комплекс, из которого оно состоит. К переводным калькам относятся заимствованные слова, образованные по принципу транскрипции и транслитерации [Словарь Академик http]. Транскрипция является фонетическим спо-

собом заимствования, который предполагает сохранение звуковой формы слова-источника (хоть и немного изменённой в связи с различиями в правилах чтения ИЯ1 и ИЯ2), например: *football, trailer, jeans, sport*. По принципу транслитерации образованы слова *круиз (cruise), мотель (motel), клуб (club)*. Буквы заимствуемого слова заменяются буквами родного языка (далее – РЯ), при этом слово также читается по правилам чтения РЯ.

Мы считаем, что при восприятии слов ИЯ в принципе, а в частности неоднозначных слов, и осуществлении доступа к их значениям в условиях отсутствия контекста основной для человека является опора на звукобуквенный комплекс и возможность соотнесения слова ИЯ с РЯ. Стратегия доступа к значениям неоднозначного слова с опорой на внешнюю форму слова (фонетическую и/или буквенную) особенно актуальна при идентификации слов-калек. К полным семантическим калькам можно отнести следующие слова из нашего экспериментального списка: англ. *monitor* – рус. *монитор*, англ. *credit* – рус. *кредит*, англ. *band* – рус. *банда*, англ. *bill* – рус. *билль* и т.д. Данные слова-кальки, которые в отдельных случаях употребления в контексте могут считаться «ложными друзьями» переводчика, можно назвать точными или полными семантическими кальками, образованными по принципу транслитерации.

1.3. Лексическая неоднозначность: «ложные друзья» переводчика как межъязыковой феномен

Термин «ложные друзья» переводчика был введен М. Кёсслером и Ж. Дероккини в 1928 году. Термин обозначает проблему, с которой встречаются переводчики и искусственные билингвы при встрече псевдоинтернациональными лексемами в текстах на иностранном языке. «Ложность» так называемых «друзей» – иноязычных слов, похожих по форме на слова родного языка, но не совпадающих по значению, – отражает дезориентирующую

сущность этого явления, в основе которого лежит лексическая неоднозначность.

«''Ложные друзья'' переводчика или межъязыковые омонимы (межъязыковые паронимы) – пара слов в двух языках, похожих по написанию и/или произношению, часто с общим происхождением, но отличающихся в значении» [Шнипова <http>]. К.Г. Готлиб даёт следующее определение этому явлению: «Это слова двух (возможно и нескольких) языков, которые из-за сходства их формы и содержания способны вызывать ложные ассоциации и приводят к ошибочному восприятию информации на иностранном языке, а при переводе – к более или менее существенным искажениям содержания или неточностям в передаче стилистической окраски, к ошибкам в лексической сочетаемости, а также в словоупотреблении» [Готлиб 1972: 15].

В научной литературе дезориентирующие лексические межъязыковые феномены изучались на материале разных пар языков: В.Л. Муравьевым на материале французского и русского языков, К.Г. Готлибом, который является создателем словаря, содержащего около 400 наиболее употребительных русско-немецких «ложных друзей переводчика», а также В.В. Акуленко, исследовавшего межъязыковые омонимы на материале английского и русского языков [Акуленко 1979; Готлиб 1972; Муравьев 1985].

По мнению К.Г. Готлиба оперативными признаками для отбора «ложных друзей переводчика» служат внешняя форма, этимологическая связь и смысловая структура слова [Готлиб 1972].

По степени фоно-морфологической и графической близости автором выделяются:

1) полные междуязычные аналогизмы (окказиональные и деривативные) – слова, звуко-буквенный состав которых различается только некоторыми артикуляционно-произносительными и графическими особенностями, специфичными для каждого из сравниваемых языков (например, нем. *Bank* и русск. *банк*, нем. *Paket* и русск. *пакет*);

2) междуязычные корнеаналогизмы, в корне которых большинство элементов звуко-буквенного состава одинаковы (например, нем. *Hasard* и русск. *азарт*, нем. *Charakter* и русск. *характер*).

К.Г. Готлиб относит к «ложным друзьям переводчика» только междуязычные корнеаналогизмы, имеющие общее происхождение и, соответственно, сходную в той или иной степени семантику. В то время как окказиональные междуязычные аналогизмы – в силу отсутствия семантических связей – не подвергаются лексической интерференции, и потому включаются в его «Словарь» как потенциально способные к речевому смешению, т. е. лексической интерференции [Готлиб 1972: 17].

В.В. Акуленко разграничивает межъязыковые омонимы (слова обоих языков, сходные до степени отождествления по звуковой (или графической) форме, но имеющие разные значения) и межъязыковые паронимы (слова сопоставляемых языков, не вполне сходные по форме, но могущие вызвать у большего или меньшего числа лиц ложные ассоциации и отождествляться друг с другом, несмотря на фактическое расхождение их значений) [Акуленко 1969].

Автор утверждает, что исторически «ложные друзья переводчика» являются результатом взаимовлияний языков, в ограниченном числе случаев могут возникать в результате случайных совпадений, а в родственных, особенно близкородственных, языках основываются на родственных словах, восходящих к общим прототипам в языке-основе. Их общее количество и роль каждого из возможных источников в их образовании оказываются различными для каждой конкретной пары языков, определяясь генетическими и историческими связями языков.

По мнению В.В. Акуленко, в английском и русском языках «ложные друзья переводчика» в подавляющем большинстве случаев представляют собой прямые или опосредствованные заимствования из общего третьего источника (часто это интернациональная или псевдоинтернациональная лексика или параллельные производные от таких заимствований). При этом автор

отмечает, что значительно меньше представлены результаты собственно англо-русских языковых контактов: слова английского происхождения в русском языке и русского происхождения в английском, хотя среди заимствованных слов этой группы иногда наблюдаются существенные расхождения со словами-образцами, затрудняющие носителям языка-источника понимание, казалось бы, «своего» слова в другом языке [Акуленко 1969].

На различных преподавательских форумах можно встретить такие примеры смешения значений многозначных английских слов, что отражается в неверном переводе лексической единицы и затрудняют понимание высказываний.

- *I don't understand what you are driving at* (*Я не понимаю, куда вы едете* вместо *Я не понимаю, на что вы намекаете*, дезориентиром выступило слово *drive*, переведённое в прямом значении – ‘ехать на машине’);

- *an alarm clock* – *тревожная кнопка* вместо *будильник* и *a naked conductor* – *голый кондуктор* вместо *оголенный провод* (здесь имеет место дословный перевод отдельных компонентов словосочетаний и частотности их значений, без учета вербального контекста).

В практике обучения носителей русского языка английскому ориентация на «знакомую» форму часто приводит к неверному словоупотреблению. Русское многозначное слово *кухня* может быть реализовано в различных значениях:

1. ‘Помещение с плитой или печью, где стряпают кушанья’, например: *Посуду унесли на кухню.*

2. ‘Кушанья, питание, подбор кушаний’, например: *Мне не нравится французская кухня. Ресторанная кухня.*

3. ‘Прибор для приготовления кушаний’, например: *Керосиновая кухня.*

4. перен. ‘Интриги, темные делишки’ (разг. фам. презр.), например: *Надо разоблачить всю эту вашу кухню* [Словарь Академик <http>].

В английском для обозначения первых двух значений используются два разных слова, которые не являются взаимозаменяемыми: *kitchen* и *cuisine* (см. табл. 1.).

Таблица 1.

Словоформа	Помещение для приготовления пищи	Питание, кулинарное искусство	Перен. Разг. Интриги, темные делишки
Кухня	+	+	+
Kitchen	+	-	-
Cuisine	-	+	-

Таким образом, если для носителя русского языка слово *кухня* может быть реализовано в разных контекстах и значениях, то переносить этот принцип на иностранный язык будет ошибочным.

В обзоре И.Н. Кузнецовой приводится точка зрения В.Л. Муравьева, который исследует случаи ошибочного употребления «ложных друзей переводчика». Автор выделяет корреляты, различные во всех значениях (например, французское *parole* ‘слово, речь, обещание’ и русск. *пароль* ‘mot de passe’; франц. *bâton* ‘палка, посох, жезл’ и русск. *батон* ‘baguette’) и «ложные друзья», совпадающие в одном или нескольких значениях и расходящиеся в других (франц. *figure* и русск. *фигура* совпадают в геометрическом и лингвистическом значениях, но различаются в основных значениях: франц. *figure* – ‘лицо’, русск. *фигура* — ‘внешнее очертание, форма тела’) [Кузнецова <http>].

Ещё одним интересным подвидом «ложных друзей», по мнению В.Л. Муравьева, являются так называемые «слова-призраки», «слова-подделки» («*mots-pastiches*») [Муравьев 1985]. К ним относятся слова, образуемые искусственными билингвами на основе родного или иностранного языка, изученного ранее. В качестве примера можно привести перевод слова *инструкция* с русского на английский или французский *instructage* вместо правильно-

го *instruction* (последствия неправильного словообразования под влиянием русского языка – русский суффикс - аж, вместо французского - tion).

Проиллюстрировать случай такого неправильного словообразования можно с помощью юмористического ролика-пародии передачи «Большая разница», сюжет которого заключается в том, что учитель произносит слова на иностранном языке, постепенно оставляя от иностранного слова только артикль: *рот – la boca, губы – le labbra, зубы – la зубы, руки – la руки*.

Искусственные билингвы на начальных этапах обучения периодически пытаются «изобрести» слова на английском языке путем добавления к русскому слову артикля или же транслитерировать его. В силу небольшого словарного запаса они пытаются воссоздать образ незнакомого слова по методу «кальки». Имея пример слов, похожих в родном языке и иностранном (*computer – компьютер, telephone – телефон* и т.д.) искусственные билингвы склонны применять такой принцип в том случае, если запрашиваемое для перевода слово им незнакомо, однако у них уже сформированы базовые знания об использовании артиклей в ИЯ, позволяющие воссоздать такие ложные словообразования, которых на самом деле не существует в ИЯ.

Информация о разновидностях межъязыкового феномена, обозначаемого термином «ложные друзья» с опорой на исследования разных авторов представлена в табл. 2.

Таблица 2.

Автор	Обозначение феномена	Внешняя форма	Лексическое значение	Произношение
Готлиб К.Г.	Междязычныеаналогизмы	+	+	+
	Междязычныекорнеалогизмы	+	+ –	+
Муравьев В.Л.	Корреляты	+	–	+
	Ложные друзья	+	+ –	+
	↓ Слова-призраки («mots-pastiches»)	+ –	+ –	+ –
Акуленко В.В.	Межъязыковые омонимы	+	–	+
	Межъязыковые паронимы	+ –	–	+ –

Принятые обозначения:

+ совпадают в рассматриваемой паре языков

- различны в рассматриваемой паре языков

+ - похожи, но не идентичны, совпадают не вполне или не всегда в рассматриваемой паре языков

Таким образом, изучение «ложных друзей» переводчика в практике преподавания иностранного языка должно способствовать снятию лексических трудностей при понимании иноязычных текстов. В переводческой деятельности преодоление проблемы «ложности друзей» способствует повышению качества переводных текстов.

Выводы по главе

1. Неоднозначность – явление, присущее многим сферам человеческой жизни, в связи с чем данное понятие выступает одним из ключевых во многих гуманитарных науках: философии, социологии, психологии, юриспруденции и других.

2. Неоднозначность является неотъемлемым свойством языка в целом и отдельных языковых знаков. Под знаком в данном случае понимается любая языковая единица, начиная от уровня морфем и заканчивая уровнем предложения и текста, вследствие чего выделяются разные уровни языковой неоднозначности: уровень морфем, слов, словосочетаний и предложений.

3. Во многих словарных статьях, посвящённых проблеме неоднозначности, отмечаются такие свойства данного явления, как диффузность, расплывчатость смысла или значения, неопределённость, неясность, неточность, двусмысленность, в связи с чем в английском языке помимо термина «ambiguity» неоднозначность соотносится с такими терминами, как «doubtfulness», «uncertainty», «vagueness», «inexactness», «puzzle», «equivocation», «enigma».

4. Одним из видов языковой неоднозначности является лексическая неоднозначность, которая подразделяется на лексическую многозначность (полисемию) и омонимию.

5. Лексическая неоднозначность рассматривается не только как положительное явление, раскрывающее многообразную полифоничную природу языка, но и как отрицательное явление. Проблема лексической неоднозначности является актуальной в связи с проблемой создания искусственного интеллекта и усовершенствования машинного перевода. Учёные стремятся создать механизм, позволяющий получить адекватный автоматический перевод, качество которого не уступало бы и даже (в лучшем случае) превышало бы уровень перевода, сделанный человеком. Эта проблема, однако, остаётся нерешённой по сей день, поскольку машина не в силах учесть окружение неоднозначного слова – контекст. Принцип автоматического отбора значения

слова основан исключительно на частотности значения слова. Некоторые учёные пытались решить проблему лексической неоднозначности с помощью создания искусственных языков, каждому слову в которых соответствовало бы только одно значение – токипона, ложбан, логлан и другие, однако данный метод также не получил одобрения и не был признан достаточно успешным.

Глава 2. НЕОДНОЗНАЧНОЕ СЛОВО В МЕНТАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ ЧЕЛОВЕКА

2.1. Модели хранения и доступа к неоднозначному слову

Как отмечает Т.Ю. Сазонова, ментальный лексикон представляет собой «особое хранилище слов со своими организационными принципами» [Сазонова [http](#)]. Автор отмечает, что данные, полученные в ходе анализа литературы, посвящённой проблеме организации ментального лексикона и идентификации слова, свидетельствуют о наличии определённых особенностей восприятия. Отмечается, что до недавнего времени, общепринятой стратегией исследования лексического доступа и распознавания слова как начальных этапов идентификации было использование, по крайней мере, двух классических парадигм: принятие лексического решения (*lexical decision*) и называние слова (*lexical naming*) с последующим сравнением результатов [Там же]. Процесс доступа к слову в ментальном лексиконе является предметом исследований, нацеленных на изучение проблемы снятия лексической неоднозначности носителем языка, и трактуется в таких терминах, как: *lexical encoding*, *lexical access*, *lexical retrieval*, *lexicalization*, *lexical choice*. Анализируя исследования лексического доступа в контексте истории вопроса, Дж. Филд выделяет три различные традиции: модульную или автономную (путь обработки информации «снизу вверх»), приоритет контекстной информации (путь «сверху вниз») и теорию распространяющейся активации, которая предполагает, что на протяжении всего процесса обработки задействуются оба источника данных [Филд 2012]. Согласно первой модели, каждый уровень, на котором происходит обработка языковой информации, функционирует независимо от других уровней. Иными словами, на каждом уровне достигается конечный результат обработки, который передаётся на более высокий уровень, т.е. сначала последовательность звуков распознаётся исключительно на уровне фонем и только после окончания обработки передается на

следующий уровень – лексический и т.д. Эта модель соответствует метафоре обработки информации «снизу вверх». Однако, в действительности всё намного сложнее. Так, некоторые авторы утверждают, что обработка минует уровень фонем, сразу переходя на уровень слогов. Альтернативная теория рассматривает обработку языковой информации как интерактивный процесс, что, по меньшей мере, подразумевает, что информация на одном уровне может непосредственно влиять на обработку информации на соседнем уровне, как более высоком, так и более низком.

Данные об успешности этих моделей противоречивы. Некоторые авторы полагают, что путь «сверху вниз» используется только для проверки информации, обрабатываемой на пути «снизу вверх», другие утверждают приоритет обработки «снизу вверх», считая, что контекстная информация вовлекается только при получении достаточных данных снизу [Филд 2012: 130–158].

В.Д. Марслен-Вильсон высказал предположение о том, что слова в ментальном лексиконе упорядочены по их начальным сегментам [Marslen-Wilson 1984]. Данный принцип лёг в основу разработанной автором «когортной модели», которая предполагает, что доступ к слову осуществляется путем последовательного перебора списка слов, организованного по их начальным фонемам. На начальном этапе распознавания слова одна или две первые фонемы активируют в памяти человека все слова, начинающиеся с этой последовательности фонем. После этого происходит сужение когорты слов – кандидатов на распознавание, которое сопровождается процессом сопоставления членов когорты с поступающей сенсорной информацией. Процесс сужения происходит до тех пор, пока из всех возможных кандидатов остаётся одно слово, соответствующее сенсорному сигналу.

Некоторые авторы высказываются по поводу того, что слова, у которых есть так называемые «графические или фонетические соседи», имеют свои особенности восприятия и хранения в ментальном лексиконе. В иноязычной литературе эффект воздействия более частотного «графического или фонети-

ческого соседа» на процесс доступа к значениям другого, схожего с ним слова получил название *neighborhood frequency effect* [Grainger, O'Regan, Jacobs & Segui 1989]. Для нас наиболее актуальным является восприятие графического образа слова, так как в ходе экспериментов, описанных в нашей работе, слова предъявляются Ии. в письменном виде и их первоначальные реакции основаны на восприятии буквенного комплекса. Говоря о словах, являющихся «графическими соседями», стоит отметить, что таковыми можно считать любые лексические единицы, полученные путём изменения только одной буквы. Например: *fan – fun, trunk – drunk, coat – goat, bill – bell, pork – fork*. Исследование [Grainger, O'Regan, Jacobs & Segui 1989], проведённое на материале датского, английского, французского и испанского языков, позволило предположить, что слова, имеющие высокочастотных соседей, представляют большую трудность для распознавания, чем слова, таких соседей не имеющие. Вместе с тем отмечается, что количество орфографических соседей слова коррелирует со скоростью его распознавания [Там же]. В процессе обучения английскому языку как ИЯ многие преподаватели сталкиваются с проблемой идентификации слов, имеющих «графических соседей». В силу схожести словоформ «графических соседей» у обучаемых возникает ложное ощущение, что слово, которое встречается им в тексте, является для них знакомым. Они не видят необходимости в том, чтобы смотреть значения таких слов в словаре, что ведёт к сбою в процессе понимания не только слова, которое было переведено неверно, но и предложения, в котором оно употреблено, и даже текста. Слово, являющееся наиболее субъективно частотным для человека, оказывает интерферирующее влияние на процесс идентификации его «графического соседа» (см. рис. 3).

В связи с представлениями о хранении и доступе к неоднозначным словам в ментальном лексиконе в научной литературе рассматриваются различные модели разрешения неоднозначности (*ambiguity resolution*). Основываясь на результатах собственных экспериментальных исследований, Ван Петтен рассматривает три подхода к модели снятия неоднозначности при

восприятию слова индивидом: полный, упорядоченный и выборочный доступ (*exhaustive, ordered* и *selective excess*) [Van Petten [http](http://)].

Рис. 3

Согласно первой модели, в сознании реципиента при восприятии неоднозначного слова могут быть активированы все его значения одновременно, и только после этого реципиент выбирает нужное значение, подходящее по контексту. Данная модель получила название концепции лексикализма, в соответствии с которой в лексиконе должна присутствовать вся информация, касающаяся действительного, возможного и вероятного поведения слов [Johnson 1987: 219]. Согласно второй модели, вначале активируется основное, наиболее частотное значение многозначной лексической единицы, и лишь потом, если оно не подходит по контексту, активируется другое значе-

ние слова. И наконец, третья модель предполагает, что нужное значение слова мгновенно выбирается индивидом в случае предоставления подходящего контекста (*appropriate context*) [Swinney 1979]. В роли контекста может выступать одно слово, словосочетание или сразу целое предложение: *to read a book – to book a ticket* (многозначное слово *book* реализуется в двух значениях: ‘книга’ и ‘бронировать’; *I can do it – I’d like a can of coke* (слово *can* реализуется в значениях ‘мочь, уметь’ и ‘жестяная банка’).

В книге [Филд 2012] представлены модели последовательного и альтернативного доступа к ментальному лексикону индивида. Согласно первой модели, различные «словарные статьи» обрабатываются до тех пор, «пока для слышимого или читаемого слова не будет найдено соответствие». При этом отмечается, что на расположение слов в ментальном лексиконе и на время, затраченное на выбор нужного значения, влияет не только сходство форм слов, но и частотность: известно, что высокочастотные слова распознаются быстрее, чем низкочастотные. Также стоит отметить фактор частотности значений неоднозначного слова. Если контекст предложения указывает на более частотное, основное значение слова, остальные значения, хранящиеся в ментальном лексиконе, могут быть неактивными. Если же в контексте представлено менее частотное, второстепенное значение многозначной лексической единицы, активированы могут быть все известные значения [Там же: 71].

Что касается модели альтернативного доступа, предполагается, что он осуществляется параллельно: в ходе поиска из лексикона извлекается большое количество похожих слов, которые одновременно сопоставляются с читаемым или слышимым словом. При этом значения многозначного слова находятся в состоянии конкуренции друг с другом, которую описывают как активацию лексических единиц. Активация слова усиливается, если оно является высокочастотным, а также имеет меньше слов-конкурентов. Так, при чтении медленнее распознаются такие слова, как *head*, конкурирующие с целым рядом слов (*hear, heat, heap, heal*), нежели слова типа *heed*, которое при

чтении слева направо конкурирует только с одним словом – *heel* [Там же: 104].

Доступ к единице ментального лексикона можно рассматривать в терминах процесса извлечения из лексикона «словарной статьи» [цит. раб.: 70]. Существует свидетельство того, что омонимы ассоциируются с отдельными словарными статьями (*lexical entries*) в ментальном лексиконе индивида, хотя считается, что выбранная словарная статья интегрируется в более обширную модель дискурса [Zwaan 2006]. Что касается полисемии, есть разные точки зрения о том, имеет ли каждое значение многозначного слова собственную словарную статью или же все значения хранятся в одной статье ментального лексикона [Там же].

Как отмечается в работе [Боярская http], некоторые ученые полагают, что слово присутствует в сознании во всей системе значений, узусальных и потенциальных, готовых при необходимости всплыть на поверхность. Подобная лексикоцентрическая точка зрения была высказана в свое время В.В. Виноградовым [Виноградов 1972: 17] и поддерживается ведущими когнитологами, занимающимися исследованием многозначности. Существует и противоположная точка зрения, в соответствии с которой в лексиконе присутствует базовое, начальное значение полисеманта, а производные значения выводятся в соответствии с определёнными правилами, которые также хранятся в сознании. Данная теория берет свое начало в психолингвистических исследованиях, проводимых в начале 1970-х годов [Боярская http].

Так А. Карамазза и Е. Гроубер, рассматривая полисемию с точки зрения психолингвистики, полагают, что было бы неэкономно держать в памяти все значения многозначного слова, поэтому в ней хранятся только фиксированные абстрактные стержневые значения, а от них производятся конкретные значения в соответствии с данным контекстом. Учёные обнаружили зависимость между степенью развития полисемии лексемы и степенью абстрактности её стержневого значения: эти стержневые значения будут отличаться по степени абстрактности, которая в свою очередь предопределяет степень ве-

роятности допущения полисемии; чем более полисемантична репрезентация, тем более она абстрактна и наоборот, чем менее она полисемантична, тем менее она абстрактна [Caramazza, Grober 1976: 200].

По мнению Дж. Нанберга, ментальный лексикон – это «упрощенный список, в котором каждое значение ассоциируется с некоторым фиксированным значением по договоренности (*by convention*)» [Nunberg 1979]. Дополнительные прочтения слова воспринимаются как омонимы или как лексико-семантические варианты слова. Нанберг утверждает, что различные значения слова должны рассматриваться как варианты, связанные по определённой схеме. Учёный полагал, что ни один из этих вариантов не является центральным. Значение слова в некотором смысле неопределённо, а процедура его идентификации совпадает с определением референта и оценкой его функции [Nunberg 1979].

Дж. Лакофф рассматривает полисемию с точки зрения понятия «семейное сходство», полагая, что абстрактное нейтральное значение, общее для всех вариантов, невозможно [Lakoff 1987]. По мнению исследователя, варианты слова связываются в сеть (*network*), где центральное значение отнюдь не центр сети. Центральный статус приписывается одному концептуальному варианту слова, а остальные варианты рассматриваются как производные от него. Под центральным понимается «доминирующее значение, точка семантического отсчета, от которой остальные варианты могут быть образованы путем привнесения минимальных семантических отличий» [Там же]. Как отмечает Е.Л. Боярская, в соответствии с этим подходом даже сильно различающиеся и, казалось бы, не связанные производные значения полисеманта могут быть связаны посредством промежуточных, семантически близких вариантов. Структура сети, предложенной Дж. Лакоффом, напоминает «дерево», хотя многие другие лингвисты (Дж. Тайлор) предпочитают термин «цепь» (*meaning chain*). Переход от варианта к варианту происходит в направлении от центрального варианта к производным [Боярская [http](http://)].

Говоря о приоритете контекстной информации, стоит упомянуть, так называемые, «эффекты контекста» (*context effects*), которые, так или иначе, наблюдаются во всех экспериментах на снятие неоднозначности. Однако проблема заключается в выяснении того, как именно момент включения контекста влияет на обработку слов-кандидатов для принятия окончательного решения. В ходе эксперимента, проведённого Д. Суином, было установлено, что даже при появлении слова в однозначном контексте у реципиента возникают ассоциации с несколькими значениями слова. Предварительно автором были отобраны *equibaised words* – слова, имеющие два значения, которые никак не пересекаются в обычной речи, т.е. невзаимозаменяемые лексические единицы (например, слово *bug*, в различных контекстах было реализовано в значениях ‘жук’ и ‘подслушивающее устройство’) [Swinney 1979]. В цитируемом исследовании было показано, что контекстная информация используется после того, как человек автоматически получает доступ ко всем возможным значениям многозначного слова. Таким образом, признавая за контекстом существенное значение в преодолении неоднозначности, исследователи не склонны его преувеличивать.

В другом эксперименте, проведённом Дж. Симпсоном [Simpson 1985], неоднозначное слово предъявлялось Ии. в паре с двумя разными словами, которые определённым образом перекликались с одним из двух наиболее распространённых значений неоднозначного слова. Одним из примеров в его исследовании является слово *bank*, предъявленное Ии. в следующих комбинациях: *bank – money* и *bank – river*. При этом по результатам, приведённым в цитируемом исследовании, утверждается, что слово *bank* чаще употребляется в значении ‘банк’, нежели ‘берег’. Вначале Ии. предъявлялось само неоднозначное слово (*the prime*), а через определённые доли секунды – предъявлялось слово-напарник (*the target*). По результатам исследования Симпсон пришёл к выводу, что при предъявлении неоднозначного слова его значения извлекаются по очереди, причём более частотное значение слово извлекается первым в том случае, если присутствует подходящий контекст. Однако, бо-

лее поздние исследования Дж. Симпсона и К. Бёрджесса показали, что хотя при отсутствии определяющего контекста первым активизируется более частотное значение слова (через 16 миллисекунд), чуть позже (через 100 миллисекунд) активизируется и второе [Там же], т.е. открывается доступ ко всем доступным значениям неоднозначного слова.

Эффекты контекста и их воздействие на разрешение лексической неоднозначности исследовались Р. Шваневельдом, Д. Мейером и К. Бекером [Schvaneveldt, Meyer, Becker 1976]. В данном эксперименте слова Ии. предъявлялись в «тройках» (*triplets*), одно из трёх слов было неоднозначным. После того как лексическое решение относительно первого слова было принято, Ии. предъявлялось второе, а потом и третье слово, при это неоднозначное слово было первым или вторым в тройке: *save – bank – money; river – bank – money*. В эксперименте также присутствовали слова с «нулевым лексическим уклоном» (*null bias*), в таких тройках не было определяющего слова, которое, каким бы то ни было образом, перекликалось с семантическим полем неоднозначной лексической единицы: *river – date – money*. Результаты исследования показали, что при наличии совместимого микро контекста (*concordant context*), обеспеченного семантическим уклоном (*semantic bias*) *save* и *river* соответственно, слово *money* не оказывало влияние на принятие решения о значении слова *bank*. Однако по данным другого эксперимента [Oden 1983], проведённого также на примере сочетаний «троек», в ходе эксперимента было доказано, что оба слова с семантическим уклоном (*semantic bias*) оказывали влияние на принятие решения о значении неоднозначного слова, другими словами, происходила активация обоих конкурирующих значений неоднозначного слова.

2.2. Контекст и проблема неоднозначности

Контекст (от лат. *contextus* — тесная связь, соединение) – термин, широко используемый в гуманитарных науках, в философии и в повседневном

языке. В языкознании и логике «контекст определяется как относительно законченный в смысловом отношении отрывок текста или речи, в котором выявляется смысл и значение входящих в него слов» как лингвистическое окружение определённой языковой единицы [Шишкина [http](#)]. Понятие «контекст» является центральным не только для языковедческих наук, но и ряда других гуманитарных направлений, таких как социальная антропология, психология личности, когнитивная психология, психо- и когнитивная лингвистика и т.п.

На сегодняшний день, как отмечает И.Т. Касавин, современная социальная антропология рассматривает контекст в следующих измерениях: 1) окружение (*setting*): социальные и пространственные рамки, в которых происходят интеракции; 2) поведенческая среда (*behavioral environment*): способ, в котором участники используют свои тела и поведение как ресурсы для фреймирования и организации разговора (жесты, позы, взгляды); 3) языковой контекст (*language as context*): способ, которым сам разговор или текст озвучивает и продуцирует контекст для другого разговора или текста; 4) экстра-ситуационный контекст (*extra-situational context*): понимание обмена репликами требует «базисного знания» (*background knowledge*), которое выходит далеко за пределы локального разговора и непосредственного окружения [Касавин [http](#)].

В психологии личности контекст тесно связан с деятельностью человека и сценарием поведения. Контекст определяется как часть единого био-социально-культурного процесса развития, а также сложное взаимодействие разных внутренних и внешних процессов [Походня 1989]. Д. Спеллер и Д. Уилсон рассматривают в качестве контекста минимальный набор данных, используемых при интерпретации высказывания. По мнению авторов, контекст – это некий набор представлений о мире, которым располагает воспринимающий информацию человек [Sperber, Wilson 1986].

Многообразие лингвистических и экстралингвистических факторов, имеющих непосредственное отношение к контексту, его полифункциональ-

ность и различие исследовательских интересов относительно данного понятия предопределяют существование различных теорий контекста и различных принципов подхода к определению понятия. Для целей нашего исследования особый интерес представляет проблема зависимости/независимости слова от контекста.

Восприятие неоднозначного слова, выбор нужного значения происходит под влиянием таких факторов, как наличие или отсутствие контекста, а также частотности слова и его значений. В психолингвистике данные факторы объединяются термином «лексическое свойство слова» (*lexical quality*) [Schwartz, Yeh, Shaw: 311]. Согласно гипотезе лексических свойств (*lexical quality hypothesis*) [Perfetti http], неоднозначные слова наряду с омографами и омофонами относятся к словам с низким уровнем проявления лексических свойств (*lower lexical quality*), вследствие чего понимание текста осложняется. В работе [Schwartz, Yeh, Shaw http] указывается, что это происходит в силу того, что нет однозначного соответствия между графической формой слова и его значением. Несмотря на то, что при чтении текста, содержащего неоднозначное слово, могут актуализироваться все известные значения, те, что являются менее частотными по сравнению с остальными, подвергаются «риску» быть «неузнанными». Происходит это вне зависимости от того, насколько однозначным является предоставленный контекст.

Лексическая неоднозначность и контекст взаимосвязаны в силу того, что неоднозначное слово приобретает различные смыслы в зависимости от окружения. Зависимость слова и его значения от контекста рассматривалась в истории языкознания на уровне языковой системы. В этом случае встаёт вопрос о том, являются ли тогда лексические единицы вариантами значений одного слова (в этом случае слово признаётся многозначным) или же это омонимы. Р.А. Будагов в своей работе приводит точки зрения нескольких авторов. Б. Кроче утверждал, что слово живёт только в одном контексте, в другом – оно уже оказывается другим словом. К. Фосслер защищал сходное положение «лингвистически»: по его убеждению, контекст всякий раз делает

слово другим [Будагов 1953: 22]. Как отмечал сам автор, «с одной стороны, слово едино и самостоятельно, а с другой – оно как бы «распадается» на множество отдельных значений». По мнению Р.А. Будагова, все метафорические осмысления отдельных слов относятся лишь к личностному восприятию слова индивидом. Поэт или писатель, обладающий иным видением мира, по-иному осмысливает слова, которые являются для него способами передачи не только информации, но и смыслов, «переносных фонов слова», как их называет автор. Тем не менее, на примере слова *золотой*, употреблённого в контексте *золотое сердце* и *золотое кольцо*, видим, что метафорическое значение слова не нарушает его природы, его номинативного значения, а воспринимается как бы на его фоне [Там же: 24].

В некоторых работах, посвящённых роли контекста при преодолении лексической многозначности, отмечается, что «контекст является единственным средством идентификации значения многозначного слова», так как именно в контексте содержится информация, используемая для определения значения слова [Ide, Veronis 1998]. В книге [Hank 2013: 73] указывается, что значения не существуют вне контекстов, в которых они используются.

В лингвистике текста принято различать лингвистический и экстралингвистический контекст. Лингвистический контекст – языковое окружение, в котором употребляется конкретная единица языка в тексте. К экстралингвистическому контексту относят обстановку, время и место, к которым относится высказывание, а также факты реальной действительности, знание которых помогает рецептору правильно интерпретировать значения языковых единиц в высказывании. Экстралингвистический контекст делится на ситуационный (время, место, обстановка) и культурологический (факты реальной действительности) [Словарь «Академик» [http](http://)]. С точки зрения структуры лингвистический контекст можно рассматривать на уровне слова и предложения, выделяя, соответственно, лексический и синтаксический контексты. Под лексическим контекстом понимается совокупность лексических единиц, в окружении которых используется конкретная единица текста; синтаксиче-

ский контекст есть синтаксическая структура, в рамках которой употреблено конкретное слово в тексте [Там же].

Кроме того, лингвисты различают узкий (микро) и широкий (макро) контекст. Под «узким» контекстом понимают лингвистический контекст в пределах словосочетания и предложения, под «широким» – контекст, выходящий за пределы предложения, в котором употреблена языковая единица [Шишкина [http](http://)].

Н.Н. Амосова [1963] рассматривает проблему контекста в связи с необходимостью различения двух факторов реализации значения слова: контекста и речевой ситуации, несмотря на их общую функцию – создавать условия употребления слова. Основное различие между ними заключается в том, что в одном ряду явлений семантически реализуемое слово выступает в определённой конструктивной связи с другими элементами некоего речевого целого, а во втором ряду это слово получает семантическую реализацию независимо или даже вопреки этому речевому целому. С точки зрения Н.Н. Амосовой, контекст может рассматриваться как реализация значения слова на основе определённых закономерностей сочетаемости слова данного языка в данный момент его синхронии, что соответствует содержанию термина «лингвистический контекст». По мнению автора, «соединение указательного минимума с семантически реализуемым словом и составляет контекст» [цит. раб.: 28]. При этом контекст рассматривается Н.Н. Амосовой как языковой материал, а условия реализации контекста – как речевая ситуация [цит. раб.: 24].

В качестве речевой ситуации может выступать реальная обстановка данного речевого акта, «бытовой контекст» в терминах А.А. Реформатского; и «фиктивная ситуация», т. е. упоминание о ситуации в устном или письменном повествовании, – сообщаемая или текстовая ситуация [цит. раб.: 29–30].

Г.В. Колшанский отмечает, что сам по себе язык является контекстным механизмом. В противном случае его можно было бы рассматривать как набор изолированных слов. Автор предлагает несколько иную классифика-

цию контекстов: микроконтекст (грамматический контекст) – в пределах предложения; макроконтекст – в пределах абзаца; и текстовый, тематический контекст – за пределами абзаца [Колшанский 1980: 47]. С.И. Походня называет текстовый контекст мегаконтекстом [Походня 1989: 62].

А.А. Уфимцева предлагает выделять системный семантический контекст: «Системный семантический контекст, реализующий то или иное значение полисемантического слова, не однороден и включает следующие компоненты: 1) семантически реализуемое слово; 2) лексически сочетающееся, так называемое ключевое слово; 3) модель лексической сочетаемости; 4) модель синтаксической сочетаемости» [Уфимцева 1968: 221].

В русле культурно-исторического подхода к развитию значения слова в онтогенезе Л.С. Выготский привлекал понятие «контекст» для объяснения соотношения смысла и значения: слово приобретает смысл в контексте абзаца, абзац в контексте книги и т.д. Смыслы слов могут обновляться до бесконечности во все новых контекстах [Выготский 1982], поэтому и понимание, по словам М.М. Бахтина, есть «соотнесение с другими текстами и переосмысление в новом контексте» [Бахтин 1979: 364]. Следовательно, читающий усваивает значение слов только при условии их многократного восприятия в разных контекстах. Данный принцип лежит в основе лестницы контекстов литературоведа Е.Г. Эткинда, который выделяет контекст определённого произведения, контекст цикла произведений этого же автора, контекст общепринятых переносных значений слов, контекст литературных направлений и т.д. [Эткинд 2004].

В психолингвистической концепции слова А.А. Залевской особое место занимает понятие внутреннего контекста [1999]. Согласно концепции автора, значение слова не сводится к понятию: в процессе идентификации «осознанное или протекающее на подсознательном уровне сопоставление с продуктами предшествующего опыта индивида охватывает всё многообразие увязываемых со словом чувственных впечатлений, т.е. фактически происхо-

дит включение слова в многогранный внутренний контекст, изначально являющийся перцептивно-когнитивно-аффективным» [цит. раб.: 56].

Понятие внутреннего контекста в когнитивных исследованиях используется Р. Стернбергом [http] для рассмотрения таких процессов, как процессы кодирования, хранения и извлечения информации. Когнитивный внутренний контекст индивида оказывает влияние на указанные процессы. Автор полагает, что наряду со схемами знаний, внутренний контекст определяется эмоциями, модальностями разных видов, состояниями сознания и внешним контекстом как усвоения знаний, так и их воспроизведения. Все указанные характеристики внутреннего когнитивного контекста, так или иначе, будут определять процесс идентификации слова. Рассматривая роль языка в таком внутреннем когнитивном контексте, Р. Стернберг отмечает, что слова являются наиболее экономичным способом оперирования информацией [Там же].

Контекст в когнитивной лингвистике также трактуется как ментальное явление. Ф. Унгерер и Г.Й. Шмит предлагают использовать термин «контекст» для обозначения когнитивной репрезентации взаимодействия между ментальными концептами или когнитивными категориями. Такая когнитивная репрезентация, или контекст, формируясь в процессе взаимодействия человека с реальным миром, немедленно вступает в связь со знаниями индивида, хранящимися в долговременной памяти. Таким образом, когнитивные категории зависят не только от текущего контекста употребления, но и от целого комплекса ассоциирующихся с ними внутренних когнитивных контекстов. Важным представляется мысль о том, что идентификация слова никогда не происходит в «деконтекстуализованном вакууме» [Ungerer, Schmid http].

Таким образом, идентификация слова человеком, в том числе и неоднозначного/многозначного, происходит с опорой на контекст, внешний и внутренний. Другими словами, неоднозначность предопределяет зависимость слова от контекста. В психолингвистических исследованиях на первый план выступает проблема обработки неоднозначных слов носителем языка, который связан с вопросом выбора «нужного» значения слова, не искажающего

смысл сказанного или прочитанного сообщения. Как видно, одна из трудностей изучения механизма преодоления неоднозначности заключается в том, что поведение носителя языка в естественных ситуациях носит неосознаваемый характер (распространение активации) или, наоборот, требует повышенного внимания к контекстным сигналам.

2.3. Частотность слова и его значения как фактор, влияющий на преодоление неоднозначности

Частотность представляет собой параметр, характеристику слова, которая указывает количество употреблений лексической единицы в совокупности текстов, представительных либо для языка в целом, либо для отдельного функционального стиля, либо для одного автора [Словарь Академик [http](http://)]. Наиболее известными словарями частотности английского языка считаются «Teacher's word book of 30000 words» Э.Л. Торндайка и И. Лоджа и «Computational analysis of present day American English» Г. Кучера и У.Н. Франсиса [Словарь Академик [http](http://)]. В указанных источниках частотность слов указывается в виде частоты встречаемости на 1 миллион слов, данные этих словарей основаны на обследовании печатных материалах. В работах [Золотова 2005; 2014; 2015 и др.] обсуждается связь частотности с известностью слова для носителя языка, с субъективным ощущением знакомости слова (*familiarity*), скоростью узнавания, разборчивостью (*intelligibility*), числом вызываемых ассоциаций (*associative value*), эмоциональной коннотацией (*affective connotation*), конкретностью значения, возрастом, в котором предположительно усваивается слово (*age of acquisition*), длиной слова и другими важными параметрами. По мнению автора, особый интерес представляет соотношение *частотности как лексикостатистической* (лингвистической) характеристики слова, зафиксированной в частотных словарях, и *субъективной оценки частоты встречаемости слов*, которую дают в психолингвистических экспериментах испытуемые – носители языка. Последняя характери-

ка коррелирует с тем, что в психолингвистических терминах обозначается как *familiarity* – ‘узнаваемость (знакомость) значения слова испытуемыми’ [Там же].

Исследуя частотные характеристики единиц ядра ментального лексикона человека на материале английского языка, Н.О. Золотова приходит к выводу, что слова, составляющие ядро ментального лексикона человека, обладают специфическими характеристиками, среди которых заслуживают внимания такие, как соотношение частотности, зафиксированной в частотных словарях, ощущения знакомости слова для обыкновенного носителя языка и, соответственно, связанной с этим ощущением воспроизводимости – наиболее вероятного появления таких слов в ответах испытуемых. Наиболее «знакомыми» словами для испытуемых оказываются, прежде всего, так называемые, «обиходные», или «обыденные» слова [Золотова 2015: 5 – 6].

Автор делает акцент на том, что частотность (традиционно понимаемая как частота встречаемости слов в текстах) представляет собой чисто лингвистическую характеристику слова, необязательно связанную напрямую с его психической жизнью. Именно психологическая ценность слова для носителя языка, его «активность» в ментальном лексиконе, легкость извлечения из памяти, использование в качестве слов-идентификаторов в когнитивной деятельности индивида делает его наиболее употребляемым (частотным) в речи/языке, что не всегда находит отражение в частотных словарях. То, что переживается индивидом как «знакомость», «привычность», «известность» при встрече с определенными словами, позволяет носителю языка оценивать их как частотные. В категорию таких слов попадают, прежде всего, слова, усваиваемые в раннем возрасте и относящиеся к базовому уровню обобщения [Там же].

Для целей нашего исследования наибольший интерес представляет не столько частотность самого неоднозначного слова, сколько частотность его отдельных значений, которая варьируется в зависимости от того, встречалось ли то или иное значение человеку в таком количестве контекстов, которое

необходимо для запоминания или, по крайней мере, опознания его как знакомого. Речь, по нашему мнению, нужно вести о *субъективной частотности*, т.е. об интуитивном ощущении (переживании) значения слова, как часто встречаемого в практике, а потому хорошо знакомого.

В связи с этим на первый план выходит такое понятие, как идентифицируемость или опознаваемость неоднозначного слова (*functional identifiability*), в процессе выбора нужного значения [Schwartz, Yeh, Shaw: 311].

Факторы, влияющие на процесс опознавания слова, зависят не только от степени выраженности лексических свойств, но и от того, *кто* воспринимает данное слово, насколько это квалифицированный пользователь языка, обширен ли его словарный запас. Сюда же относятся такие факторы, как образование, возраст, пол и так далее.

Следует также учитывать особенности идентификации, присущие искусственным билингвам. Существует множество исследований, направленных на выявление особенностей восприятия слов и процесса изучения новых слов иностранного языка как одного из аспектов обучения [Linck, Hoshino, Kroll [http](#); Puntoni, Langhe, Osselaer [http](#); Schwartz, Yeh, Shaw [http](#)].

Исследования показывают, что при восприятии слова ИЯ, активными в сознании билингва являются оба языка [Aitchinson 1985], вследствие чего доступ к образам и ассоциациям, возникающим в процессе восприятия слова ИЯ, может реализоваться средствами обоих языков (родного и иностранного), что может, как затруднить понимание значения слова (языковая интерференция), так и облегчить его (положительный перенос). Наряду с этим, для носителя учебного билингвизма большое значение для принятия решения о выборе того или иного значения неоднозначного слова имеет его субъективная частотность.

В статье [Июмдин 2014] отмечается, что согласно экспериментально полученным данным информация о частотности значений в словарях «плохо соотносится с современным узусом». Происходит это в силу того, что слова-

ри, особенно бумажные, «не успевают за появлением новых значений», вследствие чего лексикографам приходится прибегать к различным методам для оперативного пополнения словарей, в частности экспериментальным [Там же]. Существует мнение о том, что данные о значениях многозначных слов могут существенно различаться в словарях, лингвистических работах и сознании носителей языка. Соответственно описанному принципу выделяются *dictionary meanings*, *linguistic senses* и *semantic intuition* [Lin, Ahrens 2005].

Таким образом, значения неоднозначного слова являются в разной степени актуальными для носителя языка и изучающего этот язык как иностранный. Это подтверждается данными двуязычных словарей. Словарь Cambridge Dictionaries Online [http] имеет обширный мультиязыковой корпус слов, отобранных в результате обследования различных источников – газет, книг, журналов, учебных программ и ситуаций повседневного общения. Анализ указанных источников позволяет составителям словаря предоставить информацию о том, какое значение слова является наиболее частотным в аутентичных и учебных контекстах, предназначенных для изучающих английский язык как иностранный. Сравнение двух направлений перевода убедило нас в том, что наиболее частотным может оказаться то значение слова, которое будет не самым распространённым в русско-английской версии словаря. Например, в англо-английском словаре у слова *monitor* в качестве наиболее часто встречающегося указано значение ‘a person who has the job of watching or noticing particular things, for example: United Nations monitors were not allowed to enter the area’, тогда как в англо-русской версии словаря это значение находится на последнем месте в словарной статье, а самым актуальным является другое значение – ‘a screen that shows information or pictures, usually connected to a computer’ (‘монитор’). Самое частотное значение слова *credit* согласно англо-английскому словарю, – ‘praise, approval, honour’ (что соответствует русскому переводу ‘похвала’, ‘заслуга’, ‘одобрение’, ‘доверие’). В англо-русской версии в качестве самого частотного указывается значение ‘кредит’. Следовательно, частота значений слова варьируется в зави-

симости от того, исследуется ли она на материале текстов, составленных для носителей языка или учебных билингов.

В связи с развитием компьютерной лингвистики актуальным выступает такое понятие, как «частотность ключевого слова», под которой понимают «количество запросов пользователей, в которых употреблялось это слово» [Частотность и конкурентность ключевого слова http]. Речь в этом случае идёт об интернет-запросах пользователей, в которых они вводят в строку поиска так называемое «ключевое слово». Информация о количестве таких запросов исследуется на основе данных, предоставленных поисковыми системами. Таким образом, каждое ключевое слово характеризуется определённой частотностью запросов («предварительный прогноз числа показов в месяц, которое получает пользователь, выбрав запрос в качестве ключевого слова» [Частотность запросов http]). Существуют специальные сервисы, позволяющие определить частотность запросов тех или иных ключевых слов – Яндекс.Директ, Google Adwords и ПОИСК@mail.ru. Перечисленные программы позволяют поддерживать три вида соответствия:

широкое:

1) в запросе содержится слово с опечатками, синоним, похожее словосочетание или другой релевантный вариант;

2) отображаются все запросы и статистика из показов, в которых в той или иной форме имеется слово;

фразовое:

1) в запросе указана фраза, которая соответствует заданному словосочетанию и может содержать дополнительные слова;

2) учтены показы только по этому слову (фразе) и всем его словоформам, и не учитываются показы по запросам, содержащим словосочетание с заданным словом. Например, при запросе «окна» будут учтены показы по словам «окна», «окну» и т.д., но не по словосочетанию «окна для дома»;

точное:

1) запрос точно соответствует ключевому слову или является его близким вариантом;

2) учтены показы только по заданной форме слова [Частотность и конкурентность ключевого слова http].

Безусловно, частотность ключевых слов в поисковой системе соотносится с языковой частотностью, присущей словам, содержащимся в ментальном лексиконе индивида.

Выводы по главе 2

1. Принцип организации ментального лексикона, в основе которого лежит опора на графический образ слова и организация слов по их начальным сегментам, лёг в основу разработанной В.Д. Марсленом-Вильсоном «когортной модели». Согласно ей доступ к слову осуществляется путем последовательного перебора списка слов, организованного по их начальным фонемам [Marslen-Wilson 1984].
2. В работах [Золотова 2005; 2014; 2015 и др.] обсуждается связь частотности с известностью слова для носителя языка, с субъективным ощущением знакомости слова (*familiarity*), скоростью узнавания, разборчивостью (*intelligibility*), числом вызываемых ассоциаций (*associative value*), эмоциональной коннотацией (*affective connotation*), конкретностью значения, возрастом, в котором предположительно усваивается слово (*age of acquisition*), длиной слова и другими важными параметрами. Вслед за автором мы разграничиваем частотность как лексикостатистическую (лингвистическую) характеристику слова, зафиксированную в частотных словарях, и субъективную оценку частоты встречаемости слов, которую дают в психолингвистических экспериментах испытуемые – носители языка. Последняя характеристика коррелирует с тем, что в психолингвистических терминах обозначается как *familiarity* – узнаваемость (знакомость) значения слова испытуемыми.
3. Значения неоднозначного слова находятся в состоянии «конкуренции» друг с другом, которую описывают как активацию лексических единиц. Активация слова усиливается, если оно является высокочастотным, а также имеет меньше слов-«конкурентов». Основными «конкурентами» в процессе активации являются слова, имеющие схожую графическую и/или фонетическую форму. Эффект воздействия более частотного «графического или фонетического соседа» на процесс доступа к значениям другого схожего с ним

слова в иноязычной литературе получил название *neighborhood frequency effect* [Grainger, O'Regan, Jacobs & Segui 1989].

4. Ещё одним фактором, влияющим на разрешение лексической неоднозначности наряду с частотностью слова, является контекст. Наличие или отсутствие контекста определяет модели идентификации слова и выбор значения в процессе доступа.

5. Мы придерживаемся модели последовательного доступа к ментальному лексикону, которая предполагает, что если контекст предложения указывает на более частотное, основное значение слова, остальные значения, хранящиеся в ментальном лексиконе, могут быть неактивными. Если же в контексте представлено менее частотное, второстепенное значение многозначной лексической единицы, активированы могут быть все известные значения [Филд 2012: 71].

6. Данные словарей о значениях неоднозначных слов являются в разной степени актуальными для носителя языка и для изучающего этот язык как иностранный, так как эти пособия были составлены с разными целями и на материале разных источников. В первом случае данные о частотности слов носят аутентичный характер, так как отражают реальную «жизнь» языка, а не искусственно созданные ситуации обучения.

Глава 3. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ НОСИТЕЛЯМИ УЧЕБНОГО БИЛИНГВИЗМА

3.1. Вопросы организации эксперимента

3.1.1. Цель, задачи и методика экспериментального исследования

Проблема разрешения лексической неоднозначности связана с представлениями о хранении значений неоднозначных слов в ментальном лексиконе и доступе к ним. Для того, чтобы выяснить, каким образом осуществляется доступ к значениям неоднозначного слова и что влияет на выбор того или иного значения в условиях наличия или отсутствия контекста, нами был проведён психолингвистический эксперимент.

В статье «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» в 1974 г. Л.В. Щерба отмечал, что метод эксперимента является наиболее успешным для исследования «живых» языков, в то время как исследование «мёртвых» языков может проводиться только лишь на основе обработки языкового материала – текстов. Лев Владимирович отмечал, что «мёртвыми» языки становятся тогда, когда они «перестают служить орудием общения и мышления внутри человеческого коллектива, развиваться и приспособливаться к выражению новых понятий и их оттенков, в них прекращается то, что может быть названо языкотворческим процессом» [Щерба [http](http://)]. По мнению учёного, ошибка многих лингвистов заключается в том, что они используют одинаковые методы при исследовании «живых» и «мёртвых» языков. В действительности данные, полученные экспериментальным путём, отличаются объективностью, современностью и максимально приближены к реальности.

Л.В. Сахарный [Сахарный 1989] отмечал, что у сторонников традиционных методов лингвистического анализа имеется ряд возражений в отношении эксперимента. Обычно они сводятся к следующему.

- Материалы экспериментов очень интересны, но мало ли что могут сказать испытуемые по заданию экспериментатора? Как доказать, что в эксперименте выявляются действительно языковые правила?
- В эксперименте создаются заведомо искусственные ситуации, что для естественного функционирования языка и речи не характерно.
- В спонтанной речи иногда проявляется то, что никаким экспериментом организовать не удаётся, т.е. возможности экспериментальных методик достаточно ограничены.

Отвечая на первый вопрос, Л.В. Сахарный говорит о том, что иначе, чем через речь на язык выйти нельзя. И если изучать язык через спонтанные тексты является возможным, следовательно, вполне реально изучать его через тексты, полученные в экспериментах. Экспериментальные ситуации, как отмечает автор, нельзя однозначно называть естественными или искусственными. Некоторые особенности, выявляемые, в эксперименте, характерны для речевой деятельности и в других, не экспериментальных ситуациях. Психолингвистические исследования, как отмечает Л.В. Сахарный, не ограничиваются только методом эксперимента, а имеют в своём арсенале также и лингвистические методы исследования. Автор утверждает, что психолингвистика разнообразно использует лингвистический материал, но под несколько иным углом зрения, в более широком контексте и материала, и методов – «учитывается и речевой, и неречевой контекст, и общие условия деятельности, и замысел коммуниканта, и состояние участников коммуникации» [Сахарный: 115].

Согласно исследованиям, проведённым с целью выяснения роли контекста при выборе значения неоднозначного слова, существуют разные точки зрения. По результатам некоторых экспериментов, в условиях отсутствия контекста, также как и в случаях, когда контекст может предполагать разные значения неоднозначного слова, в первую очередь активизируется наиболее частотное значение, а потом уже все остальные [Schvaneveldt, Meyer and Becker 1976; Simpson 1981; Simpson, Burgess 1985].

Если же контекст однозначен, сначала активируется значение, наиболее подходящее по контексту, которое не всегда является самым частотным, а после этого Ии. получает доступ ко всем значениям [Simpson, Burgess 1985; Swinney 1979]. Таким образом, в ходе эксперимента проверялась рабочая гипотеза, согласно которой преодоление лексической неоднозначности осуществляется при наличии двух факторов – относительной частотности значения слова и опоры на контекст.

Эксперимент является основным методом для верификации гипотез в психолингвистике. Отмечается, что «построив из фактов некоторую отвлечённую систему, необходимо проверять её на новых фактах, т.е. смотреть, отвечают ли выводимые из неё факты действительности» [Белянин 2003]. Иными словами, подтверждаются ли экспериментально теоретические данные, полученные в ходе анализа различной литературы и данных словарей, которые не в силах охватить так называемый «психологический компонент», который заключается в том, что Ии. работают со значением слова в «режиме употребления», что позволяет выделять и некоторые неосознаваемые компоненты значения [Там же].

3.1.2. Процедура проведения эксперимента.

Характеристика испытуемых

В ходе исследования были использованы методики свободного ассоциативного эксперимента, дефинирования, перевода и заканчивания предложения (см. Приложения 1 и 2). Интерес представлял процесс доступа к значениям слов-стимулов, предъявленных Ии. изолированно (вне вербального контекста), в однозначном контексте, а также в случае, когда Ии. самим нужно было завершить предложение, при этом определив значение неоднозначного слова, которое оказалось для них наиболее актуальным по итогам всех этапов экспериментов. Задания предъявлялись Ии. в определённой последовательности неслучайно, важным явилось также отследить, влияло ли наличие контекста на изменение наиболее актуального значения неоднозначного

слова для Ии. В ходе первого этапа эксперимента Ии. предлагалось объяснить значения предъявленных слов-стимулов, а после этого перевести предложения, содержащие те же слова, предъявленные в однозначном контексте. На втором этапе эксперимента Ии. было дано задание записать ассоциации к словам-стимулам, а также закончить предложения, содержащие эти слова, выбрав контекст, в котором используется то значение слова, которое по итогам всех заданий оказалось для Ии. наиболее актуальным. Для объективности данных первый и второй этапы эксперимента проводились с разницей в неделю.

В качестве Ии. выступили студенты 1–5 курсов факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета, изучающие английский, немецкий и французский языки в качестве специальности, а также студенты магистратуры того же университета по направлению «Лингвистика», изучающие французский и английский языки как иностранные. Общее число Ии., принявших участие в Э1 составило 120 человек, в Э2 – 100 человек, все они могут рассматриваться как искусственные билингвы, знакомые в той или иной степени с элементами иноязычной культуры. По гендерному принципу анализ не проводился.

Всего по итогам всех заданий экспериментов от Ии. было получено 5980 ответов (1850 субъективных дефиниций, из них 296 отказов; 1200 переводов предложений, из них 272 отказа, 2400 свободных ассоциаций, 1000 продолжений предложений, из них 169 отказов). Количественные характеристики проведённых экспериментов представлены в таблице (см. табл. 3).

Таблица 3.

Номер эксперимента	Кол-во Ии.	Кол-во ответов	Кол-во отказов
№1	120	3050	568
№2	100	3400	169
		Общее кол-во реакций: 6450	

3.1.3. Источники и мотивированность выбора стимульного материала

Следует более подробно остановиться на понятии «неоднозначное слово», процесс доступа к значениям которого, представляет интерес в данной работе.

В статье [Лицзюнь, Ичжи [http](#)] приводятся точки зрения различных авторов на соотношение понятий полисемии и омонимии, подвидов лексической неоднозначности. При этом каждый автор в своей теории выдвигает свой способ разграничения этих понятий. Согласно семантическому способу, которого придерживаются Д. Н. Шмелев и А. И. Смирницкий, основным отличием между полисемией и омонимией является наличие семантической связи между значениями в случае первой, и отличие таковой у второй. При этом для обозначения значений полисема А.И. Смирницкий вводит понятие «лексико-семантический вариант» (далее – ЛСВ), отмечая, что «эти варианты могут различаться между собой по дистрибуции, по участию в синонимических или словообразовательных рядах (что и затрудняет их отграничение от омонимов), но при всём этом они взаимосвязаны, образуют единую систему, которая и выступает в качестве означаемого словесного языкового знака. Между значениями нет непреодолимой границы. А значения слов-омонимов всегда взаимно исключают друг друга» [Там же]. Таким образом, согласно семантическому способу, если значения слова каким-то образом связаны между собой, мы говорим о многозначном слове, а если нет – об омониме. В качестве примера Д.Н. Шмелев приводит слово «стена», имеющее общий семантический элемент «вертикальная преграда, отделяющая что-то».

Согласно лексическому способу, предложенному Е.М. Галкиной-Федорук, описанном в статье [Лицзюнь, Ичжи [http](#)], значения многозначного слова перестают быть таковыми и становятся омонимами, в случае если у них разные синонимы. Например, слово *коренной* в словосочетании *коренной житель* имеет синонимы *исконный*, *основной*; а *коренной* в словосочетании

коренной вопрос – синоним *главный*. Слова *основной* и *главный* – синонимичны, следовательно, перед нами два значения одного и того же слова.

В статье [Апресян 1971] в качестве видов языковой многозначности выделяется метонимически и метафорически мотивированная многозначность. Например, слово *кастрюля* иллюстрирует метонимически мотивированную многозначность, так как все значения этого слова взаимосвязаны, в их толкованиях присутствуют общие компоненты: 1. ‘сосуд’; 2. ‘жидкость, находящаяся в таком сосуде’; 3. ‘количество вещества, способное поместиться в таком сосуде’. Все три значения слова подходят для представленного контекста – *В бочке было не больше кастрюли воды*. Следовательно, перед нами случай полисемии, а именно метонимически мотивированной многозначности. В качестве примеров метафорически мотивированной многозначности Ю.Д. Апресян приводит следующие: *виновник* – 1. ‘тот, из-за кого произошло неприятное событие’ (например, *виновник пожара*) и 2. ‘тот, из-за кого произошло событие’ (например, *виновник торжества*); *спутник* – 1. ‘лицо, перемещающееся вместе с другим лицом’ и 2. ‘небесное тело, перемещающееся вокруг другого небесного тела’ [Апресян 1971: 515]. В данном случае значения слов оказываются более семантически далёкими друг от друга по сравнению с примерами метонимически мотивированной многозначности. Они могут иметь разную коннотацию (положительную – *виновник торжества* или отрицательную – *человек, по вине которого случилось что-то плохое*) или относиться к разным лексико-семантическим группам (*спутник* в значении 1 будет относиться к лексико-семантической группе «человек (сопровождающий)», в значении 2 – «небесное тело»). Тем не менее, семантическую связь между ними всё ещё можно проследить, есть некий общий признак, который связывает данные значения. Метафоризация в таких случаях достигается «либо вычёркиванием одного из компонентов исходного значения, либо заменой одного компонента другим, при сохранении у исходного и производного значений достаточно большой общей части» [Там же].

М.С. Гурычева и Б.А. Серебрянников отмечают, что разграничивать полисемию и омонимию возможно также согласно морфологическому способу. Точка зрения авторов рассмотрена в обзоре [Лицзюнь, Ичжи <http>]. Многозначные слова и омонимы характеризуются различным словообразованием. В качестве примера можно рассмотреть многозначное слово *хлеб* в значениях ‘хлебный знак’ и ‘пищевой продукт, выпекаемый из муки’, в любом случае прилагательное будет образовано путём добавления суффикса *н*. В отличие, скажем от омонимов *худой*¹ и *худой*². У первого слова производными будут *худоба*, *похудеть*; у второго – *ухудшить*, *ухудшение*. Это убеждает в их полном семантическом обособлении [Там же].

Авторы обзора отмечают, что известны случаи распада многозначности в результате архаизации отдельных значений слова, утраты промежуточного значения, связывавшего иные значения полисемантического слова. Их прежние семантические связи утрачиваются или уже утрачены. В качестве примера приводится слово *лавка* (*скамейка*) в современном русском языке однозначное слово. Но в недавнем прошлом у него были и другие значения: ‘скамья, используемая при продаже товаров для их размещения’, ‘помещение для торговли’. Последнее развилось на базе предыдущего, которое, однако, было утрачено в языке. Как только слово *лавка* перестало употребляться для обозначения ‘скамьи, на которой раскладывали товары’, третье из названных значений вычленилось в самостоятельное слово. В словаре оно дается как омоним [Там же].

Вслед за Д. Н. Шмелевым и А. И. Смирницким мы придерживаемся семантического способа разграничения полисемии и омонимии. Иными словами, если между значениями слова присутствует семантическая связь, мы говорим о ЛСВ одного и того же слова, если же её нет – рассматривается случай омонимии. Таким образом, слова *monitor* (в значениях ‘монитор, экран’, ‘староста’ и ‘наблюдатель, контролёр’), *credit* (в значениях ‘кредит’, ‘зачёт’ и ‘доверие’), *temple* (в значениях ‘храм’ и ‘висок’), *fan* (в значениях ‘фанат’, ‘веер’ и ‘вентилятор’), *change* (в значениях ‘сдача’, ‘мелочь’ и ‘из-

менение’), *trunk* (в значениях ‘хобот’, ‘чемодан’ и ‘ствол дерева’), *band* (в значениях ‘группа’, ‘музыкальный коллектив’, ‘оркестр’, ‘банда’, ‘шайка’, ‘лента’ и ‘повязка’), *bill* (в значениях ‘счёт’, ‘билль’, ‘законопроект’ и ‘клюв’), *will* (в значениях ‘завещание’, ‘желание’ и ‘воля’) и *air* (в значениях ‘воздух’ и ‘выражение лица’) являются омонимами. Однако внутри этой классификации также можно выделить значения, между которыми прослеживается семантическая связь. Рассмотрим такие слова на примере стимула MONITOR в значениях ‘староста’ и ‘контролёр’ (см. рис. 4).

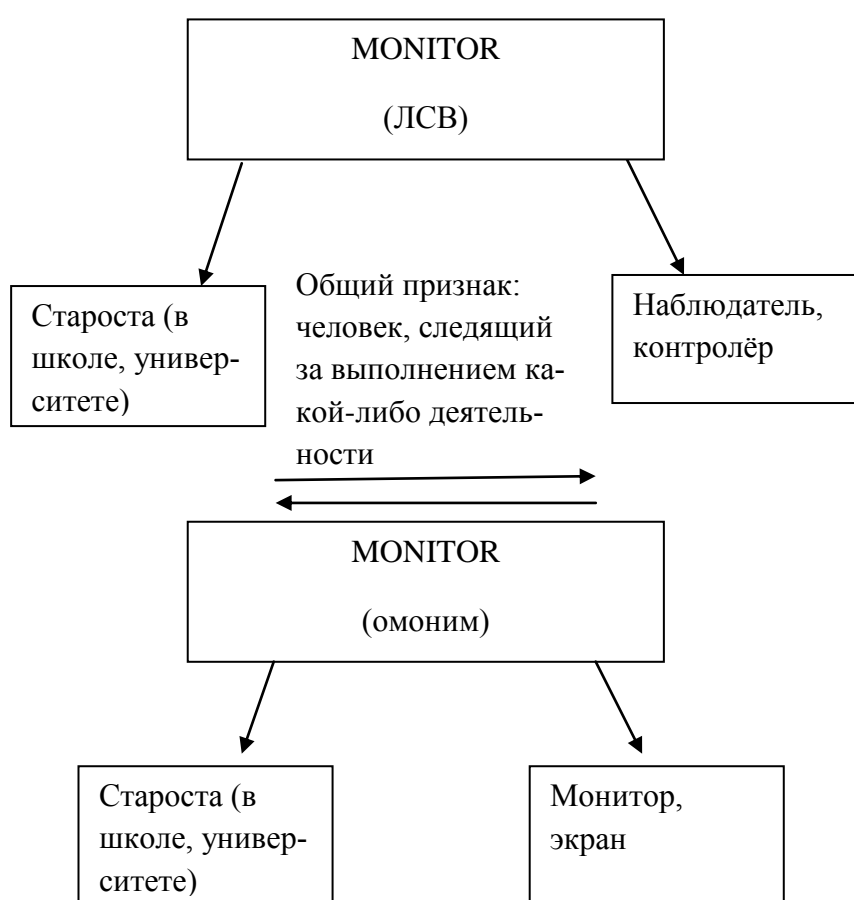

Рис. 4

Оба толкования обозначают вид деятельности, при котором человек контролирует определённый процесс. В отличие, например, от значения ‘монитор, экран’, обозначающего компьютерный аксессуар. Таким образом, MONITOR можно рассматривать и как многозначное слово, и как омоним. Аналогичная ситуация складывается со следующими стимулами: FAN, CHANGE и BAND. Между некоторыми значениями данных стимулов можно

проследить семантическую связь, например: FAN в значениях ‘веер’ и ‘вентилятор’ (общий признак: средство для охлаждения в жаркую погоду); COAT в значениях ‘пальто’ и ‘пиджак’ (общий признак: элемент верхней одежды); CHANGE в значениях ‘мелочь’ и ‘сдача’ (и то и другое подразумевает мелкие деньги, монетки) и BAND в значениях ‘группа’ и ‘банда (шайка)’, ‘группа’ и ‘музыкальный коллектив’, ‘оркестр’ (общий признак: группа людей, объединённых каким-либо видом деятельности), а также ‘лента’, ‘повязка’ и ‘тесма’ (общий признак: предмет декорирования, украшения). В некоторых случаях значение слова расширяется, появляются уточняющие, более узкие значения, контекст употребления которых ограничен, ср.: ‘группа’ (более широкое значение) и ‘музыкальный коллектив’ (значение соотносится только с областью музыки). Другие значения описанных слов не имеют общего признака, иными словами, их значения никак не связаны между собой, ср.: *fan* в значениях ‘фанат’ и ‘вентилятор’, *change* в значениях ‘изменение’ и ‘сдача’, *band* в значениях ‘банда’ и ‘лента’.

В свою очередь некоторые стимулы являются многозначными словами, а их значения – ЛСВ одного слова. Например, общим признаком значений ‘лёд’ (для добавления в напитки или уличный зимний) и ‘мороженое’ (десерт) стимула ICE является «физическое состояние» (замёрзшая и затвердевшая вода), а у значений ‘слой’ и ‘пальто, пиджак’ стимула COAT общим признаком является то, что эти толкования слова обозначают процесс покрытия (слой краски покрывает поверхность, на которую его наносят, а пальто мы используем, чтобы было тепло, накрываясь им). Стимул FORK также является многозначным словом в значениях ‘вилка’ и ‘развилка’, так как развилка по форме напоминает разделочную вилку с двумя зубцами. WILL в значениях ‘воля’, ‘желание’ и ‘завещание’ (два первых значения подразумевают наличие стремления что-то сделать, а завещание часто характеризуют как последнее желание или волю покойного).

Стоит отметить, однако, что имея дело с неоднозначной языковой единицей, рядовой носитель языка не задумывается о том, относится ли слово к

случаю омонимии или полисемии. Важным является процесс извлечения из ментального лексикона подходящего значения, который происходит под влиянием двух основных факторов – контекста и частотности значений слова, которые находятся в состоянии конкуренции. Причём конкурировать между собой могут как значения многозначного слова, относящиеся как к одной, так и к разным частям речи, в этом случае, согласно классификации В.В. Виноградова, мы говорим о лексико-грамматических омографах [1977]. В связи с этим стоит обратить внимание на такое явление в психолингвистике, как «Garden path sentence», рассматриваемое в статье [Ferreira, Christianson, Hollingsworth 2001]. Само название этого феномена произошло от выражения *to be led down the garden path*, обозначающего ‘to be misled’ (быть дезориентированным, сбитым с толку). Такие предложения характеризуются наличием неоднозначного слова, значения которого могут быть выражены разными частями речи в зависимости от контекста. При этом читатель осознает, что столкнулся с неоднозначностью только «спотыкаясь» об это слово. Ему приходится вернуться к началу предложения, переосмыслить его, чтобы понять, какое значение подходит по контексту. Описанное явление трактуется также как *синтаксическая неоднозначность* [Зализняк 2004]. В качестве примеров приводятся следующие предложения:

The old man the boat (The elderly are the crew of the boat).

The man whistling tunes pianos (The man who is whistling also tunes pianos).

В первом примере, под влиянием контекста, в данном случае слова *old*, вероятнее всего из ментального лексикона будет извлечено наиболее частотное значение слова *man* – *мужчина, человек*. И только при анализе продолжения этого предложения, выполняющего функцию дополнения – *the boat*, становится понятно, что слово *man* – глагол в форме настоящего времени в значении ‘укомплектовывать личным составом, являться экипажем’.

What has four wheels and flies? Данная детская загадка является двусмысленной, так как слово *flies* может быть переведено не только как форма

глагола *fly* в 3 лице единственного числа, которая первой приходит на ум под влиянием предыдущего контекста предложения (*has* и *flies* как однородные члены), но и как существительное *fly* в форме множественного числа, в значении ‘муха’. Ответом к этой загадке будет «a garbage truck» (мусоровоз), но осознать это читатель или слушающий сможет лишь дойдя до конца предложения, по ложному пути, переосмыслив его и вернувшись к началу высказывания, чтобы сопоставить всю полученную информацию.

В этом отношении хотелось бы подробнее остановиться на стимуле WILL. Несмотря на то, что в тексте задания экспериментов указывалось, что все стимулы выражены именами существительными, следует отметить, что для многих Ии. самым актуальным тем не менее оказалось значение ‘вспомогательный глагол будущего времени’. Благодаря данному стимулу можно проследить важность фактора субъективной частотности слова для Ии. Более подробно реакции к этому стимулу будут рассмотрены в части данной главы, посвящённой анализу результатов эксперимента.

Также стоит упомянуть, что некоторые стимулы можно отнести к лексическим калькам за счёт их звукобуквенного комплекса. К таким стимулам относятся MONITOR, CREDIT, FAN и BAND. Данные заимствования настолько укоренились в русском языке, что уже не воспринимаются как таковые. Русский и английский варианты произношения этих слов отличаются лишь постановкой ударения или добавлением окончания, в виду особенностей словообразования, присущим языку, ср.: *band* и банда.

При отборе стимульного материала для предъявления Ии. – носителям учебного билингвизма, участвующим в психолингвистическом эксперименте, был учтён фактор частотности. Экспериментальный список включал 13 слов-стимулов, представлявших собой неоднозначные существительные на английском языке, которые были отобраны в результате анализа языковой практики студентов, а также статей форумов для изучающих иностранный язык. Двенадцать из тринадцати слов, представленных в эксперименте, входят в список первых 10000 самых частотных слов английского языка соглас-

но спискам частотности английских слов – Frequency lists [http]. Соответственно показателю частотности и количеству упоминаний на миллиард употреблений, интересующие нас слова можно отнести к условно выделенным зонам (см. табл. 4). К высокочастотным относятся слова will, air, change и bill (в диапазоне от 1 до 1500 места), к среднечастотным – coat, credit, temple, band и ice (в диапазоне от 1500 до 3500 места), к низкочастотным – trunk, fan и fork (в диапазоне от 3500 до 7000 места). Слово monitor, согласно данному источнику, не относится к списку первых 10000 самых частотных слов английского языка. Таким образом, данный стимул оказался вне пределов указанных зон.

Таблица 4.

Слово	Частотность/ упоминаний слова на миллиард	Слово	Частотность/ упоминаний слова на миллиард
will	48/ 2320022	band	2089/ 39397.7
air	339/ 247480	ice	2096/ 39198.3
change	495/ 163514	trunk	3702/ 19374.8
bill	1152/ 69973.4	fan	6773/ 8450.89
coat	1558/ 52869.9	fork	6903/ 8219.88
credit	1677/ 49262.3	monitor	-
temple	2002/ 40926.1		

На уровне ментального лексикона актуальной становится субъективная оценка частоты встречаемости слов, которую дают в психолингвистических экспериментах Ии. – рядовые носители языка и культуры и которая не всегда совпадает с данными частотных словарей. Широко распространёнными являются психолингвистические эксперименты на шкалирование слов, в которых Ии. предлагается оценить предъявленные слова по 7-ми бальной шкале, где единица соответствует ответу «никогда не видел, не слышал, не употреблял», а цифра семь (конечный полюс шкалы) означает: «вижу, слышу и употребляю ежедневно». Отмечается, что такие эксперименты позволяют «выявить степень узнаваемости тех или иных слов носителями языка, опи-

рающимися в эксперименте на свою языковую интуицию» [Золотова 2015: 103].

Мы считаем, что фактор частотности слова не может игнорироваться в контексте сравнения культур. Данный факт подтверждается в исследованиях А. Вежбицкой [1999]. Сравнивая данные ряда частотных словарей разных языков, в частности, английского и русского, на материале частоты употребления слов *fool, stupid, stupidity, idiot*, с одной стороны, и *дурак, глупый, глупо, идиот* – с другой, автор приходит к выводу, что русская культура поощряет «прямые», резкие, безоговорочные оценочные суждения, а англосаксонская культура – нет [Вежбицкая 1999: 279]. Следовательно, мы можем сделать вывод о том, что восприятие одного и того же понятия зависит не только от уровня образованности, возраста, пола Ии., но и от принадлежности к той или иной языковой группе и национальности, культуре. Частотность в данном случае выступает в качестве «общего показателя культурной значимости» и является одним из источников информации о том, чем озабочена данная культурная общность [цит. раб.: 282]. На основании этого нами предварительно были проанализированы данные о частотности значений слов-стимулов согласно словарям, предназначенным для изучающих английский язык, билингвов, РЯ которых – русский: Active English, Basic English, Cambridge Dictionaries Online, Intellect 25, Longman Communication 3000 new и 4300 слов [http]. В результате анализа полученных фактов было выяснено, что частотным в большинстве случаев является только одно значение: *ice* – ‘лёд’; *bill* – ‘счёт’, редко ‘клюв’; *air* – ‘воздух’; *coat* – ‘пиджак’, ‘пальто’; *fork* – ‘вилка’. В некоторых случаях значения многозначного слова являются примерно в равной степени частотными, например: *will* в значениях ‘воля’, ‘желание’, ‘завещание’; *band* в значениях ‘тесьма’, ‘лента’, ‘музыкальная группа’.

Несмотря на объективность и достоверность материалов частотных словарей, которые отражают информацию о том, какие слова наиболее употребительны в языке, а какие – нет, нельзя утверждать, то все данные о ча-

стотности, указанные в таких изданиях совпадают с «реальной жизнью» слова в ментальном лексиконе человека. Так, по сведениям Р.М. Фрумкиной, слова *локоть, ногти, зубы, ножницы* почему-то регулярно не находят себе места в перечне того, что оказывается самым частым по данным частотных словарей [Фрумкина 2001: 186]. Н.О. Золотова отмечает, что объяснение этого факта принято связывать с принципами составления частотных словарей, измерением частотности на основании обследования письменных текстов, а также с самой природой обыденных слов, которые называют важные для повседневной практики человека предметы, о которых, тем не менее, редко говорят вслух [Золотова 2015]. В связи с этим мы полагаем, что частотность (традиционно понимаемая как частота встречаемости слов в текстах) представляет собой чисто лингвистическую характеристику слова, необязательно связанную напрямую с тем, как его воспринимает человек.

3.2. Результаты экспериментального исследования

3.2.1. Анализ результатов эксперимента №1.

Выбор значения неоднозначного слова при отсутствии вербального контекста и в однозначном контексте

На первом этапе Э1 Ии. предлагалось дать толкование словам-стимулам, количество возможных значений слов при этом было не ограничено, вследствие чего некоторые Ии. написали несколько толкований.

Приводятся результаты анализа одного из слов-стимулов – MONITOR, являющегося, одновременно омонимом (в значениях ‘монитор компьютера’ и ‘староста’) и многозначным словом (в значениях ‘староста’ и ‘наблюдатель, контролёр’), а также наименее частотным словом согласно данным словарей частотности для искусственных билингов. Несмотря на эту характеристику, стимул вызвал достаточно большое количество реакций, от Ии. было получено всего 2 отказа. Две основные лексико-семантические группы, на которые можно подразделить реакции – это «компьютерный аксессуар» и

«человек, который следит за порядком в группе людей». В скобках указано количество Ии., записавших одинаковые толкования слов-стимулов. К первой группе относятся такие реакции Ии., как *экран (screen) (электронного устройства / гаджета / компьютера / телевизора) (37), монитор (32); дисплей (компьютера) (4), благодаря которому человек может узнавать новую информацию (2); прибор, выводящий информацию для пользователя (2); приспособление прямоугольной формы для просмотра передач или использования компьютера; устройство для общения; устройство для демонстрации; часть компьютера; транслятор информации; движущаяся картинка или чёрный экран (в скобках указывается количество Ии., давших одинаковое толкование стимулам)*. Стоит отметить, что для Ии., первый ИЯ которых французский или немецкий, важной оказалась опора на графический образ слова *monitor*, который является «калькой» русского слова *монитор*, в то время как Ии., изучающие английский как ИЯ1 дали толкования этого стимула зачастую не опираясь на внешнюю форму слова, а учитывая контексты, в которых оно встречалось им до этого – в учебной ситуации, текстах, разговорной речи и так далее. Довольно большое количество реакций, предоставленных Ии., были даны на ИЯ1 или ИЯ2 – английском, немецком и французском языках: *l'écran, glass polygon with electric bulbs or liquid crystals; a display (2) of a device; computer; a part of a computer (2); a special device for a computer or another electronic technique; a special equipment for a computer to see photos or watch films; a part of a computer (2)*. В общей сложности было дано 120 толкований стимула, относящихся к категории «компьютерный аксессуар».

Ко второй лексико-семантической группе относятся следующие толкования: *староста группы, класса (34) – человек, отвечающий за порядок в учебной группе (2); самый ответственный человек в группе (5); наблюдатель (3), наблюдение; куратор (2); ответственный за группу; главный; человек с большой ответственностью; человек, следящий за ходом выполнения каких-либо действий; следователь, судья; руководитель; управляющий; ру-*

ководитель; наставник; тот, кто помогает, наставляет; «старший» над группой людей, наблюдает за их действиями. Некоторые Ии. предоставили реакции на ИЯ: *a man who leads* (2), *leader*; *a person, who monitors some activity/responsible for something* (3); *a person who is responsible for some activities in class* (2); *a head of a group of people; advise; tutor; someone who teaches and helps; someone who'll guard, control you, give advice; the one who leads classmates, a person responsible for attendance in class; someone who takes control over the order in the classroom*. В общей сложности было дано 70 толкований данного стимула, относящихся к категории «компьютерный аксессуар». Для студентов 1 курса и изучающих английский как ИЯ2, самым распространённым явилось толкование, относящееся к лексико-семантической группе «компьютерный аксессуар» или «учебная ситуация» (в значении *староста учебной группы или класса*). Произошло это в силу того, что стимул не встречался Ии. в большом количестве контекстов, на основе которых они могли бы включить в свой внутренний контекст другие значения этого слова. Есть основания полагать, что «именно психологическая ценность слова для носителя языка, его “активность” в ментальном лексиконе, легкость извлечения из памяти, использование в качестве слов-идентификаторов в когнитивной деятельности индивида делает его наиболее употребляемым (частотным) в речи/языке, что не всегда находит отражение в частотных словарях» [Золотова 2005: 106].

Во втором задании неоднозначные слова были предоставлены Ии. в однозначном контексте. Слово *monitor* было дано в следующем предложении: *UN monitors will remain in the country to supervise the elections* в значении *наблюдатели*. 68 полученных от Ии. реакций относятся к лексико-семантической группе «человек, который следит за порядком в группе людей», которая соответствует контексту данного предложения. От Ии. были получены следующие варианты перевода стимула: *наблюдатели* (38); *представители* (4); *наставники* (3); *надзиратели* (3); *смотрители* (3); *ответственные лица* (3); *председатель* (2)/*глава, главы*; *сторонники* (2); *исследо-*

ватели; следователи; старосты; следящие; контролёры; руководители; организаторы; советники; проверяющие. Стоит отметить, что выполнение этого задания вызвало у Ии. большое количество отказов (33). Нами был сделан вывод о том, что значение слова, наиболее актуальное для Ии. не подошло в предоставленном контексте, что и послужило причиной отказа от реакции. Тем не менее, некоторые Ии. пренебрегли контекстом и предоставили следующие варианты перевода данного слова: *мониторы* (5); *экраны*; *камеры*; *компьютеры*; *опросы* (2), *мониторинги*; *исследования*. При этом Ии. изменили структуру и перевод всего предложения, «подстроив» его под то значения слова-стимула, которое они выбрали. Таким образом, были получены следующие варианты перевода предложения *UN monitors will remain in the country to supervise the elections*:

Мониторы будут использованы, чтобы проводить выборы.

Камеры установят, чтобы транслировать процесс выборов.

Мониторинги проводятся в преддверии выборов.

Стоит отметить, что при переводе предложения Ии. учитывали значение однозначного слова *elections*, относящегося к политической сфере, то есть так или иначе учитывали контекст, однако не в полной степени (в частности Ии. не была учтена аббревиатура UN).

Еще одной переводной реакцией явилась следующая: *Компьютеры появятся в стране для усовершенствования электроники.*

На примере этой реакции можно проиллюстрировать влияние значения неоднозначного слова, которое является субъективно-частотным для Ии., но не подходит по контексту. На перевод слова *elections* в данном случае оказывает влияние слово *monitor*, тем не менее, Ии. очевидно пользовался стратегией с опорой на фонетический образ слова – *electronics*, сходным по начальному элементу [Новикова 2011: 13].

Стимул FAN, который также как и MONITOR является одновременно многозначным словом (в значениях ‘веер’ и ‘вентилятор’) и омонимом (в значениях ‘фанат’ и ‘вентилятор’), вызвал большое количество реакций у Ии.

На этапе отсутствия контекста подавляющее большинство Ии. дали этому слову толкование в соответствии со значением, явившимся для них субъективно-частотным – ‘фанат, поклонник’. Большинство данных реакций являются переводами или дефинициями: *фанат (44), человек, увлекающийся чем-то; (преданный) поклонник (18) обожает что-то, собирает об этом информацию (2); почитатель (3); болельщик (2), последователь (2); любитель (2); человек, который чем-то увлекается (2); человек, имеющий кумира (2); активный затейщик; кто-то заинтересованный в чём-то (ком-то); человек, преданно любящий своего кумира; человек, который без ума от исполнителя, писателя, выдающегося человека; человек, интересующийся чьим-либо видом деятельности; человек, который обожествляет кого-то, безумно любит; восхищающийся чем-либо, подражающий; фанатичный; фанатик (2); человек, любящий что-то, футбольный фанат; любитель чего-либо. Некоторые Ии. записали реакции на ИЯ1: *a person who is fond of/loves something (3); admirer; someone obsessed with a celebrity, a famous person a strong liker of a particular thing/person; a person devoted to a certain singer or band; an affectionate follower of something; an admirer; to be eager to do something, to like something very much; teenager; a person, who likes something very much.**

50 Ии. отнесли слово *fan* к категории «прибор, действие которого основано на подаче воздуха», в связи с чем были получены следующие реакции на РЯ и ИЯ: *веер (15); фен (5); вентилятор (5); женский аксессуар (2); предмет гардероба; компьютерный кулер – прибор, который служит для показания температуры видеокарты процессора/ блока питания; средство получения дополнительного воздуха; ветер; a tool that creates wind; a thing for cooling the air; a tool which makes your life cooler; head, sun, summer; a tool or device to cool air (2); making wind, refreshing; something that rolls; a hair-dryer; air; freedom. Ещё одна категория реакций, выделенная нами на основе ответов Ии., – реакции по звукобуквенному комплексу. К ним относятся следующие: *веселье (9), забава (2), испытываемое удовольствие; радость (2); счастье; развлечение; ощущение радости, веселья; состояние человека. Оче-**

видно, что в данном случае в процессе доступа к значениям слова-стимула произошёл сбой, вследствие которого Ии. получили доступ к значениям графически и фонетически похожего слова *fun*, реакции к которому были зарегистрированы.

На втором этапе Э1 стимул FAN вызвал у Ии. большое количество отказов – 35. Было дано следующее предложение:

Her gloves were new, and her fan, too, was new, but it was a common one.

В контексте, не предполагающем множественности интерпретаций, 57 Ии. из 120 перевели данное слово как *веер*, 10 Ии. указали другое значение слова, которое, тем не менее, относилось к той же категории – «женский аксессуар»: *шарф* (4); *фен* (3); *вуаль*; *зонтик*; *шаль*. Некоторые Ии. перевели это слово как *радость* (2); *жизнь*; *восторг* (мы вероятно можем проследить тот факт, что данные слова явились реакциями, полученными в ходе неправильного доступа к слову, заменой на слово *fun*). 5 Ии. из 120 перевели слово *fan* как *поклонник* (4) и *ухажёр*, несмотря на то, что контекстуально это значение не подходило. Мы считаем, что важной для Ии. оказалась опора на субъективную частотность значения слова. Ии. не знали других значений стимула FAN, кроме ‘фанат, поклонник’, вследствие чего перевели предложение, используя то значение, которое оказалось для них наиболее актуальным, пренебрегая контекстом. Данный факт является свидетельством того, что субъективная частотность значения слова является важным фактором, влияющим на процесс идентификации слова, оказывающим как положительное, так и отрицательное влияние.

Стимул СОАТ, выступающий как многозначное слово, на первом этапе Э1 был опознан как знакомый практически всеми Ии. Подавляющее большинство реакций, полученных от Ии. (133), можно отнести к лексико-семантической группе «предмет гардероба, (в частности верхней одежды)». Во многих реакциях, записанных Ии., прослеживается эмоционально-оценочный компонент восприятия стимула – Ии. отмечали то, что важно для них в первую очередь, например, тепло, которое они чувствуют, надевая

вещь, или то, насколько она соответствует моде: *пальто* (59); *верхняя одежда* (14) *с длинными рукавами, вроде пиджака; предмет гардероба, (верхней) одежды* (8) (*чаще тёплый*); (*тёплый*) *плащ* (7); *куртка* (4); *плащ* (3); *тёплая вещь, обычно одевается в прохладную погоду* (3); *чтобы было тепло* (3), *для обогрева человека* (2); *пиджак* (2); *одежда* (2); *парка; носят осенью или зимой, часто шьется из драпа/шерсти, длина варьируется от короткой до очень длинной; верхняя одежда (длиннее, чем куртка) накидка без подкладки* (21 век – *мода на пальто с кроссовками*); *warm clothing/clothes* (4); *an item/type/piece of clothes* (6); *outerwear* (2); *a mackintosh; clothes worn when it's cold; a long jacket; a kind of spring or autumn street wear; a nice thing you put on when it gets colder; a piece of clothes for wearing outside; warm, comfort; anorak; warm clothes; clothing; a kind of clothes; Mantel*. Реакции, записанные к другому значению слова ('покрытие, слой'), оказались малочисленны – *покров, чехол*. Одну из реакций, полученных от Ии. можно отнести к реакциям по звукобуквенному комплексу – *coat*.

На втором этапе Э1 Ии. было дано задание перевести следующее предложение: *The coat of paint was not yet completely dry*. Слово *coat* здесь представлено в однозначном как микро (*a coat of paint*), так и макро контексте всего предложения, вследствие чего большинство Ии. перевели данное слово в соответствии с наиболее контекстуально подходящим значением – *слой* (37); *полотно* (10); *покрытие* (8); *холст* (5); *поверхность* (2), несмотря на то, что на первом этапе данное значение этого слова не предоставил в качестве реакции практически ни один Ии. Не столь редкими оказались и реакции, возникшие как ассоциации к слову *paint*: *палитра* (2); *кисточка; кисть; след; тень; пятно*.

Некоторые Ии., тем не менее, по-прежнему придерживались значения, выбранного изначально – *пальто* (10); *плащ; пиджак*. Перевод окружения слова-стимула менялся и был «переделан» в соответствии с выбранным значением, например:

Пальто розового цвета ещё не высохло.

Нарисованное пальто не до конца высохло.

Мы считаем, что данный факт свидетельствует в пользу того, что контекст, даже являясь однозначным, не всегда выступает в роли главной опоры в процессе идентификации неоднозначного слова, иногда субъективная частотность значения слова способствует актуализации значения, которое является более «знакомым» для Ии. Однако стоит отметить, что в большинстве случаев контекст всё таки играет главную роль в процессе идентификации слова и многие Ии. довольно легко изменяли свое мнение о значении неоднозначного слова при предъявлении его изолированно и в однозначном контексте. Например, омонимы *change* (в значении ‘изменение’ (128)), *trunk* (в значении ‘багажник, чемодан’ (57)), *air* (в значении ‘воздух’ (104)) и *bill* (в значении ‘счёт’ (99)) в однозначном контексте были переведены абсолютным большинством Ии. именно в том значении, которое было задумано автором: *сдача* (98), *ствол дерева* (103), *выражение лица* (108) и *клюв* (80). В некоторых случаях, когда Ии. не знали значение слова, они тем не менее опирались на контекст предложения:

This kind of birds has a very big bill and strong claws.

Варианты перевода слова *bill*: *крылья* (3); *хвост* (3); *когти*; *хохолок*; *туловище*.

Процесс доступа к значениям многозначного слова рассмотрим также на примере стимула FORK. На первом этапе подавляющее количество Ии. отнесли данное слово к лексико-семантической группе «столовый прибор». От Ии. были получены следующие реакции: *вилка* (60) – *столовый прибор* (19) *с 3/4 зубчиками* (2); *устройство/инструмент для приёма пищи* (2); *приспособление для употребления не жидкой пищи* (2); *прибор для нанизывания еды, похожий на трезубец, но может иметь более 3 зубьев*; *палка с 4 зубчиками, помогающая в приеме пищи*; *почти как ложка, только суп не поешь; то, чем люди едят*; *предмет для того, чтобы есть*; *предмет с острым концом, которым едят*; *прибор для еды*; *приспособление чтобы есть макароны*; *орудие убийства*; *нож (knife)*; *a table ware unit with 2 or more sharp ends, used*

to pick food (2); a tool you can eat with; with the help of what we can eat (2); an item of cutlery/tableware (2); a kitchen device / feature (2); the thing for eating/which helps to eat (2); a thing without which we can't eat; like a spoon, it helps to eat; a special equipment to eat, popular in Europe and America; food; a device for meals; to eat with; device; la fourchette. Непереводные реакции в данном случае были малочисленны – *поросёнок* (предположительно в результате сбоя в понимании и осуществлении доступа к значениям другого слова – *pork*), *ответвление* (единственная реакция, которая соотносится с другим значением слова – ‘развилка’) и *вилы, трезубец* (реакция, вероятно вызванная визуальным сходством со стимулом). На данном этапе было получено 11 отказов от реакций.

На втором этапе Э1 Ии. было предложено перевести следующее предложение: *As the sun was rising they reached the fork in the road.*

Стоит отметить, что предъявлении стимула FORK в однозначном контексте, не предполагающем самое распространённое значение слова – ‘вилка’, количество отказов от реакции заметно увеличилось (34). 60 Ии. перевели слово *fork* как *развилка*, 2 Ии. предоставили похожие варианты перевода – *перекрёсток* и *перепутье*. Остальные Ии. очевидно не знали этого значения данного слова, тем не менее, опираясь на контекст, они предложили свои варианты перевода: *место/пункт назначения (2); закусочная (2); кочка; автозаправка; конечная точка; цель; пробка; половина; край*. 1 Ии. из 120, предоставил переводную реакцию *вилка* несмотря на то, что в данном контексте это значение не подходит. Перевод предложения был «подстроен» под то значение, которое явилось наиболее актуальным для Ии.: *Они нашли вилку на дороге.*

Хотелось бы более подробно остановиться на влиянии фактора частотности на процесс опознавания слова Ии. в качестве (не) знакомого, отмечаемого некоторыми исследователями. Согласно результатам анализа шести словарей частотности, созданных для искусственных билингвов, слово *monitor* является низкочастотным, слова *credit, temple u trunk* – среднечастотными,

слова *will, fork, fan, change, coat, ice, band, bill* и *air* – высокочастотными. В результате анализа экспериментальных данных слова *trunk, fork* и *temple* можно условно отнести к низкочастотным, в силу того, что к этим стимулам было получено наибольшее количество отказов от реакции – 16, 10 и 8. Слова *bill, band, monitor* и *credit* на основе того же критерия можно отнести к среднечастотным, количество отказов от реакции составило 4, 3, 2 и 2 соответственно. Слова-стимулы, вызвавшие 1 отказ (*fan*) или ни одного отказа (*change, coat, ice, will* и *air*) можно условно отнести к высокочастотным.

Сопоставив показатели словарей частотности для искусственных билингвов и экспериментально полученные данные, получим следующие результаты (табл. 5):

Таблица 5

	Словари частотности	Экспериментальные данные
Высокочастотные слова	<i>will, fork, fan, change, coat, ice, band, bill</i> и <i>air</i>	<i>change, coat, ice, will</i> и <i>air</i>
Среднечастотные слова	<i>credit, temple</i> и <i>trunk</i>	<i>bill, band, monitor</i> и <i>credit</i>
Низкочастотные слова	<i>Monitor</i>	<i>trunk, fork</i> и <i>temple</i>

Стоит отметить, что показатели словарей частотности не всегда в полной мере подтверждаются в ходе эксперимента. Происходит это в силу того, что помимо фактора частотности, необходимо учитывать также фактор субъективной частотности слова для Ии. Например, согласно данным словарей слово *monitor* является низкочастотным, тем не менее, к нему было получено небольшое количество отказов от реакции. В то время как слово *fork* являющееся высокочастотным по показателям словарей, было причислено к низкочастотным на основе экспериментальных данных.

Влияние фактора частотности слова и его значений проследим на примере стимула WILL. Следует отметить, что несмотря на то, что в первом задании Э1 было указано, что все слова-стимулы выражены именами существительными, многие Ии. записали в качестве дефиниций следующие тол-

кования, которые составили 10% от всех полученных на этом этапе реакций: *выражение будущего времени; будущее – совокупность поступков, действий, которые произойдут с человеком в будущем; будущее время (4); to do something in future, tomorrow; сделать что-либо в будущем; быть; форма глагола «быть» в будущем времени; буду; вспомогательный глагол будущего времени (4)*. Мы полагаем, что такие реакции свидетельствуют о том, что слово *will*, обозначающее вспомогательный глагол будущего времени, в этом значении встречалось Ии. чаще, чем в остальных. Знания по грамматике, в частности о формировании будущего времени в английском языке, известны Ии. со школьных времён. Более того, вспомогательные глаголы, к которым относится омоним *will* в одном из значений, входят в список самых частотных слов английского языка наряду с артиклями, союзами, предлогами, наречиями и местоимениями. Это подтверждается данными, предоставленными проектом Гутенберга, представляющего собой общественную инициативу по созданию и распространению электронной универсальной библиотеки. Исследователи изучили частотность слов разных языков, в том числе английского, на материале текстов художественной литературы, взятых из более чем 24000 книг [Project Gutenberg [http](http://)]. Отмечается, что слово *will* входит в перечень ста самых частотных слов английского языка наряду с такими словами, как *a, about, after, all, an, and, be, by, what, was into, so* и другими. В списках частотности Wiktionary: Frequency lists/Contemporary fiction [[http](http://)], в которых также приводятся данные анализа английской художественной литературы, слово *will* занимает 139 место.

Ранее мы уже отмечали, что в списках частотности Frequency lists это слово занимает 48 место, а частота его встречаемости в текстах составляет 2320022 на миллиард слов [[http](http://)]. Существуют сведения, свидетельствующие о частотности, встречаемости тех или иных слов в фильмах и телевизионных программах и сериалах. Например, согласно спискам частотности Wiktionary: Frequency lists/TV/2006/explanation, данные которых основаны на

корпусе в 29213800 слов, стимул *will* также входит в первую сотню самых употребляемых слов английского языка [http].

Отметим, что частыми реакциями к данному стимулу были дефиниции, относящиеся к другим лексико-семантическим группам – «волевые качества человека» и «завещание». Первую группу реакций можно разделить на дефиниции, относящиеся к значениям ‘воля’ и ‘желание’. К первой подгруппе относятся такие реакции, как *воля (41); черта человеческого характера; чувство, которое человек должен развивать в себе, чтобы чего-то достигнуть; качество, присущее человеку, помогающее преодолевать трудности в жизни; способность человека от чего-то отказаться или что-то сделать; способность ограничивать себя, сдерживать, бороться; повеление; человеческое качество; сила; сила воли, то, что есть не у всех; цель; quality of a person which controls their actions; a trait of men’s character; the strength of your character in establishing goals and achieving them; possibility to do something (free will); hard will and testament; an ability to control oneself, one’s urges; выбор, мировоззрение. Ко второй подгруппе относятся следующие дефиниции: желание (29), стремление делать что-либо (2) готовность; делать то, что ты хочешь, твёрдое намерение; желать, хотеть; тяга человека к определённому действию, когда человек очень хочет, желает чего-либо; мечта; a wish (2); a desire (5); a wish (3); intention; when a person wants to do or have something (2); enthusiasm. Согласно показателям словарей частотности для билингов оба этих значения являются частотными примерно в равной степени, что коррелирует с экспериментальными данными. Наименее частотным согласно обоим источникам является значение ‘завещание’. Ии., у которых актуализировалось это значение слова, записали следующие реакции: *завещание (20) – предсмертный документ, в котором человек указывает людей, которым он желает оставить свое имущество, вещи, которые ему дороги; юридически оформленная бумага, выражающая то, как человек хочет, чтобы разделили его имущество после смерти (3); документ; документ, удостоверяющий передачу чего-либо другим; з., которое умирающий оставляет**

родным; «последняя воля»; an official paper which reflects the wish of the person who writes; a document.

Стимул WILL не является калькой, но имеет «графического соседа» - слово *well*, вследствие чего реакцию *колодец* записали пять Ии. из 120. Мы сделали вывод, что на этапе отсутствия вербального контекста важным фактором влияния на доступ к значениям неоднозначного слова является звуко-буквенный комплекс и то, каким образом он коррелирует с уже имеющимися знаниями и опытом Ии., в частности наличием так называемого «графического соседа». К факторам, усложняющим или упрощающим процесс идентификации слова, относятся также частотность слова и его значений. Реакции к остальным словам-стимулам см. в Приложениях 3 и 4.

3.2.2. Анализ результатов эксперимента № 2.

Ассоциативный эксперимент и методика продолжения предложения, содержащего неоднозначное слово

Спустя несколько дней после Э1 нами был проведён Э2. Эксперименты проводились в разное время неслучайно, предполагалось, что у Ии. будет время обобщить свои знания о словах-стимулах, так как некоторые Ии. признались, что в ходе выполнения заданий Э1 вспомнили некоторые значения слов, которые забыли. В первом задании Э2 Ии. предлагалось записать ассоциации, которые у них возникают при предъявлении слов-стимулов.

Рассмотрим реакции, записанные к стимулу MONITOR. Стоит отметить, что большинство полученных реакций (также как и на первом этапе Э1) относились к лексико-семантической группе «компьютерный аксессуар»: *компьютер (13); монитор (12) от компьютера; экран (12); изображение (2); дисплей; компьютерный аксессуар, средство вывода информации; цвета, телевизор, комната, диван; компьютера; computer (2); screen, l'ecran; display.* На наш взгляд, данный факт свидетельствует о том, что при предъявлении неоднозначного слова вне контекста, в особенности слова-кальки, Ии.

в первую очередь опираются на форму слова (звукобуквенный комплекс), и во вторую очередь – на «знакомость» слова, актуализируя ранее полученные о стимуле знания, контексты, в которых это слово встречалось Ии. Интересным явился тот факт, что ни один из Ии. не указал реакции, относящиеся к значению *староста учебной группы*, которое было актуальным для многих Ии. на первом этапе. Все реакции, относящиеся к лексико-семантической группе «человек, следящий за порядком в группе людей» были так или иначе связаны с контекстом, в котором стимул MONITOR был предъявлен Ии. ранее – *UN monitors will remain in the country to supervise the elections* (в значении ‘наблюдатели’). В качестве примеров можно привести следующие реакции: *наблюдение (2); слежка; руководитель; надзиратель; строгий; head; control; observer; to counsel*. Приведённые реакции соотносятся не с учебной ситуацией, а с каким-то официальным мероприятием. Таким образом, можно сделать вывод, что контекст, в котором Ии. встретили стимул на предыдущем этапе, оказал влияние на выбор значения и реакции, предоставленные в ходе свободного ассоциативного эксперимента.

Во втором задании Э2 Ии. было предложено продолжить предложения, содержащие неоднозначные слова. При этом предоставленный контекст не был однозначным, как во втором задании Э1, иными словами, нельзя было сделать вывод о том, какое именно значение слова подразумевается. Ии. должны были дополнить предложение *We should choose a monitor...*, используя то значение стимула, которое оказалось для них наиболее актуальным по итогам выполнения всех заданий. Отметим, что на данном этапе реакции Ии. разделились практически поровну: 55% Ии. продолжили предложение, используя значение, относящееся к лексико-семантической группе «человек, следящий за порядком в группе людей», в частности ‘староста в школе или университете’. Были получены следующие реакции-продолжения: *in/of/for our group (9); who will watch our behavior and mark the absent, for the next week, to decide our group's problems, otherwise it'll be bad for us, to help our teacher; to check the attendance of the group; to rule our class; to be the head of*

our group; among senior students; so we must vote for or against someone; who is able to cope with the problems in class; Let it be Masha. 4% Ии. выбрали в качестве наиболее актуальных значений следующие: ‘проверяющий’ (*to check his work, to control them writing tests*); ‘наблюдатель’ (*for the exam/competitions*); *куратор* (*to control the process; of your group*). 41% Ии. продолжили предложение, используя значение, относящееся к лексико-семантической группе «компьютерный аксессуар»: *for our/her (new) computer* (6); *the old one is out of order; for work; for my brother; that is large; to do our work; with a wide screen; cheaper; before we buy a computer; because we have already bought a computer; in a special shop; and turn off the computer; for my child.*

Рассмотрим реакции, полученные к многозначному слову *fork*. В ходе выполнения задания ассоциативного эксперимента у 65% Ии. данный стимул вызвал многочисленные реакции, соотносящиеся со значением ‘вилка’: *вилка* (16); *столовый прибор* (5); *обед* (4); *еда* (3); *нож* (3); *ресторан* (2); *стол* (2); *праздник; застолье; этикет; есть вилкой и ножом; мясо; посуда; тарелка; острый; инструмент для приема пищи, удобства в социальной жизни; лапша, вкусная еда в ресторане, чистота, железная; Испания (где придумали вилки); food* (2); *spoon* (2); *la fourchette; meal*. 15 % Ии. опирались на форму слова, вследствие чего были предоставлены следующие реакции: *народ; folk* (2), *pork; volk*. 15 % Ии. указали в качестве реакций ассоциации, возникшие к значению ‘развилка’, которое на начальном этапе не указал ни один из Ии.: *развилка* (2); *тропинки; перепутье; road* (2). От одного из Ии. в качестве реакции на стимул FORK было получено слово *розетка*. Данная реакция появилась предположительно на основе перевода слова, ассоциации с русским словом *вилка* (англ. *plug socket*). Таким образом, можно сделать вывод о том, что активными в момент восприятия неоднозначного слова являются оба языка, при этом возникающие реакции могут вести к возникновению нового межъязыкового семантического поля (см. рис. 5).

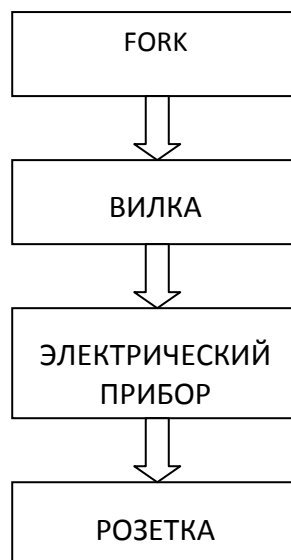

Рис. 5

Скорее всего, у носителя английского языка не возникло бы такой ассоциации, в силу того, что для слова *розетка* в английском языке существует другое обозначение. Однако в русском языке слово *вилка* также является многозначным в значениях *столовый прибор* и *деталь, устройство, имеющее раздвоенный конец* (в том числе *штенсельная вилка*), что и привело к возникновению у слова *fork* нового семантического поля. Один из Ии. указал в качестве ассоциаций слова *Тритон, подводный мир, trident*, которые по всей вероятности являются результатом визуализации стимула и соотнесения с ранее полученным опытом (например, мультфильмом о русалочке Ариэль), так называемый эмоционально-оценочный компонент значения.

По результатам второго задания Э2 количество отказов от реакции составило 13 %. 54 % Ии. использовали в контексте *There was a fork so he had to decide...значение вилка: what dish to start with, eat with his arms, whether to eat the cake with the help of this fork or a spoon; whether he should take it or a spoon; to eat with a fork or a spoon, choosing it or a spoon, to try his meal, to take it and choose a snack for his drink, to eat meat; to have lunch; how to eat the soup; where food was; how to use it; to use it properly; (whether) to eat (or not) (2); what he should order; what is to be done; to start with the salad; where to have a knife to have dinner; whether he'll eat with his hands or ask for a knife; what to eat first; to use it; to try the dish; to eat or not to eat.* Тем не менее, стоит отме-

тить, что 33% Ии. продолжили предложение, используя значение ‘развилка’: *the right way – to the left or to the right, to choose the way, to change his way; where to go; which way to choose/go (2); to turn left; to ask about the right way; in which direction he should go; to go straight ahead; what she had to do further; whether he should go; to go this way; to turn; which road to choose*. Можно сделать вывод, что фактором, способствовавшим увеличению количества реакций, связанных со значением ‘развилка’, является однозначный контекст, в котором стимул FORK был предоставлен Ии. на втором этапе Э1 в предложении *As the sun was rising they reached the fork in the road*.

Рассмотрим реакции, полученные к стимулу СОАТ. В данном случае это слово интересует нас как многозначное в значениях ‘пальто, пиджак’ и ‘слой’. 88% Ии. записали ассоциации, относящиеся к лексико-семантической группе «элемент верхней одежды»: *пальто (15); тепло (4); ветер; дождь (3), осень (3); мех; плащ; тёплая одежда; клетка, воротник; куртка; шарф; шапка; длинное, меховое; одежда; плащ; пиджак, накидка; вещь для согревания человека; тепло; драповое пальто; верхняя одежда; clothes (2); overdress; rain; fur coat; fur; rain; dress; cold; winter; Mantel*. Ассоциации к значению ‘слой’ были указаны менее чем 1% Ии. Для 11% Ии. важной оказалась опора на звукобуквенный комплекс. В качестве реакций были указаны следующие: *козёл; коза; кот; goat (2)*. Таким образом, нами был сделан вывод, что однозначный контекст, в котором стимул был предъявлен Ии. во втором задании Э1, не оказал решающего влияния на выбор значения. Наиболее актуальным для Ии. по-прежнему осталось значение, относящееся к категории «верхняя одежда». Эти данные подтвердились и в ходе анализа результатов второго задания Э2, в котором Ии. было дано задание продолжить предложение *There were a lot of coats... . 94 % Ии. продолжили данное предложение, используя значение пальто, пиджак: on the hooks, in this/the shop (15), in the cloakroom (6), to choose from (2); in (her) this wardrobe (3) – she always didn't know what to wear; in the hall (2) – they had a lot of guests; on the coat-hangers (2) in the parlour, to buy (2); in the nearest store, at the factory, in the dressing*

room, which I really liked; in the changing room of the theatre; hanging in the wardrobe/on the rack; in the dressroom; and I couldn't find my own one; in the closet; in the wardrobe; on the rag; hanging near the door; which were pink; in this room; in the chest. 1% Ии. выбрал значение *слой краски: of paint in this picture.* 5% Ии. отказались от выполнения задания.

Стимул FAN, рассматриваемый нами и как многозначное слово, и как омоним, вызвал довольно большое количество свободных ассоциаций у Ии. Следует отметить, что в отсутствие вербального контекста 50% Ии. записали ассоциации, относящиеся к лексико-семантической группе «фанат, поклонник». Эксперимент показал, что слово *fan* чаще всего ассоциируется у Ии. с двумя категориями – «футбольный фанат (болельщик)» и «фанат музыкальной группы (реже фильма, актёра)»: *фанат (17); концерт (6); поклонник (3); фильм; футбол; матч; успех; фан; человек; музыка; фанатик; болельщик; праздник; звезда; football (3); aficionado; football fan; музыканты; music.* 33% Ии. на данном этапе эксперимента записали реакции с опорой на звукобуквенный комплекс. Слово *fan* имеет «графических соседей» в английском языке. Вследствие сбоя в процессе идентификации стимула и осуществлении доступа к значениям слова *fun* от Ии. были получены следующие реакции: *веселье (3); радость (2), любовь; крики радости, слёзы, страдания, необъятные желания; развлечение.* К этой группе реакций относятся ассоциации, которые представляют собой слова, визуально напоминающие стимул: *фавн; тара; рап.* 17% Ии. записали ассоциации, относящиеся к лексико-семантической группе «прибор, действие которого основано на подаче воздуха»: *вентилятор (2); прибор; лопасть, крылья; средство для охлаждения чего-либо; барышня; 19 век; веер.*

На втором этапе Э2 Ии. было предложено продолжить следующее предложение: *Fans can be of great help...* 14% Ии. затруднились выполнить задание, 48 % Ии. продолжили предложение, используя значение 'фанат, поклонник': *with the preparations of the performance, because they support their favourite football team, from their idols, to the performers if they applaud; with the*

organization of a concert; in making inquiries about him; for a football team; in inspiration; to encourage the players; for our command/music bands/her/film directors/the concert/advertising/stars; in cheering up a team; and of great harm; in becoming a celebrity; in organizing a concert; for the celebrity; for the actors. Для 38 % Ии. наиболее актуальным оказалось значение 'веер (вентилятор)': *when it's (very, extremely) hot outside/out-of-doors (10); in the summer, in hot weather, against hot, airing rooms in hot weather; during the heat; in the heat; when the room is stuffy or the weather is hot; if you are hot.* Следует отметить, что при условии наличия контекста, хоть и неоднозначного, никто из Ии. не использовал в качестве опоры звукобуквенный комплекс. Контекст, не предполагающий единственной интерпретации, тем не менее, повлиял на восприятие слова, исключив возможность ошибочного доступа к значениям «графического соседа». Тенденция отказа от опоры на звукобуквенный комплекс при наличии неоднозначного контекста прослеживается и при идентификации других слов-стимулов, которые Ии. «путали» с их «графическими соседями» в условиях отсутствия контекста: *well-will, pork-fork; coast-coat, drunk-truck-trunk, bell-Bill-bill.*

Стимул WILL, отнесённый нами к многозначным словам, вызвал у Ии. разнообразные ассоциации. Следует отметить, что, несмотря на предъявление в однозначном контексте на предыдущем этапе эксперимента (в предложении *Everyone could only envy his strong will, he was a very strong true man*), когда подавляющее большинство Ии. перевели этот стимул как *сила воли* (91), на этапе ассоциативного эксперимента реакции распределились по лексико-семантическим группам практически поровну. 20% Ии. записали ассоциации, относящиеся к категории «завещание»: *смерть (4); завещание (4); юрист; горе; утрата, боль, горечь, страх; old man; 29% Ии – к категории «волевые качества человека»: сила воли (2); воля (9); strong will; spirit; character; внутренний стержень человека, душа; человек; упорство; 21% Ии. – к категории «желание»: желание (12); wish, desire; хотеть; полёт; возможность; колодец.* В качестве одной из основных опор восприятия для Ии.

осталась опора на знания по грамматике английского языка, вследствие чего 25% Ии. записали ассоциации, вызванные значением слова *will* как вспомогательного глагола будущего времени: *будущее (5); Future; shall; грамматика; вспомогательный глагол; будущее время; буду; будущность; Future Tense.*

На этапе Э2, когда Ии. предлагалось продолжить предложение *Without paying attention to his will...*, большинство Ии. (40%) указало в качестве главного значения 'желание'. Были получены следующие реакции: *we decided to sell the house, to sleep he sat till midnight; they didn't take him in the team; the members of his family have bought a car to their own taste; she made him eat some porridge; she won't make him happy; he did what he wanted; she made him come in; she began to impose her opinion; we can make a mistake; she did what she wanted; I'll visit Paris; they wanted to do it; they spent all the money on Holland; the doctor left; you'll offend him; he decided to keep his old furniture.* Достаточно распространёнными были реакции, в которых в качестве основного значения было выбрано 'завещание': *they divided his property/ fortune (3), you'll suffer; you'll get nothing hereditably; the relatives mourned poor John; they divided the money and were off; Mrs. Brown proclaimed herself to be an heir; there could be a struggle among his relatives; his family gave all the money to some fund; his mother sold all his things; you won't get anything; we divided the money.* Для 13 % Ии. наиболее актуальным по итогам всех этапов эксперимента оказалось значение 'воля': *she did it, she said this to him, they do it like they want; it's impossible to expect success from him; the house was sold and the money shared.* На этом этапе было получено достаточно большое количество отказов от реакции (17%), что свидетельствует о том, что для некоторых Ии. слово *will*, заявленное в задании как имя существительное, тем не менее является наиболее актуальным в качестве глагола. Субъективная частотность слова оказала интерферирующее воздействие на процесс идентификации стимула, что повлекло за собой отказ от реакции. Реакции к остальным словам-стимулам см. в Приложениях 5 и 6.

Выводы по главе 3

На основе полученных в ходе Э1 данных, можно сделать вывод, что при предъявлении стимулов вне контекста основными опорами для Ии. при доступе к неоднозначному слову в процессе идентификации являются:

- опора на перевод и прямую дефиницию слова (переводные и псевдо-переводные реакции);

- звукобуквенный комплекс: сюда относятся как слова-кальки *monitor*, *credit*, *band*, так и слова, доступ к значениям которых не был осуществлён по причине их «схожести» со словами, являющимися для Ии. более актуальными, так называемые «графические соседи»: *well-will*, *pork-fork*; *coast-coat*, *drunk-truck-trunk*, *bell-Bill-bill*;

- опора на уже известную ситуацию, соотнесение со своим опытом и ранее полученными знаниями, эмоционально-оценочный компонент восприятия (*coat* – *накидка без подкладки (21 век – мода на пальто с кроссовками)*; *тепло*; *носят осенью или зимой, часто шьется из драпа/шерсти, длина варьируется от короткой до очень длинной*, *credit* – *финансовое рабство; одобрен; «сдано»*, *temple* – *часть лица, попасть в неё опасно для жизни*, *change* – *перемены в жизни (3)*; *изменения во внешности*, *fork* – *почти как ложка, только суп не поешь*);

- опора на устойчивые словосочетания и фразеологизмы: *credit* – «*кредит доверия*»; *credit card*, *temple – for god's sake*; *bill* – “*Bill of rights*”;

- опора на визуализацию стимула: выделение общего признака, путь обработки информации «сверху-вниз» (*fork* – *вилка => вилы, трезубец, ответвление*) и «снизу-вверх» (*temple* – *храм => здание, место*).

При предъявлении стимулов в однозначном контексте основными факторами, влияющими на доступ к значениям слова, являются:

- внешний (письменный) контекст;

- субъективная частотность слова для Ии. как одно из проявлений внутреннего контекста;

- внешняя форма слова (в случае со словами-кальками, а также словами, имеющими «графических соседей»).

На этапе предоставления стимулов в однозначном контексте большая часть Ии. выбрала именно то значение слова, которое к нему подходило. Для 14 Ии. из 120 (12 %) определяющим фактором оказывалась субъективная частотность значения слова, которая способствовала тому, что Ии. «перестраивали» перевод всего предложения под то значение, которое оказалось для них наиболее актуальным.

К основным результатам Э2 следует отнести факт установления определяющей роли контекста, не предполагающего множественности интерпретаций в преодолении лексической неоднозначности. У Ии. актуализировались некоторые значения слов, которые они не указывали ранее. Иными словами, предъявление слов в однозначном контексте поспособствовало тому, что на этапе ассоциативного эксперимента Ии. записывали ассоциации, относящиеся к новой лексико-семантической группе. Например, на первом этапе Э1 91% Ии. отнесли стимул FORK к категории «столовый прибор». После предъявления данного стимула в однозначном контексте, в предложении *As the sun was rising they reached the fork in the road*, у Ии. было актуализировано ещё одно значение, не указанное ранее ни одним из Ии. – ‘развилка’. В ходе выполнения заданий по методикам ассоциативного эксперимента и продолжения предложений реакции к этому значению предоставили 20 и 33% Ии. соответственно. Однако в большинстве случаев главным фактором преодоления неоднозначности остаётся субъективная частотность значения слова для Ии. Для 93% Ии. значение неоднозначного слова, наиболее актуальное для них на начальном этапе эксперимента, осталось таковым даже после предъявления слова в однозначном контексте.

Таким образом, модель восприятия неоднозначного слова можно представить следующим образом (см. рис. 6). Разрешение неоднозначности и доступ к нужному значению слова осуществляется при прохождении опреде-

лённых этапов. Наличие или отсутствие контекста предполагает разные пути доступа к значениям неоднозначного слова.

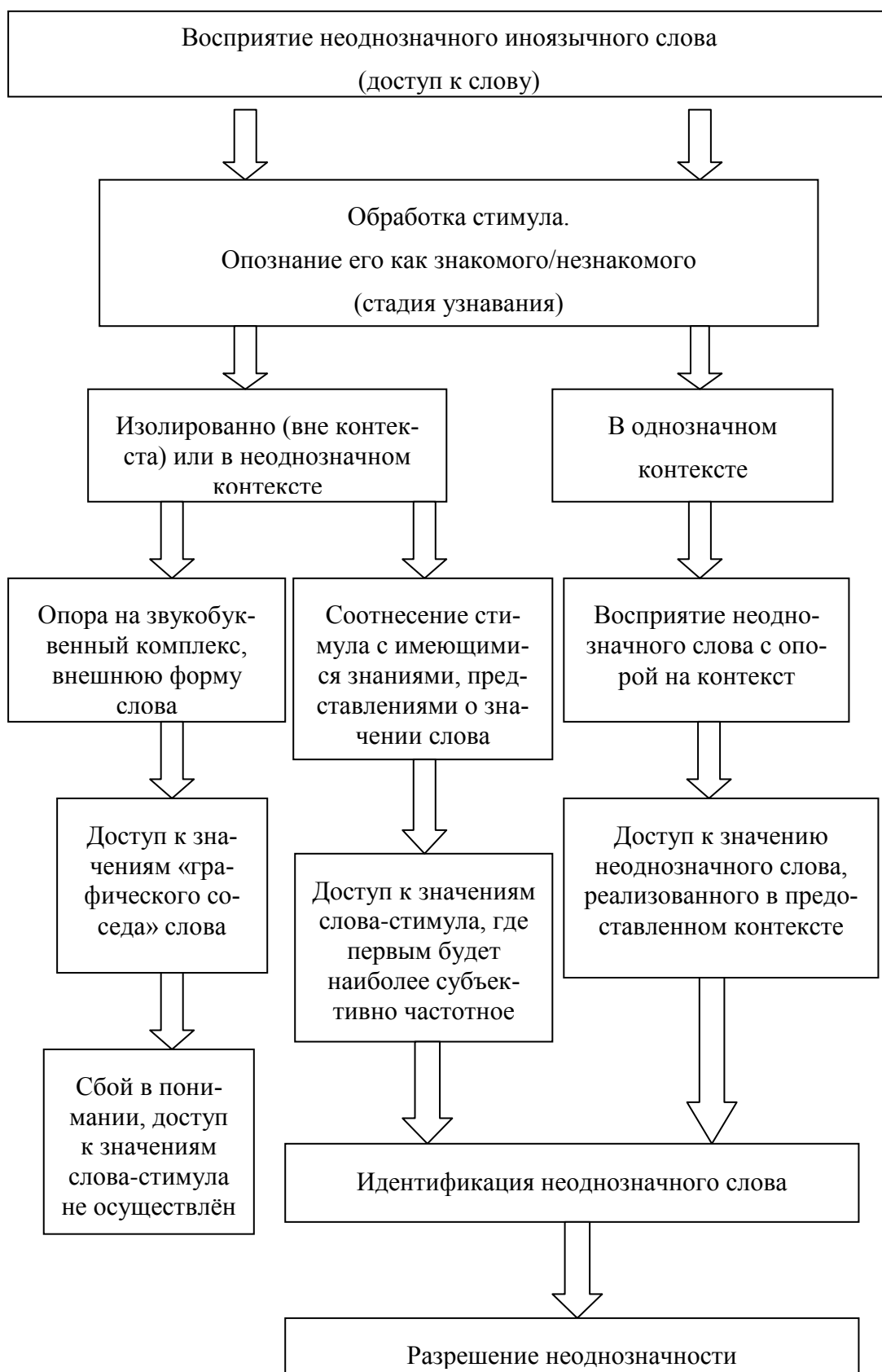

Рис. 7

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение лексической многозначности вне контекста и исследование того, как многозначные слова представлены в сознании носителей языка, представляет значительный научный и практический интерес. Теоретическое исследование лексической неоднозначности рассматривает следующие вопросы: как соотносятся разные значения слова в сознании разных носителей языка и насколько возможно предсказать их реакцию на соответствующие вербальные стимулы. С практической точки зрения данные о языковой неоднозначности могут быть применены при составлении словарей, организации процесса обучения иностранному языку (выявлении стратегий организации новых слов в ментальном лексиконе обучаемого), а также для ранжирования результатов поиска при вводе в поисковую систему однословного многозначного запроса. В этом случае, как отмечается в статье [Иомдин 2014], при вводе запроса «банки» одни пользователи могли бы, прежде всего, получить информацию о банковских организациях, а другие – о стеклянных ёмкостях.

В нашем исследовании сделана попытка не только выявить особенности восприятия неоднозначного слова, но и выяснить, каким образом наличие неоднозначного слова влияет на понимание текста, а также какими стратегиями пользуется Ии. для преодоления лексической неоднозначности.

По результатам анализа экспериментальных данных можно сделать вывод, что существуют два основных пути обработки неоднозначных слов. Разница между ними объясняется наличием или отсутствием вербального контекста (когда слово предъявляется Ии. изолированно).

В процессе доступа к значениям изолированного неоднозначного слова Ии. предлагалось записать ассоциации и дать толкование словам-стимулам. В ходе анализа показателей, полученных экспериментальным путём, мы выяснили что Ии. пользовались стратегиями с опорой на перевод и прямую дефиницию слова (переводные и псевдопереводные реакции), звукобуквенный комплекс, известную ситуацию (соотнесение со своим опытом и ранее полу-

ченными знаниями). Также были реализованы стратегии доступа к значениям слов-стимулов с опорой на устойчивые словосочетания и фразеологизмы и визуализацию стимула (выделение общего признака, путь обработки информации «сверху-вниз»). Фактором, оказывающим основное влияние на принятие решения о значении слова вне контекста, является субъективная частотность значения слова для Ии. У нас была возможность проследить изменения в реакциях Ии. в ходе выполнения заданий на разных этапах экспериментов. В ходе Э1 слова предъявлялись Ии. сначала вне контекста, а в дальнейшем – в однозначном контексте. Говоря о псевдопереводных реакциях, предоставленных Ии. в ходе выполнения второго задания Э1 (перевод предложений) стоит отметить, что зачастую, не зная перевода слова, Ии. прибегали к так называемой «языковой догадке», которая была основана на языковом окружении слова, то есть контексте. Данный факт подтверждается следующими примерами переводов предложений:

He put the revolver to his right temple. Варианты перевода: Он убрал/положил пистолет в карман (14); в кобуру (4); в держатель; убрал в сторону; положил на колено; переложил в правую руку (2).

As the sun was rising they reached the fork in the road. Варианты перевода: По мере того как поднималось солнце, они достигли места/пункта назначения (2); закусочной (2); перепутья; кочки; автозаправки; конечной точки; пробки; половины пути; края.

Her gloves were new, and her fan, too, was new, but it was a common one. Варианты перевода: Её перчатки были новыми, и её вуаль; зонтик; шаль тоже...

По приведённым примерам видно, что доступ к значениям слова-стимула осуществлён не был, однако Ии. делали лексический выбор под влиянием личных впечатлений, образов и ассоциаций, связанных с данным словом и ситуаций встреч с ним. Аналогичное явление наблюдалось С.И. Корниевской в эксперименте с двуязычными испытуемыми, направленном на

изучение механизма выбора слов при противоположном процессе – процессе продуцировании речи в ситуации учебного билингвизма [Корниевская 2012].

По итогам обоих экспериментов был сделан вывод, что стратегии, которыми пользуются Ии. в процессе доступа к значениям неоднозначного слова вне контекста и в неоднозначном контексте, имеют идентичный характер. При наличии однозначного контекста, не предполагающего множественности интерпретаций, подавляющее количество Ии. (88%) сразу выбрали то значение неоднозначного слова, которое реализовано в контексте, пренебрегая при этом другими, известными и даже наиболее актуальными (по итогам первого задания Э1) для Ии. значениями. Для 14 Ии. из 120 (12 %) определяющим фактором оказывалась субъективная частотность значения слова, которая способствовала тому, что Ии. «перестраивали» перевод всего предложения под то значение, которое оказалось для них наиболее актуальным.

Также было установлено, что одним из проявлений влияния контекста на процесс доступа к значениям неоднозначного слова, оказалась опора на грамматическую (синтаксическую), а также лексическую сочетаемость слов, к которой прибегали Ии. Так при переводе предложения *He looked at me with an air of importance*, многие Ии. не смогли дословно перевести слово *air*. Однако они указали следующие варианты перевода: *многозначительно (3); высокомерно; настороженно, внимательно; важно; с лёгким неуважением; с оттенком важности; с ощущением важности; со значением; с аурой важности; с напускной важностью; немного с нетерпением; как будто хотел сообщить что-то важное; с лёгкостью; со вздохом уважения*. Очевидно, что Ии. проанализировали окружение, в которое помещено неоднозначное слово *air* в значении ‘выражение лица, вид’ – в данном случае это глагол *look* с предлогом *at* в форме Past Simple. При наличии представленной конструкции предложения возможным является задать вопрос от первой части ко второй, в который содержится неоднозначное слово – *Он посмотрел на меня как?* На основе данного вопроса можно сделать вывод, что последующая часть предложения содержит ответ на этот вопрос – *как?*, вследствие чего

Ии. перевели её употребив наречия (*многозначительно (3); высокомерно; настороженно, внимательно; важно*) или конструкции, содержащие существительное с предлогом (*с лёгким неуважением; с оттенком важности; с ощущением важности; со значением; с аурой важности; с напускной важностью; немного с нетерпением; как будто хотел сообщить что-то важное; с лёгкостью; со вздохом уважения*). Так как значение выражение лица, вид слова *air* было незнакомо некоторым Ии., при переводе они опирались на значение того слова, которое они знают – *importance*.

Предпринятое исследование позволяет рассмотреть некоторые особенности восприятия неоднозначных слов учебными билингвами изолированно и в контексте на материале английского языка. Данные, описанные в исследовании, могут найти применение в лексикографии и учитываться при составлении словарей для изучающих ИЯ. Также они могут быть применены в методике преподавания ИЯ, так как помогают раскрыть особенности организации ментального лексикона обучаемых, хранения и доступа к значениям неоднозначных слов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксаков К.С. Полное собрание сочинений. Сочинения филологические / К.С. Аксаков. – Т. II. – Ч. 1. – М., 1875. – 660 с.
2. Акуленко В.В. О «ложных друзьях переводчика» [Электронный ресурс] / В.В. Акуленко // – 1969. – Режим доступа: <http://homeenglish.ru/Textakul.htm>. – Дата обращения: 15.01.2014. – Загл. с экрана.
3. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии / Н.Н. Амосова. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1963. – 208 с.
4. Апресян Ю.Д. О регулярной многозначности/ Ю.Д. Апресян. – Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – Т. XXX. – Вып. 6. – М., 1971. – С. 509–523.
5. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. – 2-изд., испр. и доп. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 464 с.
6. Аристотель Сочинения в четырёх томах / Аристотель. – Сер. Философское наследие. – Т.2. – М.: Изд-во Мысль, 1976. – 687 с.
7. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова – 2-е изд., испр. – М.: Изд-во Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
8. Арутюнян В.Г. Мозг и язык: междисциплинарный подход к ментальному лексикону: монография / В. Г. Арутюнян – Балт. федер. ун-т им. И. Канта. – Калининград: Изд-во Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2014. – 204 с.
9. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии / О.С. Ахманова. – М: URSS, 2009. – 295 с.
10. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 445 с.
11. Белянин В.П. Психолингвистика / В.П. Белянин. – М.: Флинта, 2003. – 122 с.

12. Боярская Е.Л. Некоторые аспекты когнитивной теории многозначности [Электронный ресурс] / Е.Л. Боярская // Вестник БФУ им. И. Канта. – 2010. – Вып. 2. – Режим доступа: http://journals.kantiana.ru/upload/iblock/68f/icpxjaptyumnborue%20ha.www._19-27.pdf. – Дата обращения: 05.04.2014. – Загл. с экрана.
13. Бревдо И.Ф. Схема знаний как база для понимания шутки: экспериментальное исследование / И.Ф. Бревдо // Семантика слова и текста: психолингвистические исследования. – Тверь, 1998. – 168–174.
14. Бревдо И.Ф. Механизмы разрешения неоднозначности в шутке [Электронный ресурс]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / И.Ф. Бревдо – Тверь, 1999. – Режим доступа: http://www.dissland.com/catalog/mehanizmi_razresheniya_neodnoznachnosti_v_shutke.html. – Дата обращения: 03.12.2012. – Загл. с экрана.
15. Брунер Дж. Стратегии приёма информации при образовании понятий / Дж. Брунер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ozgr-students.narod.ru/or_seminar/t10_bruner.doc. – Дата обращения: 09.06.2015. – Загл. с экрана.
16. Будагов Р.А. В защиту понятия слово / Р.А. Будагов // Вопросы языкознания. – 1983. – Вып. 1. – С.16–31.
17. Буряков Е. Статьи о юморе и острологии. Теория и практика. Обман ожиданий / Е. Буряков [Электронный ресурс]: личный сайт. – Режим доступа: <http://evgbur.ru/witticism/articles/>. – Дата обращения: 22.10.2011. – Загл. с экрана.
18. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая / Пер. с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т.В. Булыгиной. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 780 с.
19. Вентцель Е. С. Исследование операций. Задачи, принципы, методология / Е. С. Вентцель. – М.: Изд-во Наука, 1988. – 203 с.
20. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1953. – Вып. 5. – С.3–29.

21. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М. – Л.: Рус. яз., 1972. – 720 с.
22. Виноградов В.В. Об омонимии в русской лексикографической традиции. Избранные труды. Лексикология и лексикография. [Электронный ресурс] / В.В. Виноградов. – 1977. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/vinogradov-77b.htm>. – Дата обращения: 21.09.2013. – Загл. с экрана.
23. Воскресенский И.В. Эффект обманутого ожидания в понимании текста / И.В. Воскресенский // Психолингвистические исследования слова и текста. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – С.132–139.
24. Воскресенский И.В. Стратегии имплицирования и разрешения неоднозначности в деловой переписке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. / И.В. Воскресенский. – Тверь, 2007. – 20 с.
25. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика, 1982. – Т. 2. – 488 с.
26. Готлиб К. Г. Немецко-русский и русско-немецкий словарь «ложных друзей переводчика» / К.Г. Готлиб. – М.: Изд-во Советская энциклопедия, 1972. – 398 с.
27. Графкова Т.С. Словообразовательное калькирование заимствованных слов с конфиксом как источник синонимии в немецком языке [Электронный ресурс] / Т.С. Графкова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – №3. – 2011. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/slovoobrazovatelnoe-kalkirovanie-zaimstvovannyh-slov-s-konfiksom-kak-istochnik-sinonimii-v-nemetskom-yazyke>. – Дата обращения: 24.05.2015. – Загл. с экрана.
28. Граник Г.Г., Самсонова А.Н. Роль установки в процессе восприятия текста (на материале художественного текста) [Электронный ресурс] / Г.Г. Граник, А.Н. Самсонова. – Режим доступа: <http://www.vorpsy.ru/issues/1993/932/932072.htm>. – Дата обращения: 21.09.2013. – Загл. с экрана.

29. Давиташвили Е.С., Чернявская А.П. Формирование готовности подростков к принятию решения в ситуации неопределенности [Электронный ресурс] / Е.С. Давиташвили, А.П. Чернявская // Ярославский педагогический вестник. – 2009. – № 4 – Режим доступа: http://vestnik.yspu.org/releases/2009_4g/10.pdf. – Дата обращения: 02.12.2012. – Загл. с экрана.
30. Десницкая А.В., Кацнельсон С.Д. История лингвистических учений. Средневековый Восток / А.В. Десницкая, С.Д. Кацнельсон – Ленинград: Наука, 1981. – 309 с.
31. Дземидок Б.О. О комическом / Б.О. Дземидок. – М.: Прогресс, 1974. – 224 с.
32. Драгой О.В. Разрешение синтаксической неоднозначности: правила и вероятности [Электронный ресурс] / О.В. Драгой // Вопросы языкознания. – 2006. – Вып. 6. – С.44–61. – 1 электрон, опт. диск (CD-ROM). – Дата обращения: 02.12.2013. – Загл. с экрана.
33. Дрезен Э. К. В поисках всеобщего языка / Э.К. Дрезен. – М.-Л.: Издво: Земля и Фабрика, 1925. – 124 с.
34. Жуков А.В., Жуков К.А. Семантика неопределённости (О словах и фразеологизмах с размытым и широким значением) [Электронный ресурс] / А.В. Жуков, К.А. Жуков // Вестник Новгородского государственного университета. – 2003. – №25. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18061902>. – Дата обращения: 17.05.2015. – Загл. с экрана.
35. Залевская А.А. Свободные ассоциации в трёх языках / А.А. Залевская // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. – М.: Наука, 1971. – С.178–194.
36. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование: монография / А.А. Залевская. – Воронеж: Издательство Воронежского ун-та, 1990. – 206 с.

37. Залевская А.А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования / А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. – 136 с.
38. Залевская А.А. Психолингвистический подход к анализу языковых явлений / А.А. Залевская // Вопросы языкознания. – 1999. – № 6. – С. 31–42.
39. Зализняк А. А. Неоднозначность, каламбур и некаламбурное совмещение значений: к проблеме представления многозначности [Электронный ресурс] / А.А. Зализняк – 2003. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Zalizniak.htm>. – Дата обращения: 22.10.2011. – Загл. с экрана.
40. Зализняк А.А. Феномен многозначности и способы его описания / А.А. Зализняк // Вопросы языкознания. – 2004. – № 2. – С. 20–45.
41. Золотарёва С.А. Парадокс – стимуляция имплицитных шагов в высказывании («обманутое ожидание») [Электронный ресурс] / С.А. Золотарева. – 2010. – Режим доступа: <http://dncran.ru/vestnik/36/Zolotareva.pdf>. – Дата обращения: 22.10.2011. – Загл. с экрана.
42. Золотова Н.О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык: монография / Н.О. Золотова. – Тверь: Лилия Принт, 2005. – 203 с.
43. Золотова Н.О. Частотность как знакомость и культурная значимость слова / Н.О. Золотова // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. / под общ.ред. А.А. Залевской. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2014. – Вып. 14. – 244 с. – С. 36–40.
44. Золотова Н.О. Частотность как фактор культурной и психологической значимости слова / Н.О. Золотова // Языковой дискурс в социальной практике: сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. – 330 с. – С. 101–105.
45. Иванова В.И. Лексико-семантическая подсистема языка. Конспект лекций [Электронный ресурс] / В.И. Иванова. – Тверь, 1999. – Режим

- доступа: <http://reftrend.ru/967939.html>. – Дата обращения: 02.12.2012. – Загл. с экрана.
46. Иомдин Б.Л. Многозначные слова в контексте и вне контекста / Б.Л. Иомдин // Вопросы языкознания. – 2014. – № 4. – С. 87–103
47. Карпов А.В. Психология менеджмента: учебное пособие [Электронный ресурс] / А.В. Карпов. – 2000. – Режим доступа: <http://www.smolsoc.ru/index.php/home/2009-12-24-13-38-54/71-2011-01-05-14-41-15/1062-----2..> – Дата обращения: 02.12.2012. – Загл. с экрана.
48. Касавин И. Т. Контекстуализм как методологическая программа [Электронный ресурс] / И.Т. Касавин // Эпистемология & философия науки. Научно-теоретический журнал по общей методологии науки, теории познания и когнитивным наукам. – Электрон. дан. – 2005. – Т. VI. – № 4. – С. 3-14. – Режим доступа: [http://journal .iph .ras.ru/4-05. doc](http://journal.iph.ras.ru/4-05.doc). – Дата обращения: 16.07.2009. – Загл. с экрана.
49. Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака [Электронный ресурс] / С.О. Карцевский. – Режим доступа: <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/ru/karcevskiy/dualizm.html>. – Дата обращения: 02.12.2012. – Загл. с экрана.
50. Касарес Х. Введение в современную лексикографию [Электронный ресурс] / Х. Касарес. – Режим доступа: <http://fitaksa.ru/obuchayushaya-literatura/5183.php>. – Дата обращения: 05.11.2014. – Загл. с экрана.
51. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение / С.Д. Кацнельсон/ Под общ. ред. В. М. Жирмунского, М. М. Гухман, С. Д. Кацнельсона. Лингвистическое наследие XX века. – Изд. 3-е. М.: Едиториал УРСС, 2011. – 112 с.
52. Колосов С.А. Манипулятивные стратегии дискурса ненависти [Электронный ресурс] / С.А. Колосов. – Режим доступа: http://otherreferats.allbest.ru/languages/00065625_0.html. – Дата обращения: 05.11.2014. – Загл. с экрана.

53. Корнилова Т.В. Неопределённость, выбор и интеллектуально-личностный потенциал человека [Электронный ресурс] / Т.В. Корнилова // Методология и история психологии. – Электрон. журн. – 2009. – №4. – Режим доступа: http://mhp-journal.ru/upload/2009_v4_n4/2009_v4_n4_04.pdf. – Дата обращения: 02.12.2012. – Загл. с экрана.
54. Колшанский Г.В. Контекстная семантика / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1980. – 149 с.
55. Корниевская С.И. Доступ к слову при устном продуцировании речи на иностранном языке в ситуации учебного двуязычия автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.19 / С.И. Корниевская – Тверь, 2012. – 20 с.
56. Крылова М.Н. Каламбур как особый вид тропа [Электронный ресурс] / М.Н. Крылова. – Режим доступа: http://www.portalus.ru/modules/linguistics/rus_readme.php?subaction=show_full&id=1279788373&archive=&start_from=&ucat=&. – Дата обращения: 02.12.2012. – Загл. с экрана.
57. Кузнецова И. Н. О лексической интерференции в одном и разных языках [Электронный ресурс] / И.Н. Кузнецова // Вестн. Моск. ун-та. – Электрон.журн. – Сер. 9. Филология. – 1997. – №1. – С. 43 – 51. – Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~fraphil/bibliotheque-en-ligne/kuznetsova_diss-teoria_lingvisticheskoy_interferentsii.pdf. – Дата обращения: 14.11.2013. – Загл. с экрана.
58. Кузнецова О.О. О психолингвистическом подходе к исследованию явления полисемии / О.О. Кузнецова // Психологические и лингвистические аспекты проблемы языковых контактов. – Калинин, 1978. – С.77–92.
59. Курбанова К.И. Процесс калькирования в современном французском языке [Электронный ресурс] / К.И. Курбанова. – Режим доступа: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2009/france/kurbanova.pdf. – Дата обращения: 24.05.2015. – Загл. с экрана.

60. Курилович Е.Р. Заметки о значении слова / Е.Р. Курилович // Вопросы языкознания. – 1955. – № 3. – С. 78.
61. Лицзюнь Г., Ичжи Н. Соотношения между полисемией и омонимией и проблема их разграничения [Электронный ресурс] / Г. Лицзюнь, Н. Ичжи. – Режим доступа: <http://perevodovedcheskiy.academic.ru/>. – Дата обращения: 21.09.2013. – Загл. с экрана.
62. Максимов В. Русский язык и культура речи / В. Максимов. – М.: Гардарики, 2001. – 411 с.
63. Медведева И.Л. Психолингвистические проблемы функционирования лексики неродного языка [Электронный ресурс]: дис. ... докт. фил. наук: 10.02.19 / И.Л. Медведева – Тверь, 1999. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/psikholingvisticheskie-problemy-funktsionirovaniya-leksiki-nerodnogo-yazyka>. – Дата обращения: 29.08.2015. – Загл. с экрана.
64. Муравьев В.Л. Ложные друзья переводчика (французский язык) / В.Л. Муравьев. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1985. – 49 с.: ил.
65. Некрасов Н.П. О значении форм русского глагола / Н.П. Некрасов. – Серия: Лингвистическое наследие XIX века. – СПб.: Либроком, 2012. – 320 с.
66. Новикова И.В. Психолингвистическое исследование идентификации полиморфемного слова при учебном двуязычии: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.19 / И.В. Новикова – Тверь, 2011. – 19 с.
67. Пирогова Ю.К. Языковая игра в коммерческой рекламе / Ю.К. Пирогова // Рекламный текст. Семиотика и лингвистика. – 2000. – С.167–190.
68. Полякова Р.И. Изменение лексического значения слов в молодежной среде [Электронный ресурс] / Р.И. Полякова // Гуманитарные науки. Лингводидактика. – 2013. – №4. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21106265>. – Дата обращения: 17.05.2015. – Загл. с экрана.

69. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня; [отв. ред. акад. И. И. Мещанинов; ред.: А. В. Ветухов, Н. Д. Мальцев, Ф. П. Филин]; АН СССР, Ин-т яз. и мышления им. Н. Я. Марра. - Москва: Издательство Академии Наук СССР; Ленинград, 1941. – 700 с.
70. Походня С.И. Языковые виды и средства реализации иронии / С.И. Походня – Киев: Наукова думка, 1989. – 126 с.
71. Пумпянский А.Л. О принципе языковой многозначности [Электронный ресурс] / А.Л. Пумпянский // Вопросы языкознания. – 1983. – Вып. 1. – С.122–130. – 1 электрон, опт. диск (CD-ROM). – Дата обращения: 02.12.2013. – Загл. с экрана.
72. Рева О.А. Эффект обманутого ожидания в заголовочном дискурсе. [Электронный ресурс] / О.А. Рева. – Режим доступа: http://science.ncstu.ru/conf/past/2007/stud/theses/ling/15.pdf/file_download. – Дата обращения: 07.02.2015. – Загл. с экрана.
73. Рогожникова Т.М. Развитие значения полисемантических слов у детей разных возрастных групп / Т.М. Рогожникова // Материалы VIII Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1986. – С. 185–186.
74. Рогожникова Т.М. Психолингвистические проблемы функционирования полисемантического слова [Электронный ресурс]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Т.М. Рогожникова – Уфа, 2000. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/psikholingvisticheskie-problemy-funktsionirovaniya-polisemantichnogo-slova>. – Дата обращения: 29.08.2015. – Загл. с экрана.
75. Сазонова Т.Ю., Умеренкова А.В. Эффект обманутого ожидания: лингво-когнитивное моделирование [Электронный ресурс] / Т.Ю. Сазонова, А.В. Умеренкова. – Режим доступа: http://fccl.ksu.ru/winter.99/cog_model/sazonova.pdf. – Дата обращения: 07.02.2015. – Загл. с экрана.

76. Сазонова Т.Ю. Психолингвистическое исследование стратегий и опор идентификации слова [Электронный ресурс] / Т.Ю. Сазонова. – Режим доступа: http://fccl.ksu.ru/winter.99/cog_model/sazonova.pdf. – Дата обращения: 07.02.2015. – Загл. с экрана.
77. Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику / Л.В. Сахарный. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – 184 с.
78. Сергиенко Е.А. Развитие понимания ментальных состояний и новый взгляд на теорию Пиаже [Электронный ресурс] / Е.А. Сергиенко. – Режим доступа: <http://itsidea.ru/uploads/1/razvitie-ponimaniya-mentalnyh-sostojanij.pdf>. – Дата обращения: 02.12.2012. – Загл. с экрана.
79. Солсо Р. Когнитивная психология [Электронный ресурс] / Р. Солсо. – 6-е изд. – СПб.: Питер, 2006. – 589 с: ил. – Серия «Мастера психологии». – Режим доступа: <http://www.razum.ru/45377-mastera-psixologii-kognitivnaya-psixologiya-6-e.html>. – Дата обращения: 21.09.2013. – Загл. с экрана.
80. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация [Электронный ресурс] / С.Г. Тер-Минасова. – Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/1741513/>. – Дата обращения: 02.12.2014. – Загл. с экрана.
81. Ткаченко Н.М. Исследование стратегий идентификации значения псевдослова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. / Н.М. Ткаченко. – Ижевск, 2007. – 20 с.
82. Тогоева С.И. Психолингвистические проблемы неологии [Электронный ресурс]: дис. ... докт. фил. наук: 10.02.19 / С.И. Тогоева – Тверь, 2000. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/psikholingvisticheskie-problemy-neologii>. – Дата обращения: 29.08.2015. – Загл. с экрана.
83. Умеренкова А.В. Лингво-когнитивное моделирование эффекта обманутого ожидания: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. / А.В. Умеренкова. – Курск, 2009. – 20 с.

84. Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка / А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1968. – 221 с.
85. Фабер В.О. Проблема неопределённости в структуре философского знания: онтологический, гносеологический, антропологический аспекты: дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / В.О. Фабер – Саратов. гос. ун-т. – Саратов, 2004. – 155 с.
86. Филд Дж. Психоллингвистика: Ключевые концепты. Энциклопедия терминов (с английскими эквивалентами) / Дж. Филд. – Пер. с англ. – М.: URSS, 2012.– 344 с.
87. Фрумкина Р.М. Психоллингвистика: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений / Р.М. Фрумкина. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 320 с.
88. Цзе Л., Шляхов В.И. Родословная жаргона в газетных заголовках. [Электронный ресурс] / Л. Цзе, В.И. Шляхов – Режим доступа: http://www.mapryal.org/files/doc_1.doc – Дата обращения: 21.10.2013. – Загл. с экрана.
89. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М.: Просвещение, 1972. – 168 с.
90. Шанский Н.М., Иванов В.В.. Современный русский язык. Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» В 3 ч. Ч. 1. Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография / Н. М. Шанский, В.В. Иванов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1987. – 192 с.
91. Шишкина Л. П. Контекст как структурный компонент лексикона тезаурусного типа [Электронный ресурс] / Л.П. Шишкина // Язык и культура. – Электрон. журн. – №3. – 2010. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontekst-kak-strukturnyy-komponent-leksikona-tezaurusnogo-tipa>. – Дата обращения: 21.09.2013. – Загл. с экрана.
92. Шнипова О.В «Ложные друзья» переводчика в немецком языке [Электронный ресурс] / О.В. Шнипова. – URL:

- [http://cdn.scipeople.com/materials/32988/Ложные друзья переводчика в немецком языке.doc](http://cdn.scipeople.com/materials/32988/Ложные_друзья_переводчика_в_немецком_языке.doc). – Дата обращения: 14.02.2014. – Загл. с экрана.
93. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании [Электронный ресурс] / Л.В. Щерба. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/shcherba-74a.htm>. – Дата обращения: 21.04.2015. – Загл. с экрана.
94. Эткинд Е.Г. Разговор о стихах / Е.Г. Эткинд. – СПб.: Детгиз, 2004. – 240 с.
95. Aitchinson J. Words in the mind: an introduction to the mental lexicon / J. Aitchinson. – Oxford, UK: TJ Press Ltd, 1987. – 229 p.
96. Baidinger. K. Die Semasiologie. Versuche eines Überblicks [Electronic resource] / K. Baidinger. – Berlin, 1957. – Режим доступа: <http://www.quickwiki.com/de/Semasiologie>. – Дата обращения: 12.05.2015. – Загл. с экрана.
97. Caramazza A., Grober E. Polysemy and the structure of the subjective lexicon / A. Caramazza, E. Grober // Semantics: theory and application / Ed. by C. Rameh. – Washington, 1976. – Pp.181–206.
98. Сума V. P. Lexical ambiguity resolution [Electronic resource] / V.P. Сума. – Режим доступа: <http://www.u.arizona.edu/~vanpettc/reprints/lexamb.pdf>. – Дата обращения: 02.12.2012. – Загл. с экрана.
99. Ferreira F., Christianson K., Hollingsworth A. Misinterpretations of Garden-Path Sentences: Implications for Models of Sentence Processing and Reanalysis / F. Ferreira, K. Christianson, A. Hollingsworth // Journal of Psycholinguistic Research. – Vol. 30. – No. 1. – 2001. – Pp. 3–20
100. Grainger J., Jacobs A.M. & Segui J. On the role of competing word units in visual word recognition: The neighborhood frequency effect / J. Grainger, A.M. Jacobs & J. Segui // Perception and Psychophysics, 1989. – Vol.45. – Pp.189–195.
101. Hank P. Lexical analysis: Norms and exploitations / P. Hank. – Boston: The MIT Press, 2013. – 480 p.

102. Ide N., Veronis J. Introduction to the special issue on word sense disambiguation: the state of the art [Electronic resource] / N. Ide, J. Veronis // *Computational linguistics*. – 1998. – V. 24. – № 1. – Дата обращения: 05.05.2015. – Загл. с экрана.
103. Jakobson R. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre / R. Jakobson. – In.: *Travaux du Cercle Linguistique de Prague*. VI. – Praha, 1936. – P. 252.
104. Johnson M. The body in the mind: the bodily basis of meaning, imagination, and reason / M. Johnson. – Chicago: Chicago University Press, 1987. – 233 p.
105. Lakoff G. Women, fire and dangerous things: what categories reveal about the mind / G. Lakoff. – Chicago: The University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
106. Lesk M. Automatic sense disambiguation using machine readable dictionaries: How to tell a pine cone from an ice cream cone [Electronic resource] / M. Lesk // *Proceedings of SIGDOC-86: 5th International conference on systems documentation*. – Toronto, 1986. – Режим доступа: http://www.researchgate.net/publication/230854746_Automatic_sense_disambiguation_using_machine_readable_dictionaries_How_to_tell_a_pine_cone_from_an_ice_cream_cone. – Дата обращения: 02.05.2015. – Загл. с экрана.
107. Lin C.C., Ahrens K. How many meanings does a word have? Meaning estimation in Chinese and English [Electronic resource] / C.C. Lin, K. Ahrens // *Language acquisition, change and emergence: Essays in evolutionary linguistics*. – Hong Kong, 2005. – Режим доступа: http://www.u.arizona.edu/~clin/professional/papers/Lin_ahrens_Mn05.pdf. – Дата обращения: 02.05.2015. – Загл. с экрана.
108. Linck J., Hoshino N., Kroll J. Cross-language lexical processes and inhibitory control [Electronic resource] / J. Linck, N. Hoshino, J. Kroll. – Режим доступа: <http://scholar.google.ru/citations?user=iyTz0QAAAAJ&hl=en>. – Дата обращения: 09.03.2015. – Загл. с экрана.

109. Marslen-Wilson W.D. Function and process in spoken word-recognition / W.D. Marslen-Wilson // Bouma H. & Bouwhuis D.G. (Eds.). Attention and performance X: Control of language processes. Hillsdale, NJ.: Lawrence Erlbaum, 1984. – Pp.125–150.
110. Miller G.A. Language and Communication / G.A. Miller. – NY; Toronto; London: Springer, 1963. – 288 p.
111. Nunberg G. The-non-uniqueness of semantic solutions: polysemy / G. Nunberg// Linguistics and philosophy, 1979. – Vol. 3. – Pp. 143–184.
112. Oden G., Spira J. Influence of context on the activation and selection of ambiguous word senses / G. Oden, J. Spira// Quarterly Journal of Experimental Psychology, 1983. – Vol. 35a. – № 1. – Pp. 51–64.
113. Perfetti C. [Electronic resource] / C. Pergetti. – Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Charles_Perfetti. – Дата обращения: 07.02.2015. – Загл. с экрана.
114. Puntoni S, Langhe B., Osselaer S. Bilingualism and the emotional intensity of advertising language [Electronic resource] / S. Puntoni, B. Langhe, S. Osselaer. – Режим доступа: <https://ideas.repec.org/a/ucpr/jconrs/v35y2009i6p1012-1025.html>. – Дата обращения: 09.03.2015. – Загл. с экрана.
115. Schvaneveldt R., Meyer D. and Becker C. Lexical ambiguity, semantic context, and visual word recognition / R. Schvaneveldt, D. Meyer and C. Becker // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance, 1976. – Vol. 2. – Pp. 243–250.
116. Schwartz A., Yeh L., Shaw M. Lexical representation of second language words [Electronic resource] / A. Schwartz, L. Yeh, M. Shaw. – Режим доступа: <http://bild.la.psu.edu/publications/stuff/research-papers-directory/schwartz-and-van-hell-final>. – Дата обращения: 09.03.2015. – Загл. с экрана.

117. Simpson G. Meaning, dominance, and semantic context in the processing of lexical ambiguity / G. Simpson // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 1981. – Vol. 20. – Pp. 120–136.
118. Simpson G., Burgess C. Activation and selection processes in the recognition of ambiguous words / G. Simpson, C. Burgess // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 1985. – Vol. 11(1). – Pp. 28–39.
119. Sperber D., Wilson D. *Relevance: Communication and cognition* / D. Sperber, D. Wilson. – Oxford: Basil Blackwell, 1986. – 289 p.
120. Sternberg R.J. *Cognitive psychology* [Electronic resource] / R.J. Sternberg. – Fort Worth etc. – 4-th ed. Holt. – Rinehartand Winston, 1996. – Режим доступа: <http://www.google.co.th/books?id=WNss-44HFUQC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>. – Дата обращения: 21.09. 2013. – Загл. с экрана.
121. Swinney D. Lexical access during sentence comprehension: (Re) consideration of context effects [Electronic resource] / D. Swinney. – 1979. – Режим доступа: http://lcnl.ucsd.edu/LCNL_main_page/Publications_PDF/1979_Swinney.pdf. – Дата обращения: 27.01. 2013. – Загл. с экрана.
122. Toglia M.P., Battig W.F. *Handbook of Semantic Word Norms*. – Hillsdale; New Jersey: Erlbaum Association, 1978. – 159 p.
123. Ungerer F., Schmid H.-J. *An introduction to cognitive linguistics* / F. Ungerer, H-J Schmid. – New York: Longman, 1996. – 305 p.
124. Van Petten C. Lexical ambiguity resolution [Electronic resource] / C. Van Petten. – Режим доступа: www.u.arizona.edu/~vanpettc/reprints/lex-amb.pdf. – Дата обращения: 08.02.2014. – Загл. с экрана.
125. Zwaan R. A., Madden C. J. Perceptual Representation as a Mechanism of Lexical Ambiguity Resolution: An Investigation of Span and Processing Time / R.A. Zwaan, C.J. Madden // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. – 2006. – Vol. 32. – № 6. – Pp.1291–1303.

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

126. 4300 слов (4300 слов, 26 словарей) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.learnwords.ru/database.html>. – Дата обращения: 09.02.2015. – Загл. с экрана.
127. Ложбан [Электронный ресурс] / на осн. сайтов Google – Электрон. дан. – [б.м.]. – Режим доступа: <https://sites.google.com/site/cernidirgo/system/app/pages/sitemap/hierarchy>. – Дата обращения: 14.04.2010. – Загл. с экрана.
128. Неоднозначность // Онлайн Энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [//encyclopaedia.big.ru/enc/liberal_arts/NEODNOZNACHNOST.html](http://encyclopaedia.big.ru/enc/liberal_arts/NEODNOZNACHNOST.html). – Дата обращения: 18.10.2014. – Загл. с экрана.
129. Омонимы и многозначные слова в английском языке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://edelweiss-lessons.com/ru/article/19-omonim>. – Дата обращения: 27.01.2013. – Загл. с экрана.
130. Психологический словарь «Планея» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://planeu.ru/dic/v/v_10.htm. – Дата обращения: 27.09.2013. – Загл. с экрана.
131. Словарь Академик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/18626. – Дата обращения: 02.12.2012. – Загл. с экрана.
132. Списки частотности английских слов – Frequency lists [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://en.wiktionary.org/wiki/Wiktionary:Frequency_lists#Word_families. – Дата обращения: 07.02.2015. – Загл. с экрана.
133. Частотность запросов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://topvisor.ru/help/manual/keywords/keyword-frequency/>. – Дата обращения: 09.05.2015. – Загл. с экрана.

134. Частотность и конкурентность ключевого слова – что это такое? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.novichkoff.ru/chastotnost-i-konkurentnost-klyuchevogo-slova-chto-eto-takoe.html> (материалы форума). – Дата обращения: 09.05.2015. – Загл. с экрана.
135. Active English (1000 слов) [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://www.learnwords.ru/database.html>. – Дата обращения: 09.02.2015. – Загл. с экрана.
136. Basic English (1054 слова) [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://www.learnwords.ru/database.html>. – Дата обращения: 09.02.2015. – Загл. с экрана.
137. Cambridge Dictionaries Online [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://dictionary.cambridge.org/ru/>. – Дата обращения: 15.02.2015. – Загл. с экрана.
138. Collins [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://www.collinsdictionary.com>. – Дата обращения: 27.01.2013. – Загл. с экрана.
139. Dictionary of Philosophical Terms and Names [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://www.philosophypages.com/dy/>. – Дата обращения: 09.02.2015. – Загл. с экрана.
140. Intellect 25 [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://www.learnwords.ru/database.html>. – Дата обращения: 09.02.2015. – Загл. с экрана.
141. Lexicon of Linguistics [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://www2.let.uu.nl/Ui1-OTS/Lexicon/>. – Дата обращения: 09.02.2015. – Загл. с экрана.
142. Longman Communication 3000 new [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://www.learnwords.ru/database.html>. – Дата обращения: 09.02.2015. – Загл. с экрана.

143. MacMillan Dictionary [Electronic resource]. – Режим доступа: www.macmillandictionary.com. – Дата обращения: 14.04.2015. – Загл. с экрана.
144. Multilingual Dictionary [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://www.allwords.com>. – Дата обращения: 09.02.2015. – Загл. с экрана.
145. OneLook Dictionary Search [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://www.onelook.com/?w=ambiguity&ls=a>. – Дата обращения: 09.02.2015. – Загл. с экрана.
146. Oxford American Dictionary [Electronic resource]. – Режим доступа: [Oxford American Dictionary.com](http://OxfordAmericanDictionary.com). – Дата обращения: 27.01.2013. – Загл. с экрана.
147. Oxford English Dictionary [Electronic resource]. – Режим доступа: www.oed.com. – Дата обращения: 27.01.2013. – Загл. с экрана.
148. Project Gutenberg [Electronic resource]. – Режим доступа: http://en.wiktionary.org/wiki/Wiktionary:Frequency_lists/PG/2006/04/1-10000. – Дата обращения: 07.06.2015. – Загл. с экрана.
149. Webster's 1828 Dictionary [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://webstersdictionary1828.com>. – Дата обращения: 14.04.2015. – Загл. с экрана.
150. Wiktionary: Frequency lists/TV/2006/explanation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://en.wiktionary.org/wiki/Wiktionary: Frequency_lists/TV/2006/explanation](http://en.wiktionary.org/wiki/Wiktionary:Frequency_lists/TV/2006/explanation). – Дата обращения: 14.04.2015. – Загл. с экрана.
151. Wiktionary: Frequency lists/Contemporary fiction [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://en.wiktionary.org/wiki/Wiktionary: Frequency_lists/Contemporary_fiction](https://en.wiktionary.org/wiki/Wiktionary:Frequency_lists/Contemporary_fiction). – Дата обращения: 14.04.2015. – Загл. с экрана.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Бланк для ответов (Э1)

1. Напишите, что, по Вашему мнению, обозначает данное слово. Учтите, что все слова выражены именами существительными. Ответ может быть дан как на родном, так и иностранном языке.

monitor	
credit	
will	
temple	
fork	
fan	
change	
coat	
trunk	
ice	
band	
bill	
air	

2. Переведите предложения, обращая особое внимание на подчеркнутые слова.

<p>1. UN <u>monitors</u> will remain in the country to supervise the elections.</p> <p>2. They never give Gene any <u>credit</u> for all the extra work he does.</p> <p>3. Everyone could only envy his strong <u>will</u>, he was a very strong true man.</p> <p>4. He put the revolver to his right <u>temple</u>.</p> <p>5. As the sun was rising they reached the <u>fork</u> in the road.</p> <p>6. Her gloves were new, and her <u>fan</u>, too, was new, but it was a common one.</p> <p>7. Billy paid her, received his <u>change</u>, and drove on.</p> <p>8. The <u>coat</u> of paint was not yet completely dry.</p> <p>9. I sat down on the grass and leant against the tree <u>trunk</u>.</p> <p>10. Mum bought some <u>ice</u> for dessert.</p> <p>11. I like to wear a <u>band</u> on my hair.</p> <p>12. This kind of birds has a very big <u>bill</u> and strong claws.</p> <p>13. He looked at me with an <u>air</u> of importance.</p>	
---	--

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Бланк для ответов (Э2)

1. Какие ассоциации вызывают у Вас данные слова? Все слова выражены именами существительными).

monitor	
credit	
will	
temple	
fork	
fan	
change	
coat	
trunk	
ice	
band	
bill	
air	

2. Продолжите предложения. В некоторых случаях наличие или отсутствие артикля у существительного зависит от того значения, которое Вы выберете. В скобках укажите на русском языке, какое значение неоднозначного слова Вы использовали в своем варианте продолжения предложения.

- We should choose a monitor.....
- Whether you are given (a) credit or not.....
- Without paying attention to his will.....
- Suddenly there was a loud knock right somewhere in the temple which meant that.....
- There was a fork so he had to decide.....
- Fans can be of great help.....
- I found some/a change
- There were a lot of coats
- In the centre of the..... there was a trunk
-
- They cleared the ice quickly
- The band looked bright and added charm to.....
- The bill was not enormously big but efficient
-
- The air was so pure and nice that I couldn't help
-

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Реакции-дефиниции. I этап Э1 (120 Ии.)

Стимул CREDIT. Количество отказов: 2

Толкование 1. *Кредит (27), денежная сумма, заём, услуга; счёт; займ (9) у банка или физ.лица; предоставление денег кому-либо на определенный срок (2); постепенная выплата суммы, деньги, данные человеку с условием/гарантией возврата с определённым процентом (3); когда берёшь деньги под проценты; деньги, сумма, взятая в займы (4); определённая сумма денег, данная банком; сумма денег, взятая в долг/данная в рассрочку (2); вид финансовых взаимоотношений между пользователем и банком для передачи нуждающемуся средств под проценты, финансовое рабство; некоторое количество денег, которое можно потратить; запас; что-то в долг; кредитовать; залог; деньги, взятые в банке на какие-либо расходы; задолженность; возможность взять что-то сейчас и отдать потом; деньги, которые были взяты в банке/займы для каких-либо целей под проценты/ а человек их должен потом вернуть; денежная сумма, данная банком «в долг»; некая сумма денег, взятая в рассрочку на определённый срок (чаще в счёт оплаты какого-либо товара или крупного приобретения); долг, который человек обязан вернуть; сумма денег, выдаваемая банком по запросу для приобретения какого-либо имущества или для вложения в дело/бизнес; получение денежных средств; деньги; одобрен; утверждать; some kind of debt (2); give money to someone; some money that the bank gives people and they have to return it in some time; valuable thing instead of money; a chance; money (3); something borrowed (2); lending money; something from a bank; sum of money; credit card.*

Толкование 2. *Доверие (15), умение положиться на другого; «кредит доверия»; вера (2); доверенность; belief (3), trust (5), respect (7); a good reputation (2); confidence, secret.*

Толкование 3. *Зачет (points you get for good/bad work in class) (13), оценка в конце семестра; балл (2); «сдано»; кредиты (определённое количество предметов, часов которых берёт студент для изучения за границей); за границей студенты получают их в качестве баллов за аттестацию; point for a course at school or University; a system of grades.*

Толкование 4. *Credits (pl) – титры, подписи в конце фильма.*

Стимул TEMPLE. Количество отказов: 12

Толкование 1. *Храм (52); убежище религиозного братства; здание, куда приходят молиться (6), везде иконы; место, где совершаются богослужения (3); место для уединения со своим духовным идеалом; замок (6), дворец (2); монастырь (2); церковь; купол (2); башня; святилище; собор; место, принадлежащее церкви; святое место; строение для богослужения; сооружение, созданное в честь богов; архитектурное строение; спасение души; здание (3) какого-либо стиля, представляющее определённую историческую ценность; место, где собираются люди, верующие в Бога; место, где люди молятся Богу (4), просят об искуплении грехов; размеренность; место спокойствия и уединения; большие, чем церковь; a kind of a chapel, a place of worship and prayers for religious people (2); a kind of a church (2); a big church; high-style, a big one; a church (3), a place where people can pray, a place of God; a kind of a palace or cathedral; a tall building where people serve and pray; religious institution; religion (2); belief (2); trust; an ancient building related with gods; building meant for a religious purpose; a building; a cathedral (2); the place for praying (2); a sacred place; a great and beautiful church; place for the god; a home for our late relatives; god; for god's sake.*

Толкование 2. *Висок (8); часть лица, попасть в неё опасно для жизни; a part of a human skull; чело.*

Толкование 3. Место, которое по каким-то причинам «святое», очень важное для человека.

Стимул CHANGE. Количество отказов: 4

Толкование 1. Сдача (17), деньги, монетки, мелочь (2); *money that a shop assistant returns; money given in return/back* (2); *coins* (2); *money that you get back after a purchase*.

Толкование 2. Обмен (7), размен; обмен валюты/денег (2); менять (2); обменивать.

Толкование 3. Изменение (39); перемена (22); что-то меняется на что-то, обмен, рокировка (2); перемена, смена хода событий; перемены в жизни (3); замена; шанс, попытка; смена (2); изменения во внешности; когда со временем свойства предмета становятся другими, порой диаметрально противоположными; менять (3); процесс, объясняющий переход одного явления в другое; процесс замещения одного предмета другим; переход чего-либо от одного состояния к другому (3); альтернатива; желание быть лучше; коренное перестраивание; возможность что-то изменить; *Veraenderung*; *transformation of smth*; *an unexpected thing*; *new period, new stage of something*; *new life, new thought, people*; *new things, beginnings*; *something new* (2); *a turning moment in life*; *variety*; *variation*; *alter*; *social break*.

Толкование 4. Измена (2) *a changement*.

Толкование 5. Пересадка.

Стимул TRUNK. Количество отказов: 25

Толкование 1. Чемодан (11), большая сумка для вещей (2); багажник (6), служит для хранения и перевозки вещей (2); тело (2); место, куда люди складывают свои вещи, ценности. *a back part of a big car*; *a very big bag*; *a kind of language of body of a person*; сундук (4); *a big rectangular bag*; *chest*; *Koffer*; *suitcase*; *things made of wood*.

Толкование 2. Ствол (22); пень; (толстая/основная) часть дерева (3); основа дерева (3); туловище; что-то продолговатое; *a part of a tree* (2); *a vertical part of a tree or some other plant*; *tree* (2); *wooden*; *forest*.

Толкование 3. Хобот (15) – орган слона, с помощью которого он питается; часть слона, которой он дышит; труба; бивень; часть тела слона; нос слона; *an elephant's nose* (3); *a part of a body*

Толкование 4. Реакции по звукобуквенному комплексу: транквилизатор; напиток. Грузовик (6); цистерна, фургон; *a big car*; магистраль.

Стимул ICE. Количество отказов: 0

Толкование 1. Лёд (63), что-либо замороженное; что-то холодное; замёрзшая/замороженная/застывшая вода (16), одно из состояний воды (5), возникающее при холодной температуре; твёрдое агрегатное состояние воды (2); закристаллизованная вода; красивая холодная вода; холодное вещество; кусок замороженной воды; то, что мы храним в холодильнике, на чём катаемся на коньках; ледяной; мороз; холод (3); снег; зима; мороженое (*ice cream* (2)); площадка для игры в хоккей; страх; состояние погоды; *the "hard" form of water/solid state of water/ a piece of frozen water because of a low temperature*; *frozen water* (7); *special condition of water*; *hard substance of water which melts at 1 degree above zero and higher*; *la glace*; *cold* (2), *winter, white*; *something cold* (3); *state/condition of water* (2); *water*; *a cold piece of water*; *freeze*; *food*; *topping*; *dessert*; *iceberg*

Толкование 2. Мороженое (5).

Толкование 3. Метафитамин.

Стимул BAND. Количество отказов: 7

Толкование 1. Группа (38) – *a group of people* (4), несколько людей (3), объединенных одной целью, интересами, увлечениями (13); команда; сообщество; коллектив; стая; отряд; *a group of people connected by mutual interests; a group* (3).

Толкование 2. Банда (18), группировка (2), группа людей, занимающихся преступной деятельностью; группа людей, которые объединились для совершения преступления; шайка (2); группа людей, собравшаяся для совершения противозаконных действий.

Толкование 3. Музыкальная группа (28)/коллектив (5) обычно певческий; группа, собранная для творчества и самодеятельности; оркестр (5); группа артистов/творческих людей (2); группа людей, играющих в одной музыкальной группе; музыканты, играющие в одном составе; *people playing music; musical group* (2); *rock group; a group of people playing some kind of music* (2); *collective of musicians, a band/group of musicians* (2); *a group of people who play music* (2) together ; *a group of men singing together; a small community of talented creative people; artists; music*

Толкование 4. Повязка на голову; повязка; кусок ткани или иного материала; лента; подвязка; *a strap of some material usually to wear on the wrist; a strip of fabric*; пучок

Толкование 5. Связка, сборник (книг); том книги; связующая вещь; *letters, connection*.

Стимул BILL. Количество отказов: 9

Толкование 1. Счет (52), деньги в оплату за что-то (5); то, что нужно оплатить (2), сумма для оплаты (2); чек (5), квитанция (6) об оплате (расходов); платеж (4) для оплаты; бумага о сумме покупки (2); чек на определённую сумму за какие-либо услуги; обязательная выплата; способ безналичной оплаты; вексель; оплата; денежные средства; документ; некая конечная сумма денег за какую-либо услугу/товар; штраф; *the awful thing you need to pay every day; a piece of paper with the sum of money* (2) for any service; *payment; a list a person is obliged to pay; a receipt; a document showing how much you are to pay for something; a special sheet with the price you have to pay for something; paying for parking, gas, electricity, water; a piece/sheet of paper (with numbers)* (2), *check; money* (2); *paper; cheque; account*.

Толкование 2. Законопроект (12), билль (6); закон; документ, изданный Британским парламентом; «Билль о правах» (2); юридический документ; официальный документ; мандат; *a law* (2), *which isn't accepted yet*.

Толкование 3. Реакции по звукобуквенному комплексу: Билет, бюллетень (фр); налог; штраф; *a tax*; Билл (имя). (*bell*) Прибор, который звонит, когда в дом приходят гости; звонок; зов.

Толкование 4. Афиша, реклама.

Стимул AIR. Количество отказов: 0

Толкование 1. Воздух (67); кислород, то, чем мы дышим/ что вдыхаем (12); атмосфера (2); газ, которым дышат все живые существа; совокупность/смесь различных химических веществ/газов (4) (аргон, азот, кислород, углекислый газ) (4), служит важным для человека элементом; то, чем дышит человек (2); пространство (2); атмосфера (2); газообразная часть среды; газообразное вещество; одна из стихий наряду с водой, землёй и огнём; аэропорт (сокращённое название); свежесть; свобода (2); лёгкость (2); газ, необходимый для дыхания; возможность дышать; полёт; *the mixture of oxygen, hydrogen and other gases we breathe; atmosphere* (5); *substance we breathe in* (3); *substance needed for life; substance which humans breathe; a component of atmosphere; invisible substance which consists of oxygen, CO2 and other addings; life* (2), *cool; transparent substance which consists of*

different gases, usually eligible for breathing; something around people; invisible source of life; wind; something touchless; something invisible around people; breath; die Luft.

Толкование 2. Вид (5), выражение лица (2) человека; манера, с которой человек что-то говорит, реагирует на что-то; поведение (2) a way, manner of behavior; состояние, настроение (3); mood.

Толкование 3. Пневматика; эфир.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Переводные реакции. II этап Э1 (120 Ии.)

Стимул AIR. Количество отказов: 16

Значение неоднозначного слова, использованное автором: *заслуга*.

Значение неоднозначного слова, выбранное Ии: *(дополнительные) деньги (17); бонусы (2)/премия (10); баллы (2); доп. плата (8); при(над)бавка (7); кредит (10); уступки; побряжки (5); вознаграждение (2); значение; кредит; уважение/честь (2); благодарность (3); заслуга+ценить (2); одобрение (2); зачёты; привилегии; чаевые; поощрение (7); значение; льготы; аванс; указание; премия; похвала (4); уважение (2); доверие (3); должное.*

Стимул TEMPLE. Количество отказов: 13

Значение неоднозначного слова, использованное автором: *висок*.

Значение неоднозначного слова, выбранное Ии: *висок (69); карман (14); кобура (4); бок; сторона; колено; (в правильном) положении – англ; держатель; рука (2).*

Стимул CHANGE. Количество отказов: 20

Значение неоднозначного слова, использованное автором: *сдача*.

Значение неоднозначного слова, выбранное Ии: *сдача (81); товар (2); чек; обмен. Варианты перевода контекста: Билли заплатил за неё; ... достигнув изменения.*

Стимул TRUNK. Количество отказов: 16

Значение неоднозначного слова, использованное автором: *ствол*.

Значение неоднозначного слова, выбранное Ии: *ствол (76); ветка (2) (повесил одежду на...); дерево (5); пень; крона; тень; сук; корни; дупло; кора. Варианты перевода контекста: tree trunk – три ствола; Я присел на траву и изучал строение дерева.*

Стимул ICE. Количество отказов: 0

Значение неоднозначного слова, использованное автором: *мороженое*.

Значение неоднозначного слова, выбранное Ии: *мороженое (93); лёд (13) для десерта; глазурь; холодильник; сливки.*

Стимул BAND. Количество отказов: 10

Значение неоднозначного слова, использованное автором: *повязка, лента*.

Значение неоднозначного слова, выбранное Ии: *повязка (27); лента (20); бандана (18); ободок (12); пучок (5); бант (12); хвост(ик) (4); резинка (3); браслет на руке (2); ремешок на руке; кепка.*

Стимул BILL. Количество отказов: 23

Значение неоднозначного слова, использованное автором: *клюв*.

Значение неоднозначного слова, выбранное Ии: *клюв (74); туловище; крылья (3); когти; хохолок; хвост (3).*

Стимул AIR. Количество отказов: 12

Значение неоднозначного слова, использованное автором: *вид, выражение лица.*

Значение неоднозначного слова, выбранное Ии: вид (важный), выражение лица (61); важность (13); свысока (2); взгляд (3); многозначительно (3); высокомерно; насто-роженно, внимательно; «налёт»; доля (неуважения); с лёгким неуважением; с оттенком важности; с ощущением важности; со значением; с аурой важности; с напускной важ-ностью; немного с нетерпением; как будто хотел сообщить что-то важное; с лёгко-стью; со вздохом уважения; важно.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Свободные ассоциации. I этап Э2 (100 Ии.)

Стимул CREDIT.

Лексико-семантическая группа 1. *Кредит (16) le credit; деньги (11); банк (12) bank; долг (3); давать кредит в банке; процент(ы) (2); займ (2); ипотека (2); годовой процент (2); покупка; ссуда; займы; вид взаимоотношений между банком и лицом, финансовое рабство; кабала; мошенники; money (3); to pay credit; loan.*

Лексико-семантическая группа 2. *Зачёт (4); сессия; студенты; points; оценка.*

Лексико-семантическая группа 3. *Rain; боль, страх, головная боль, работа; успех; appraisal.*

Лексико-семантическая группа 4. *Доверие.*

Стимул TEMPLE.

Лексико-семантическая группа 1. *Храм (8); Buddhist temple; le temple (fr); собор; ладан; колокола (2); баинья; икона; вера; здание (2); церковь; религия; конфеты в форме купола; исповедь; храм, монах; колокола; что-то церковное; церковь; священник; sanctuary; building; holy; religion; church, cathedral; religious place.*

Лексико-семантическая группа 2. *Замок; дворец; античность; тамплиеры.*

Лексико-семантическая группа 3. *Висок (4); пистолет; head.*

Лексико-семантическая группа 4. *Реакции по звукобуквенному комплексу: Темп (4); temper.*

Стимул CHANGE.

Лексико-семантическая группа 1. *Изменение (12); что-то новое; перемены (7) к лучшему; замена (2); смена (2); изменять, менять; новая жизнь; Мэри Поппинс; лучшая жизнь; новое; хорошо; менять; стрижка, красные ногти, кардинально; внешний вид, прическа; мнение; difference; le changement; Wind of change (2); Vowel changes.*

Лексико-семантическая группа 2. *Деньги (4); обмен (3), монетки; сдача (3); мелочь; помощь; деньги, которые тебе возвращают; звук звона монет; магазин; money (5); shop.*

Лексико-семантическая группа 3. *Реакции по звукобуквенному комплексу: challenge (2).*

Стимул TRUNK.

Лексико-семантическая группа 1. *Ствол (6);*

1) дерево (3); длинный; листва; большой; кора; ствол дерева; пенёк; tree (4);

2) пистолет, убийство, багажник (2), пустыня.

Лексико-семантическая группа 2. *Хобот (2); слон (4); вода; насос; животное; трубка; elephant.*

Лексико-семантическая группа 3. *Реакции по звукобуквенному комплексу: (truck) водитель; дорога, фура; место для перевозки чего-либо; повозка; trick; (drunk) алкоголь; пьяница; танк.*

Лексико-семантическая группа 4. *Чемодан (2), путешествие; вещь; плавки; тяжесть, case; crate, box; luggage; journey*

Стимул ICE.

Лексико-семантическая группа 1. Лёд (15); мороженое (12) (мороженка); холод (8); холодное(ый) (6); зима (5); лето (3); скользкий лёд зимой; холод (3); жара; шампанское; сладкое; сладость; вкусное; ледяной; голубой; бесцветный; мороз; холод; коньки; вещество для охлаждения; сосульки; Снежная Королева; каток; Исландия («страна огня и льда»); замёрзшие озёра cold (4); ice cream (3); dessert; cream; winter.

Лексико-семантическая группа 2. Мультик ICE AGE; мультик; Ice battle (Ледовое побоище).

Стимул BAND.

Лексико-семантическая группа 1. Банда (7); группа (4); бандиты; разбой; связь; толпа; сбор, веселье; семья; банда преступников; гангстеры; мотоцикл, ветер.

Лексико-семантическая группа 2. Музыкальная группа (9); музыка (4); джаз jazz (3); оркестр (2); инструментальный ансамбль; концерт; ритм; рок группа; музыкальные инструменты, гитара; rock; group; music.

Лексико-семантическая группа 3. Повязка на голове/ноге (2), бандаж; бандана (2); бант; лента; accessories.

Лексико-семантическая группа 4. Союз (4); том, книга.

Стимул BILL.

Лексико-семантическая группа 1. Счет (12) за услуги (3); деньги (4); чек (3); ресторан (3); официант (2); магазин; банк; оплата за услуги; страх; очередь; bank (2); café; cheque; money; restaurant.

Лексико-семантическая группа 2. Закон (4) law; «Английский билль о правах» (3); юристы, законопроект, политика; счета, выписки; документ; бюллетень, закон; государство.

Лексико-семантическая группа 3. Часть тела птицы; клюв.

Лексико-семантическая группа 4. Реакции по звукобуквенному комплексу: «Убить Билла»; Билл (имя) (3); имя. (bell) звук звона колокольчика.

Стимул AIR.

Лексико-семантическая группа 1. Воздух (20); самолёт(ы) (6); кислород (3); жизнь (2); свежесть (2); голубой (2); свежий (2); природа; птица; дышать; кислород, небо, свобода; лёгкий, невесомость, частица; весна; лёгкость, ветер, аэропорт, полёт; отдых; акваланг; углекислый газ; поток воздуха; окружающее пространство; fresh (2); breathe, freshness; sour, atmosphere; freedom; open air.

Лексико-семантическая группа 2. Внешность; вид; взгляд; look.

Лексико-семантическая группа 3. ПВО, пневматика.

Лексико-семантическая группа 4. Эфир; шоу; радио.

Лексико-семантическая группа 5. Реакции по звукобуквенному комплексу: Jane Air.

Лексико-семантическая группа 6. Огонь, вода.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

Методика продолжения предложения. II этап Э2 (100 Ии.)

Стимул CREDIT. Количество отказов: 14

Значение неоднозначного слова и контекст 1: *кредит, займ (31): you should give me my money, everything depends on you, you should have money, you haven't enough money, it depends on your salary, we buy it, means you can pay your bills or go to bill-pit, you should have a good work; you won't have your business; depends on your salary/credit history, the degree of responsibility is concerned; you have to work; you won't have enough money to buy it; you should spend your money consciously; you'll be able to go into business; you should solve your problem; you'll know only tomorrow; you'll buy it; you're obliged to pay for it; you can rely on me; you should organize your wedding wonderfully; I buy this car; I can't say exactly; you'll buy a car; you must find enough money; you'll be able to buy something; you'll get this car; I'll buy this stuff; depends on the loan terms; we'll buy the house.*

Значение неоднозначного слова и контекст 2: *должное, доверие, признание (4): depends on his relation to you/on your work; you shouldn't let it dishearten you; you should do that.*

Значение неоднозначного слова и контекст 3: *зачёт (5): you should know the material well; you won't pass your exam; you should go on working; you won't be permitted to take your exams; you'll be able to pass the exam*

Стимул TEMPLE. Количество отказов: 12

Значение неоднозначного слова и контекст 1: *храм, церковь (26): someone came/had come in/was there (4); something was wrong (2); the mess had begun/began (2); danger comes nearer, someone wanted to come in, the pray has begun, sb arrived, the priest was still in; dinner is ready; a group of terrorists came up closely to the temple; the robbers came; the knights were found by their enemies; someone came; Easter began; it was not deserted; it was high time to start the meeting; they were inside; somebody entered/came (2); people came; something fell down (святимище; башня) I wasn't alone; it happened.*

Значение неоднозначного слова и контекст 2: *висок (14): he/I had a heavy/strong headache (6), madness has come, I was ill/tired (2); the headache had come again; there definitely was a problem with his/my head (2); he was sick; something was wrong.*

Стимул CHANGE. Количество отказов: 11

Значение неоднозначного слова и контекст 1: *изменение (17): in her appearance (2), in my work, in his mood, in the university, in his handsome face; in her smile; in his voice very strange; for the better; in our curriculum; in my sentence; in our relationships; of things; in the list of candidates; in the manner of his speech; in the situation; in his behavior.*

Значение неоднозначного слова и контекст 2: *мелочь, монеты (23): in my pocket/wallet (10), in the street, for my client; in the shop (2); and put in on the counter; in the gasoline station, and gave it to the client; to buy a pack of crisps on; for a shop-assistant; on the floor in a shop; to give to a beggar; and paid the bill; to buy sweets for my sister.*

Значение неоднозначного слова и контекст 3: *обмен (1): office to exchange my money*

Значение неоднозначного слова и контекст 4: *замена (2): to this goalkeeper; for the main role in the play*

Стимул TRUNK. Количество отказов: 18

Значение неоднозначного слова и контекст 1: *ствол дерева (23): trees, field...of an old oak (2), a city... of a tree, forest... of an oak; park... of a fallen tree; forest... of a tree (struck by a lightning); meadow... of a huge tree; law ... of an old tree; park... of an old oak; tree; law... which was broken; city... of a tree (2); room... of an old tree; forest ... with a hollow in it; meadow... with fungi on it; desert... of an ancient tree; valley ... of an old oak; wood; road ... of a tree which fell because of the wind; field ... of a tree.*

Значение неоднозначного слова и контекст 2: *чемодан (5): city...which sb had lost, railway station... left by some of the passengers; room ... of my father who arrived from his business trip at night; airport... left by someone; room... full of clothes*

Значение неоднозначного слова и контекст 3: *багажник (1): road...a trunk with a holster.*

Значение неоднозначного слова и контекст 4: *хобот (2): city circus house... of an artificial elephant; museum ... of an elephant*

Значение неоднозначного слова и контекст 5. *Реакции по звукобуквенному комплексу: (truck): crossroads... so we got into a jam; city... which had some problems with a car wheel; трамв (1): airport ... to the plane*

Стимул ICE. Количество отказов: 13

Значение неоднозначного слова и контекст 1: *лёд (39): and the fridge started to work again, but it was slippery, thanks to their joint actions, from the snow and started to skate/skating on it (5), as quickly as possible (2); and started to play hockey, to make some cocktails, and offered us to come in, and the ship went further down the river; in order to/to skate (2); before the second period; so that the car could go (2); so that I could drive; and started the engine; from the yard; to open it for the visitors; for playing hockey; because they wanted to go as quickly as possible; so that the hockey match could be continued; and the skating rink was ready for use; and the boys could skate again; before the next séance of ice-skating; in order to prepare the ceremony; saying that they are glad to see us; and we went on skating; so that we could skate; for the party; and began to clean the other areas of the fridge; with a robot; from the plates; from the surface.*

Значение неоднозначного слова и контекст 2: *мороженое (1): from his T-shirt.*

Стимул BAND. Количество отказов: 15

Значение неоднозначного слова и контекст 1: *музыкальная группа, группа, оркестр (18): to this performance, their fans (4), the evening party; to the/their performance (2), the party; this evening; the restaurant; the music hall; the orchestra; the concert; the atmosphere of the holiday; this event; the festival; the wedding; the audience; the songs.*

Значение неоднозначного слова и контекст 2: *украшение для волос (бандана, повязка, бант) (9) her hair (2)/face; the boy; to its owner, her fair hair; to her appearance/garments/bonnet; лента (9): the face of the young girl, her beautiful head; her appearance (2); romantic look; her face; the girl's fair hair; the dress; her pretty face.*

Стимул BILL. Количество отказов: 25

Значение неоднозначного слова и контекст 1: *счёт (21): and big enough (2); so he decided not to pay it, for this visitor, people from the café made it longer and longer as they convinced their visitor to buy more and more dishes, he's made a mistake, for his angry look; so we ran out of money; because I had little money; to make her husband be nervous; to make him a lame duck; for the situation; to pay for it; enough to make a difference; and the family started to have tough times; to make the customers nervous; to leave him without cash that night; and hard-to-pay; to deprive him of his last money; for me; for this buying.*

Значение неоднозначного слова и контекст 2: *билль, законопроект (6): document; said the US government; so people were waiting for some changes; to be accepted; and they accepted it; so it was adopted.*

Значение неоднозначного слова и контекст 3: *клюв (1): to find worms in the ground.*

Стимул AIR. Количество отказов: 8

Значение неоднозначного слова и контекст 1: *воздух (39): in the forest (4)... roaming/enjoying it/walking for some hours; in the forest (4)... falling asleep/standing here for a minute/you; in the wood... breathing; in the mountains (4) admiring it/smiling/ breathing deeply; outside (4)... going for a walk/breathing greedily/admiring/ staying at home anymore; in the countryside (3)... enjoy my rest/ standing there for a long time/ lying on the grass; in the room (2)... smelling it/breathing happily; on this morning...walking in the forest near my estate, in the park...breathing it in, in the field...myself, in this town...having a good rest with my family; in the country... admiring it; after the cleaning... noticing it; in the street; in the garden... doing it; after rain... walking; in the room (2) ... sniffing it; after a thunderstorm ... walking out; in the forest (2)... staying there; mountains ... breathing; outside/in the street ... going for a walk (2).*

Значение неоднозначного слова и контекст 2: *Взгляд, выражение лица: of this pretty woman...liking her.*

Значение неоднозначного слова и контекст 3: *настроение: of the hostess... drinking a cup of tea with the tasty cake she had cooked; атмосфера: at the party... laughing.*